ГАЛИЧИНА, БУКОВИНА, УГОРСКАЯ РУСЬ.

СОСТАВЛЕНО СОТРУДНИКАМИ
ЖУРНАЛА
„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Съ рисунками въ текстѣ и картой Галичины, Буковины и Угорской Руси, исполненной въ краскахъ.

Цѣна 1 р. 40 к.

МОСКВА. 1915.

ТОВАРИЩЕСТВО НА ПАЯХЪ
ТИП. РЯБУШИНСКИХЪ
МОСКВА, СТРАСТНОЙ БУЛ.,
ПУТИНКОВСКІЙ ПЕР., Д. № 3.
1915.

Предисловіе.

Исключительная важность происходящихъ въ настоящее время событій поставила въ центръ общественнаго вниманія родственныя намъ страны — восточную Галицію, Буковину и Угорскую Русь. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія русскаго общества объ этомъ краѣ не отличаются ясностью и полностью, источниковъ же для ознакомленія съ нимъ въ русской литературѣ почти не имѣется,—и въ результатѣ не только обывательская оцѣнка фактовъ послѣднаго времени, но и отношеніе къ нимъ болѣе отвѣтственныхъ круговъ рѣдко бываетъ въ достаточной степени обосновано.

Предлагаемая книга, составленная группою сотрудниковъ журнала „Украинская Жизнь", является отвѣтомъ на многочисленные запросы, полученные редакціей отъ своихъ читателей по поводу переживаемыхъ событій. Являясь сборникомъ статей на отдѣльныя темы, связанныя съ важнѣйшими сторонами жизни закордонной Руси, книга эта не претендуетъ на безупречную систематичность или исчерпывающее содержаніе. Составители имѣли въ виду, главнымъ образомъ, дать основной фактическій матеріалъ, характеризующій положеніе края наканунѣ текущей войны, и этимъ въ извѣстной мѣрѣ восполнить ощущаемый въ литературѣ пробѣлъ.

Географическій очеркъ.

Географически восточная Галиція и сѣверная часть Буковины представляютъ собой юго-западное продолженіе большой восточно-европейской равнины, оканчивающееся у подножія Карпатъ, или, говоря частнѣе, естественное дополненіе Волынской и Подольской губерній Россіи, такъ явно отрѣзанное отъ нея совершенно произвольно проведенной политической границей. Карпаты какъ геологически, такъ и географически представляются уже совершенно другой областью и имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, вполнѣ несвойственный Россіи и примыкающій уже къ характеру западно-европейскихъ странъ, хотя населеніе ихъ и принадлежитъ къ той же этнической группѣ, которая занимаетъ теперь всю Южную Русь или Украину.

Галицкая равнина, какъ мы сказали, составляетъ продолженіе мѣстности, занимаемой Волынской и Подольской губерніями: этотъ географическій фактъ самъ по себѣ до такой степени ясенъ, что сознается и въ мѣстныхъ названіяхъ: сѣверо-восточный уголъ Галиціи, прилегающій къ Волынской губ., называется Галицкой Волынью, а юго-восточная часть ея—Галицкимъ Подольемъ (Поділле). Проходящая по водораздѣлу между этими губерніями плоская возвышенность, не совсѣмъ удачно названная Эйхвальдомъ «Авратынскою», входитъ также и въ Галицію и здѣсь составляетъ водораздѣлъ между системами рѣкъ балтійскаго и черноморскаго бассейновъ, давая съ сѣверной стороны притоки Вислы и Зап. Буга, съ сѣверо-восточной—Стыри, а съ южной Буга (Бога), Днѣстра и Прута. Одного уже перечисленія указанныхъ водъ достаточно для того, чтобы получить понятіе о разорванности галицкой плоской возвышенности—продолженія такъ наз. Авратынской, на нѣсколько частей, каждая изъ которыхъ служитъ водораздѣломъ между бассейнами рѣкъ. Центральное мѣсто между этими все-таки связанными между собою частями занимаетъ Подольская возвышенность, достигающая

между Львовомъ и Бродами наибольшаго поднятія надъ уровнемъ моря (болѣе 400 м.) ограниченная съ южной стороны очень глубокой и тѣсной долиной Днѣстра, а съ сѣвера—долинами Западнаго Буга и Стыри. Съ сѣверо-восточной стороны къ этому Подольскому плато примыкаетъ западная часть Волынской возвышенности, тянущаяся между плоскими и болотистыми долинами З. Буга и Стыри. Эта возвышенность, значительно менѣе высокая, чѣмъ предыдущая (немного болѣе 200 м.) и гораздо болѣе разорванная, отличается отъ нея также и своимъ составомъ, заключая въ себѣ несомнѣнно ледниковыя образованія и входя такимъ образомъ въ сферу распространенія большого скандинавскаго ледника. Такого же рода характеромъ отличается и другая возвышенность—Розточе, или Львовско-Люблинскій хребетъ, идущій сравнительно неширокой полосой на сѣверо-западъ отъ Львова между болотистой долиной З. Буга и такими же долинами Сяна и Вислы. Наконецъ южнымъ своимъ отрогомъ Подольская плоская возвышенность связывается съ Покутскою, раздѣляющей между собою бассейны Днѣстра и Прута. Покутье гораздо разорваннѣе Подольской возвышенности и оригинальную черту ея представляютъ многочисленныя пещеры и такъ называемые «вертепы»—воронкообразныя углубленія почвы, на днѣ которыхъ часто бываютъ небольшія, но очень глубокія озера, иногда уходящія въ подземные потоки, прорытые водой въ залежахъ гипса. Высота Покутья не такъ значительна, какъ Подольской возвышенности и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 370—380 м., однако возлѣ Черновцовъ обнаруживается сравнительно очень большое поднятіе (до 515 м.).

Вдоль сѣверного склона Карпатъ и почти параллельно теченію Днѣстра, отъ Перемышля тянется, почти касаясь Самбора, Дрогобыча, Стрыя, Болехова Станиславова и Коломыи еще одна хребтообразная возвышенность, постепенно повышающаяся по направленію къ юго-западу и незамѣтно переходящая въ настоящую горную цѣпь—Карпаты. Это уже не продолженіе Авратынскаго плато, а настоящее предгорье Карпатъ, такъ и называемое по мѣстному—Підгірье. Въ основѣ его лежатъ наносныя илистыя образованія сѣраго цвѣта, продукты вывѣтриванія и размыванія горъ, снесенныя водами съ ихъ вершинъ. Эти образованія, покрытыя валунными суглинками и лессомъ, а сверху одѣтыя слоемъ превосходнаго чернозема, очень богаты солью,

нефтью и земляным воскомъ, большія эксплоатаціи которыхъ находятся главнымъ образомъ къ западу отъ Дрогобыча и даютъ Підгірью чрезвычайно важное экономическое значеніе.

Собственно Карпаты заселены украинскими племенами въ своей восточной части, начиная отъ р. Попрада на сѣв.-западѣ и кончая границей Трансильваніи на юго-востокѣ. Эта часть Карпатъ, сравнительно не самая высокая, раздѣляется на четыре отдѣла, носящіе различныя народныя названія (названіе Карпаты—вполнѣ книжное и народомъ не употребляется): Низкій Бескидъ, Высокій Бескидъ, Горга́ны и Чорного́ра. Низкій Бескидъ простирается отъ р. Попрада до р. Ляборца и, не будучи высокимъ, отличается своей шириной, красиво округленными вершинами и своей доступностью. Здѣсь находится самый удобнѣйшій изъ карпатскихъ проходовъ—Дуклянскій, не подымающійся нигдѣ выше 500 м. Мягкій песчаникъ и глинистый сланецъ Низкихъ Бескидъ вездѣ покрыты мощнымъ слоемъ лесса и почти нигдѣ не выступаютъ наружу. Къ сожалѣнію покрывавшіе ихъ прежде лѣса теперь вырублены и дождевыя воды сносятъ массы песку и глины внизъ, портя превосходныя когда-то поля украинскаго племени—лемковъ, населяющихъ почти все пространство этой цѣпи горъ. Къ югу отъ нея тянется на пространствѣ почти 100 километровъ, невысокій (до 500 м.) горный хребетъ Гедаля, носящій на себѣ явные слѣды когда-то очень сильной вулканической дѣятельности въ видѣ остатковъ бывшихъ кратеровъ, а теперь на южномъ своемъ концѣ составляющій почву знаменитыхъ токайскихъ виноградниковъ. Отъ р. Ляборца до Веречскаго прохода (желѣзная дорога Стрый—Мункачъ) Карпаты носятъ названіе Высокаго Бескида, вполнѣ оправдываемое значительными высотами хребта, по которому проходитъ граница между Австріей и Венгріей (гора Галичъ около 1300 м., Пикуй болѣе 1400 м.). Составъ ихъ тотъ же, что и Низкихъ Бескидъ, т.-е. въ нихъ преобладаютъ главнымъ образомъ песчаники и глинистые сланцы, но, благодаря толщинѣ слоевъ и твердости песчаниковъ, обнаженія каменныхъ породъ болѣе часты и придаютъ пейзажу болѣе горный, скалистый характеръ.

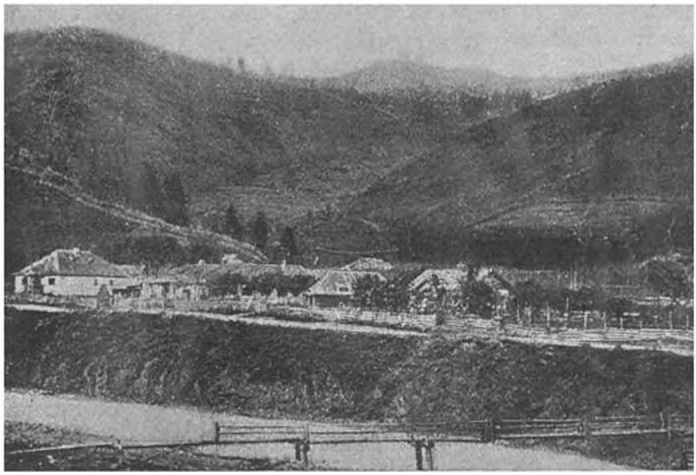
За Высокими Бескидами, отъ желѣзной дороги Стрый—Мункачъ, до жел. дор. Станиславовъ—Сиготъ, къ долинѣ Прута и Тисы слѣдуетъ участокъ Карпатъ, носящій названіе Го́рганы. Онъ значительно превосходитъ высотою Бескиды: вершины Попадя

и Добошанка доходятъ до 1750 м., Висока—до 1800 м., а на венгерской сторонѣ Стигъ до 1700 и Близниця до 1900 м. и состоитъ не изъ правильно расположенныхъ цѣпей и продольныхъ долинъ, какъ В. Бескидъ, а изъ короткихъ хребтовъ, раздѣляемыхъ поперечными долинами и ущельями рѣкъ, проложившихъ себѣ дорогу сквозь каменныя массы горъ. Горганы состоятъ также главнымъ образомъ изъ песчаниковъ, образующихъ высокія столбообразныя скалы, между которыми часто встрѣчаются котлообразныя углубленія—слѣды бывшихъ ледниковъ, оставившихъ послѣ себя цѣлыя поля, заваленныя грудами огромныхъ валуновъ.

Наконецъ послѣдняя часть украинскихъ Карпатъ—Чорногора, простирающаяся отъ долинъ Прута и Черной Тисы до долинъ Вышова и Молдавской Золотой Быстрицы, отличается и наибольшей высотой. Вершины ея Говирля (2058 м.), Попъ-Иванъ (выше 1900 м.), Петровъ (2300 м.) въ теченіе 9 мѣсяцевъ въ году покрыты снѣгами, которые не исчезаютъ совершенно и лѣтомъ и виднѣются издали бѣлыми пятнами на темно-сѣрыхъ массахъ песчаника. Этотъ массивъ горъ, составляющій главное мѣстопребываніе гуцульскаго племени, покрытъ вѣковыми лѣсами и небольшими ледниковыми озерами и отличается дикой красотой пейзажа. Кромѣ песчаниковъ, онъ состоитъ изъ известняковъ, разнообразныхъ сланцевъ и кристаллическихъ горныхъ породъ, выходы которыхъ образуютъ живописныя скалы, прорѣзанныя ущельями, тѣснящимися горными рѣченками и бѣшеными водопадами. Въ большинствѣ мѣстностей сообщеніе возможно только по такъ наз. плаямъ, т.-е. горнымъ тропинкамъ, которыя во время или послѣ дождя становятся иногда черезъ нѣсколько минутъ совершенно непроходимыми, зимою же, когда камни покрываются льдомъ и снѣгомъ, ходьба по нимъ безъ подвязанныхъ къ обуви стальныхъ шиповъ дѣлается совершенно невозможною даже для привыкшихъ во всему гуцуловъ.

Описанный нами въ общихъ чертахъ рельефъ интересующихъ насъ странъ обусловилъ распредѣленіе водъ по ихъ поверхности, будучи въ значительной степени и самъ имъ обусловленъ. Образовавшіяся въ теченіе третичной эпохи Карпатскія горы, первоначально гораздо болѣе высокія, чѣмъ теперь, начали немедленно же покрываться снѣгами и ледниками, таяніе которыхъ давало громадныя массы воды, стекавшей внизъ, пробивая себѣ дорогу главнымъ образомъ по болѣе пологому восточному склону, сна-

чала въ видѣ горныхъ потоковъ, а потомъ въ видѣ рѣкъ, по болѣе низменнымъ мѣстностямъ поднявшагося дна бывшаго Сарматскаго моря на С.-Востокѣ и опустившейся Венгерской равнины на Ю.-Западѣ. Рѣки, пробивая ущелья и прорывая себѣ путь въ массивахъ горъ, увлекали съ собой громадныя массы камней, песка и ила, образовавшихъ съ теченіемъ времени предгорья, текли затѣмъ по равнинѣ, обрѣзывая края возвышенностей и углубляя первоначально очень широкія, а потомъ постепенно сузившіяся русла.



Карпаты. Видъ с. Жабе надъ р. Черемошемъ.

Затѣмъ атмосферныя воды, собиравшіяся на возвышенностяхъ, тоже искали себѣ выхода и современемъ образовали болѣе спокойные потоки, питающіе и до сихъ поръ текущія съ Карпатъ большія рѣки. Такимъ образомъ произошли всѣ рѣки В. Галиціи, Буковины и Угорской Руси, несущія свои воды въ концѣ-концовъ только по двумъ направленіямъ: въ Балтійское море и главнымъ образомъ въ Черное. Рѣкъ балтійскаго бассейна въ описываемыхъ нами странахъ очень немного: къ нимъ прежде всего принадлежатъ быстрый горный Попрадъ, отдѣляющій на западѣ украинскія поселенія отъ польскихъ, начинающійся въ Карпатахъ и вливающійся въ Дунавецъ. Оттуда же спускаются Вислока и наконецъ Сянъ, которые на равнинѣ соединяются въ Вислу, принимающую

въ себя стекающіе съ Росточа — Вепръ и съ Подольской возвышенности Западный Бугъ, текущіе уже въ болотистыхъ, низменныхъ берегахъ и въ свою очередь питающіеся водами болѣе мелкихъ притоковъ. Рѣки черноморскаго бассейна, гораздо болѣе многочисленныя, начинаются тоже почти всѣ съ Карпатъ. Съ юго-западнаго склона ихъ спускаются изъ-подъ Чорногори и Свирвця двѣ горныя рѣчки—Черная и Бѣлая Тиса, сливающіяся въ Тису, которая, круто повернувши на сѣверъ, течетъ по глубокой граничной впадинѣ Венгерской равнины, занавшей во время поднятія Карпатъ. Она принимаетъ въ себя рядъ стекающихъ съ горъ рѣчекъ: Вышивъ и Изу съ лѣвой стороны и Торецъ (Taracs), Талаборъ, Великій Агъ и Борсаву, а затѣмъ Ляторыцю, Ужъ, Ляборецъ, Теплу и Одаву, соединяющіяся въ одинъ притокъ Тисы — Бодрочку (Bodrog) и въ концѣ-концовъ вливается въ Дунай. Другой притокъ Дуная Серетъ съ его притоками только начинается на украинской территоріи. Наконецъ третій и наиболѣе украинскій притокъ Дуная—Прутъ, съ впадающимъ въ него Черемошемъ, спускается съ Чорногоры уже по восточному склону. Самъ Прутъ начинается у подножія Говирли, образуетъ нѣсколько водопадовъ и выходитъ на Подкарпатье, гдѣ соединяется съ Черемошемъ, и течетъ по равнинѣ на югъ. Черемошъ, подъ названіемъ Чернаго Черемоша, беретъ свое начало тоже на Чорногорѣ, затѣмъ быстро течетъ по скалистымъ ущельямъ до с. Устерикъ, гдѣ соединяется съ Бѣлымъ Черемошемъ, отдѣляющимъ Буковину отъ Галиціи, и превращается въ довольно большую сплавную рѣку, несущую ежегодно, осенью и весною, множество «дарабъ», т.-е. плотовъ въ Румынію и далѣе.

Наиболѣе значительной и самой многоводной рѣкой описываемыхъ нами странъ является Днѣстръ. Начавшись, въ видѣ небольшого горнаго ручья, возлѣ с. Вовче въ Высокомъ Бескидѣ, онъ затѣмъ пріобрѣтаетъ характеръ очень шумливой и бурной рѣки, пробиваетъ себѣ выходъ сквозь очень скалистую мѣстность нѣсколькихъ перевальныхъ хребтовъ и выходитъ на Прикарпатье, гдѣ сейчасъ же превращается въ широкую равнинную рѣку, образующую огромныя болота Наддиѣстрянской низменности. Здѣсь Днѣстръ получаетъ стекающіе съ Карпатъ притоки Быстрыцю, Стрый, съ почти равнымъ ему Опоромъ, и Свичу, а съ другой стороны текущіе съ галицкихъ возвышенностей Верешыцю и Гнылу Лыпу. Послѣ впаденія Свичи, долина Днѣстра становится

болѣе узкой и, вступя въ промежутокъ между Подольской возвышенностью и Подкарпатьемъ, а потомъ и Покутьемъ, превращается въ настоящее скалистое ущелье съ очень высокими, обрывистыми берегами. Тамъ Днѣстръ принимаетъ еще въ себя Ломницю и Быстрицю и наконецъ выходитъ въ такъ наз. Подольскій Оврагъ, гдѣ въ него съ сѣвера впадается цѣлый рядъ параллельныхъ рѣчекъ: Золота Лыпа, Стрипа, Серетъ и наконецъ Збручъ, отдѣляющій Галицію отъ Россіи въ Подольской губ.

Единственная въ В. Галиціи рѣка, принадлежащая къ системѣ Днѣпра—Стырь, только начинается съ Галицко-Волынской возвышенности, протекаетъ, образуя многочисленныя болота, и скоро входитъ въ русскую. Волынь, гдѣ уже и превращается въ одинъ изъ большихъ притоковъ Припети.

Какъ видно изъ предыдущаго, орошеніе описываемыхъ нами странъ оказывается вполнѣ удовлетворительнымъ и онѣ не только не подвергаются сильнымъ засухамъ, но напротивъ очень часто страдаютъ отъ обилія воды. Это послѣднее обусловливается съ одной стороны вырубкой лѣсовъ на Карпатахъ, вслѣдствіе чего рѣки весной и осенью ненормально переполняются и производятъ огромные разливы, съ другой же стороны—отсутствіемъ системъ каналовъ, которые бы регулировали эти наводненія, съ каждымъ годомъ дѣлающіяся все болѣе и болѣе значительными и разорительными для страны. Несмотря на самыя настойчивыя петиціи галицкаго Сейма, австрійское правительство и до самого послѣдняго времени не исполнило своихъ давнихъ обѣщаній и не ассигновало потребныхъ для сооруженія каналовъ средствъ. Кое-что, впрочемъ, было сдѣлано относительно горныхъ рѣкъ, гдѣ необходимость въ правильной доставкѣ лѣса заставила устроить систему шлюзовъ, съ помощью которыхъ, по мѣрѣ накопленія плотовъ, ихъ сплавляютъ въ нѣсколько часовъ, пустивши воду изъ верхнихъ запасныхъ резервуаровъ.

Орошеніе находится, разумѣется, въ тѣсной зависимости и отъ количества атмосферныхъ осадковъ. Это же послѣднее обусловливается въ свою очередь направленіемъ вѣтровъ и рельефомъ страны. Относительно вѣтровъ и Угорская Русь и Галичина подчиняются режиму Западной Европы и въ нихъ господствуютъ юго-западные и сѣверо-западные вѣтры, приносящіе атлантическую влагу и теплоту и обусловливающіе болѣе значительную, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ, облачность. Встрѣчая на своемъ пути

преграду въ видѣ Карпатъ, они направляются вверхъ, охлаждаются и осаждаютъ массы снѣга зимою и дождя—лѣтомъ. Въ Низкихъ Бескидахъ годовые осадки достигаютъ почти 1200 м. м., а въ Горганахъ и Чорногорѣ, у истоковъ Тисы отъ 1200 до 1400 м.м. На восточномъ Прикарпатьѣ и далѣе на Востокъ количество осадковъ, разумѣется, гораздо меньше, но все-таки сравнительно очень значительно, такъ что во Львовѣ оно доходитъ до 735 м.м., тогда какъ въ Кіевѣ всего 534 м.м., а въ Харьковѣ 465 м.м. Наибольшее количество дождей выпадаетъ въ Карпатахъ и прикарпатскихъ странахъ въ іюнѣ, и дожди эти отличаются гораздо болѣе затяжнымъ и спокойнымъ характеромъ, чѣмъ въ восточной Украинѣ, гдѣ они чаще всего бываютъ внезапными и проливными. Грозы случаются, впрочемъ, преимущественно въ Карпатахъ, откуда онѣ передвигаются обыкновенно на Волынь. Градъ выпадаетъ тоже больше всего въ Прикарпатьѣ и въ галицкой Подоліи.

Вообще климатъ описываемыхъ нами странъ умѣренный, достаточно пріятный и здоровый, по характеру же своему долженъ быть признанъ континентальнымъ, но въ весьма замѣтной степени смягченнымъ вліяніемъ Гольфштрема, которое достигаетъ даже до восточныхъ предѣловъ Украины. Средняя годовая температура Львова и Полтавы совершенно одинакова (6,9°) и очень немного ниже въ Кіевѣ и Харьковѣ (6,8°), но уже въ Курскѣ (5,2°) и въ Воронежѣ (5,4°) она падаетъ очень быстрымъ скачкомъ. То же самое мы видимъ въ средней температурѣ зимы: во Львовѣ она сравнительно очень умѣренна (—4,6°), въ Кіевѣ замѣтно ниже (—6,2°), а въ Харьковѣ еще ниже (—8,3°). Maximum зимнихъ холодовъ также гораздо благопріятнѣе для Львова (—21,8°), чѣмъ для Кіева (—23,2°), а въ Луганскѣ уже доходитъ до вполнѣ сѣверной температуры (—40°). Такія же градаціи представляютъ и максимальныя лѣтнія жары: Львовъ +18, Кіевъ +19,2, Харьковъ 20,9°. Но болѣе всего эта смягченная континентальность В. Галиціи выражается въ разницахъ между средними температурами лѣта и зимы: во Львовѣ разница эта составляетъ 22,6°, въ Пинскѣ 24°, въ Кіевѣ 25,2°, въ Полтавѣ 27,3° и Луганскѣ 30,4°. Само собою разумѣется, что все это относится только къ равнинѣ, что же касается горъ, то тамъ, конечно, температура зависитъ уже отъ высоты мѣстности: въ Бескидахъ и Горганѣ зима продолжается цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ, въ Чорногорѣ, подъ вліяніемъ южныхъ вѣтровъ, она нѣсколько короче, въ поло-

нинахъ же, т.-е. на горныхъ пастбищахъ, лѣта и совсѣмъ нѣтъ, равно какъ и осени, а послѣ 9 мѣсячной зимы наступаетъ 3 мѣсяца весны, обусловливающей роскошную травяную растительность.

Въ отношеніи растительности вообще описываемыя нами страны лежатъ въ области средне-европейской лѣсной полосы и только на юго-востокѣ обнаруживаютъ переходный характеръ въ степной. Средне-европейскій характеръ лѣсной растительности яснѣе всего выраженъ на Подкарпатьѣ, на южномъ Розточи и въ западной части Подоліи. Наиболѣе характернымъ деревомъ, образующимъ цѣлые лѣса, является здѣсь букъ, (*Fagus sylvatica* L.), но кромѣ того встрѣчается много «явора» (*Acer pseudoplatanus* L.), «модрины» (*Larix decidua* Mill.), «тиса» (*Taxus baccata* L.) и пр., а немного повыше большими лѣсами растетъ «ялиця» (*Picea excelsa* L.). Въ болѣе низменныхъ мѣстностяхъ лѣса являются только отдѣльными группами, разбросанными по возвышенностямъ и состоящими въ сухихъ мѣстахъ изъ дуба, а въ мокроватыхъ изъ ольхи. Пространства же между такими букетами лѣса заняты обыкновенно лугами, тянущимися главнымъ образомъ по широкимъ долинамъ рѣкъ и покрытыми болѣе или менѣе обильной травяной растительностью. Въ еще болѣе низменныхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ долинѣ Днѣстра, возлѣ впаденія въ него Верешицы, вмѣсто луговъ мы находимъ иногда очень обширныя болота, покрытыя кочками изъ мховъ, на прибрежныхъ болотахъ растетъ множество осоки (*Carex dioica* L. C. *paludosa* Good), «шувару» (*Acorus calamus* L.) и камыша (*Scirpus palustris* L.). Черноземная полоса входитъ въ описываемыя нами страны только однимъ угломъ съ востока и, не имѣя вовсе степного характера, является скорѣе переходной. Изъ хлѣбныхъ растеній она производитъ немного пшеницы, гораздо больше ржи и гречихи, особенно въ сѣв. Подоліи и на галицкой Волыни, и довольно много «т е н г е р и ц і» или кукурузы, главнымъ образомъ, въ Подоліи, на Покутьѣ и въ Буковинѣ.

Карпатская лѣсная растительность имѣетъ вполнѣ горный характеръ: внизу на склонахъ она состоитъ изъ смѣси хвойныхъ и лиственныхъ породъ, между которыми прежде преобладалъ дубъ, удержавшійся теперь только на венгерскомъ склонѣ, а теперь замѣнившійся букомъ особенно на Бескидахъ; въ Горганахъ снизу растетъ букъ, а выше до 1600 м. исключительно сосна, на Чорногорѣ внизу по склонамъ главнымъ образомъ дубовые

лѣса, затѣмъ выше идетъ смѣшанная полоса изъ дуба, бука и березы до высоты 1600 м., а затѣмъ до 1700 м. дремучіе сосновые лѣса (смерѣки), называемые нѣкоторыми авторами даже дѣвственными. Еще выше начинается полоса кустарниковъ, состоящая изъ невысокихъ и даже стелющихся разновидностей можжевельника, ольхи и кедра. Наконецъ за кустарниками начинается уже «п о л о н и н а» (по-сербски п л а н и н а), т.-е. горныя пастбища и «царники»—отгороженныя отъ скота пространства, сберегаемыя для сѣнокоса, на которыхъ сохранилось еще все богатство и разнообразіе карпатско-альпійской флоры.

Въ отношеніи фауны Карпаты обѣднѣли уже очень замѣтно: кое-гдѣ еще держатся медвѣди и «дыки», т.-е. дикіе кабаны, встрѣчаются дикія кошки и рыси, рѣдко уже олени и серны, несмотря на то, что охота охраняется помѣщиками и правительствомъ очень строго и въ ея интересахъ бѣдные бойки должны сидѣть по цѣлымъ ночамъ въ шалашахъ возлѣ своихъ нивъ, поддерживать костры и трубить въ свои деревянныя трубы, такъ какъ послать зарядъ хоть дроби въ лакомаго на картофель дыка имъ невозможно, вслѣдствіе строжайшаго запрета крестьянамъ имѣть огнестрѣльное оружіе. Изъ домашнихъ животныхъ очень большою извѣстностью пользовались прежде гуцульскія лошади—небольшія, лохматыя, но необыкновенно умныя и осторожныя животныя, которымъ человѣкъ всегда долженъ былъ отдавать преимущество въ искусствѣ пробираться по узенькимъ «плаямъ» съ тяжелымъ вьюкомъ и всадникомъ. Теперь эта порода лошадей, говорятъ, совсѣмъ выводится, если уже не совсѣмъ вывелась вслѣдствіе обѣдненія гуцуловъ. Изъ птицъ на Карпатахъ еще водятся орлы и соколы, а изъ рыбъ въ горныхъ потокахъ браконьеры еще умѣютъ добывать хорошихъ «пструговъ», т.-е. форелей. Въ Днѣстрѣ прежде попадались и осетры, но теперь о нихъ больше не слышно.

Этнографическій очеркъ.

I. Русины галицкой равнины.

Являясь продолженіемъ населенія Волынской и Подольской губерній, русины галицкой равнины, включая сюда и сѣверныя части Буковины, почти ничѣмъ не отличаются отъ западныхъ волынцевъ и подолянъ, тѣмъ болѣе, что языкъ этихъ послѣднихъ относится къ числу галицкихъ или червонорусскихъ нарѣчій. Тѣмъ не менѣе въ Галиціи очень рѣзкія различія между волынянами и подолянами и такъ бросаются въ глаза, благодаря вѣроятно значительному передвиженію подолянъ на сѣверъ. Въ образѣ жизни условія существованія галицкаго крестьянства имѣютъ болѣе западно-европейскій характеръ: очень небольшое количество земли, полная монополизація охотъ и рыбной ловли помѣщиками, полный почти недостатокъ «пасовискъ» давно уже упразднили для галицкихъ русиновъ всякую возможность добывать себѣ средства къ жизни даже скотоводствомъ и поэтому они занимаются исключительно земледѣліемъ, которое у нихъ, подъ вліяніемъ польской культуры, стоитъ замѣтно выше, чѣмъ у ихъ закордонныхъ родичей. Что касается народной техники, то она благодаря общему, преимущественно земледѣльческому строю всей страны, въ значительной степени сохранилась и до сихъ поръ. Гончарство развито довольно сильно и при содѣйствіи ремесленныхъ школъ дѣлаетъ замѣтные успѣхи, не теряя при этомъ своей оригинальности. Обработка волокнистыхъ растительныхъ веществъ происходитъ по прежнему дома при помощи традиціоннаго вымачиванія, трепанья на терницѣ, пряденія и тканья на станкѣ, который «въ долинѣ» имѣетъ нѣсколько болѣе усовершенствованное устройство, чѣмъ въ горахъ. Обработка животныхъ матеріаловъ тоже сохраняетъ свой народный характеръ. Выдѣлка шкуръ для мѣховъ и для обуви такая же, какъ и во всей Украинѣ, даже выдѣлка обуви (сапоговъ) во многихъ мѣстахъ, какъ напр.

въ Угновѣ, составляетъ еще спеціальность мѣстныхъ мѣщанъ и крестьянъ-кустарей. Фабричныя сукна далеко не вездѣ успѣли замѣнить собою домашнія, хотя эта замѣна въ галицкой равнинѣ идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Карпатахъ, благодаря существованію помѣщичьихъ фабрикъ.

Пища русиновъ галицкой равнины также мало чѣмъ отличается отъ пищи сосѣднихъ русскихъ украинцевъ и также варіируетъ на сѣверѣ и на югѣ. Главное хлѣбное растеніе, разумѣется,

Типы Галиціи.

рожь, но на югѣ—въ Буковинѣ и на юго-востокѣ по сосѣдству съ Гуцульщиной—она уступаетъ мѣсто кукурузѣ, однако повсемѣстно въ составъ пищи входитъ все болѣе и болѣе картофель. Постная пища отличается отъ скоромной, главнымъ образомъ, только отсутствіемъ «пóмасту», т.-е. сала, иногда замѣняемаго «олією»; мясо же, а тѣмъ болѣе птица или рыба составляютъ величайшую рѣдкость, такъ какъ всѣ, даже самыя мелкія, рыбныя ловли составляютъ монополію помѣщиковъ и почти всегда заарендованы евреями. Важный рессурсъ въ пищѣ галицкихъ крестьянъ равнины представляютъ овощи, главн. обр.—свекла, капуста, лукъ, чеснокъ и т. п., которые очень рѣдки въ горахъ, гдѣ развитію ихъ препятствуетъ и составъ почвы и болѣе суровый климатъ. Употребленіе спиртныхъ напитковъ очень распространено, тѣмъ

болѣе, что торговля ими (пропинація) и до сихъ поръ еще составляетъ одинъ изъ важныхъ доходовъ помѣщиковъ.

Постройки въ галицкой равнинѣ всегда болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ тому, что мы можемъ встрѣтить въ средней и южной Волыни и въ сѣверной части Подоліи. Хаты вездѣ бѣленыя, покрыты четырехскатными соломенными крышами съ ступенчатыми ребрами, а иногда и скатами. Строительнымъ матеріаломъ почти исключительно является дерево, но въ этомъ отношеніи точно такъ же, какъ въ средней Волыни и Подоліи появляются уже варіаціи, зависящія отъ истребленія лѣсовъ и вздорожанія лѣсныхъ матеріаловъ. Въ «повітах» (уѣздахъ) Бродськомъ, Золочивськомъ и др. всѣ старыя хаты—рубленыя, т.-е. состоятъ изъ горизонтальныхъ бревенъ, образующихъ срубъ, новыя же хаты строятся уже иначе—въ столбы или «въ слупы». По угламъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ окна и двери, въ землю вбиваются столбы съ выдолбленными въ нихъ пазами, въ которые загоняются короткіе обрѣзки дерева, полѣнья и т. п. Это явленіе очень знакомо намъ въ Русской Украинѣ, гдѣ оно доходитъ уже до значительнаго распространенія. Но въ галицкой равнинѣ намъ встрѣчается другой фактъ, до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, еще у насъ не наблюдающійся — это постройки изъ бетона, принесенныя галицкими эмигрантами изъ Америки и, какъ говорятъ, начинающія очень распространяться благодаря своей дешевизнѣ и огнеупорности. Онѣ дѣлаются всегда подъ желѣзными крышами и притомъ только двускатными, что обходится дешевле. Но это пока еще рѣдкое исключеніе, въ общемъ же жилища населенія галицкой равнины ничѣмъ не отличаются отъ украинскихъ ни по своей наружности, ни по внутреннему расположенію. Типическимъ планомъ хаты и въ Галиціи должна быть признана, какъ и на Украинѣ, постройка, состоящая изъ трехъ частей, выражающихся въ деревянной архитектурѣ тремя срубами: сѣней, хаты и коморы, съ установленнымъ традиціей количествомъ и направленіемъ оконъ, дверей и расположеніемъ мебели. Эта типически украинская хата, начинаясь въ Воронежской и Курской губ., тянется безъ всякихъ почти измѣненій до самыхъ Карпатъ, гдѣ обнаруживаются очень любопытныя ея варіаціи, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Очень любопытную сторону украинской народной архитектуры представляютъ церкви, особенно старинныя. Изслѣдованіями

г.г. Павлуцкаго, Волкова, Щербаковскаго и др. уже установлено, что на правомъ берегу Днѣпра, особенно въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, деревянныя церкви, начиная съ глубокой древности, были почти всѣ безъ исключенія трехкупольныя и только съ XIX в. начали замѣнятся новѣйшими—синодскаго образца. Вотъ эта древняя церковная архитектура, съ такимъ трудомъ разыскиваемая теперь у насъ археологами и художниками, сохранилась еще въ галицкой равнинѣ во всей своей оригинальной красотѣ. Онѣ представлены тамъ сооруже-

Церковь въ с. Кривкѣ 1763 г. (Бойки).

ніями трехъ типовъ: 1) церковь изъ трехъ срубовъ съ одной башней и однимъ куполомъ, тогда какъ два остальные замѣкены маленькими головками съ крестами, 2) церковь изъ трехъ срубовъ съ 3-мя куполами и 3) церковь такого же характера, но усложненная башенками, цвѣтными окнами, а главное—опасанью, т.-е. галлерейкой, обходящей всю церковь кругомъ. Примѣры лучшаго развитія этого стариннаго церковнаго стиля представляетъ знаменитая церковь въ Дрогобычѣ, къ несчастію и тамъ не ушедшая изъ рукъ реставраторовъ, окончательно ее испортившихъ. Очень рѣдкіе примѣры каменной церковной архитектуры почти исчерпываются церквью св. Юра во Львовѣ. Трехкупольныя же деревян-

ныя церкви достигаютъ своего высшаго развитія въ Карпатахъ у бойковъ, тогда какъ церкви остальныхъ карпатскихъ украинцевъ, гуцуловъ, лемковъ и угорцевъ, нѣсколько уклоняются въ сторону другихъ типовъ.

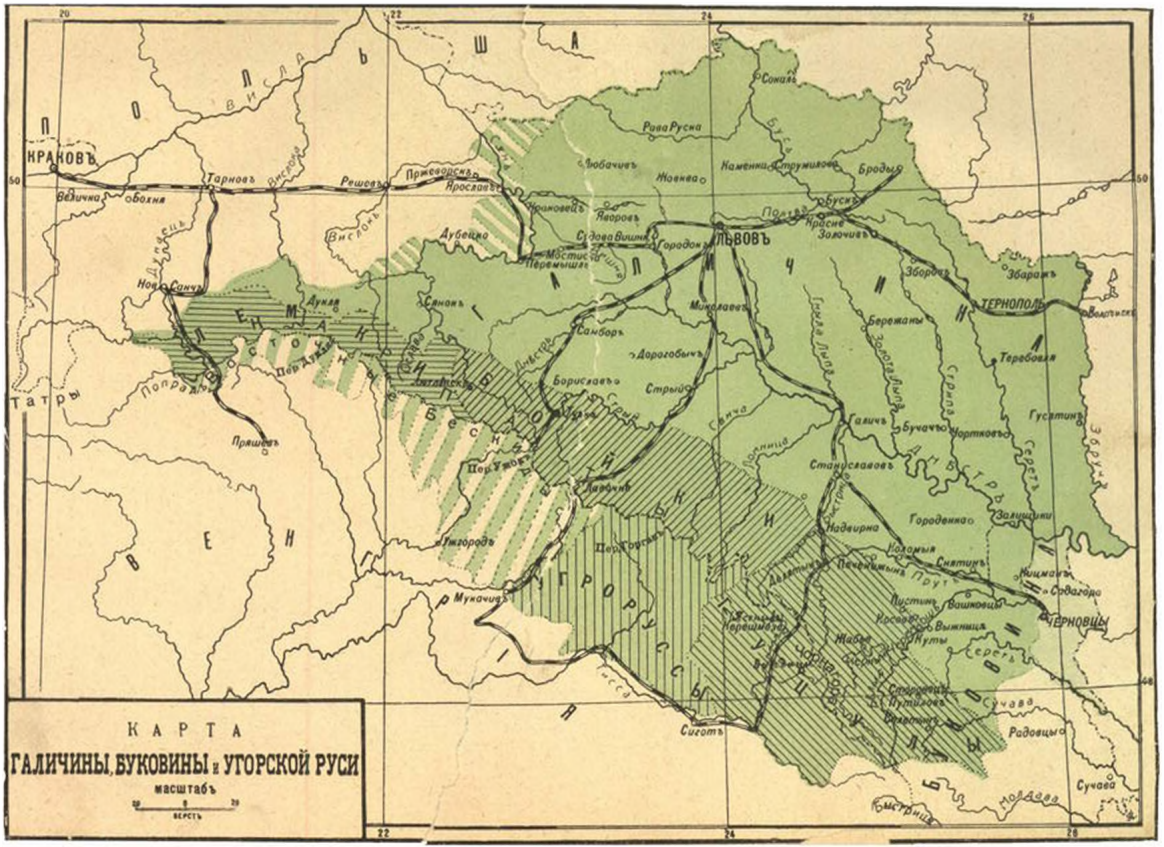
Въ отношеніи одежды галицкая долина, сравнительно съ Волынью и Подоліей, врядъ ли представляетъ собою что-нибудь особенно оригинальное. Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ же длинныя сѣрыя свиты съ очень скромными вышивками, высокія бараньи шапки у мужчинъ и темные платки на замужнихъ женщинахъ, часто съ обрѣзанными, какъ у мальчиковъ, волосами,—какъ на Волыни, затѣмъ такія же вышитыя цвѣтными шнурками «опанчі», такія же коническія шапки и такіе же пестрые дорогіе костюмы—какъ на Подольѣ, съ украшеніями, въ которыхъ очень видную роль играютъ «пацьорки», т.-е. бусы. Но между этими, такъ сказать привычными для малорусскаго этнографа костюмами, вдругъ поражаютъ собою бѣлыя полотнянки, свиты изъ свѣтлаго сукна, украшаемыя на лацканахъ и гдѣ только возможно кусочками и цѣлыми вставками изъ цвѣтнаго сукна, «камизельки» у «дівчат» и т. п., несомнѣнно польскія вліянія, между которыми въ мѣщанской одеждѣ еще больше проступаютъ вліянія нѣмецкія, пришедшія вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ и перенесенныя и на Украину. Это длинные черные нѣмецкіе сюртуки, широкія цилиндрическія шляпы и т. п., до недавна еще встрѣчавшіеся въ такихъ городахъ какъ Почепъ, Коропъ, Борана и т. п. Все это вмѣстѣ довольно пестро и повидимому не имѣетъ въ себѣ ничего общаго, и, только ознакомившись сколько-нибудь подробно съ каждой изъ карпатскихъ странъ, можно разобраться и во взаимномъ соотношеніи всѣхъ наблюдаемыхъ на галицкой равнинѣ фактовъ и объ отношеніи ихъ къ общеукраинской этнографіи.

II. Гуцулы.

Горные русины раздѣляются на 1) гуцуловъ, 2) бойковъ, 3) лемковъ и 4) угорскихъ русиновъ.

Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои этнографическія и лингвистическія особенности и свою опредѣленную территорію. Отличаясь довольно рѣзко одна отъ другой, группы эти въ переходныхъ мѣстахъ почти сливаются и даютъ возможность отмѣтить ихъ общеукраинскія черты, которыя свойственны всѣмъ группамъ.

Гуцулы изъ всѣхъ карпато-русинскихъ группъ отличаются наибольшей оригинальностью, несмотря на довольно различныя географическія и особенно политическія условія ихъ жизни. Занимая въ общемъ весь горный массивъ Чорногоры они распадаются по теченію рѣкъ и политически на три группы: 1) галицкихъ гуцуловъ въ долинахъ Прута и Черного Черемоша, 2) буковинскихъ гуцуловъ въ долинахъ Бѣлаго Черемоша и отчасти Сучавы и 3) угорскихъ гуцуловъ въ долинахъ Черной и Бѣлой Тисы. Живя, по крайней мѣрѣ теперь, исключительно въ горахъ, гуцулы почти совершенно не занимаются земледѣліемъ, а добываютъ себѣ средства существованія выпасомъ скота и рубкой и сплавкой лѣса. Собравши въ теченіе зимы и весны возможно большее количество молодого скота, и дождавшись времени, когда «полонины», т.-е. горныя пастбища, покроются травой, все почти мужское населеніе гуцульскихъ деревень переселяется на высоты и остается тамъ до самой осени. Часть его занимается исключительно уходомъ за скотомъ, доеніемъ его, приготовленіемъ сыра и т. п., другая же часть заботится о томъ, чтобы накосить на «царинках», т.-е. горныхъ сѣнокосахъ, отгороженныхъ для этой цѣли отъ пастбищъ, возможно большее количество сѣна. Осенью гуцулы спускаются въ свои деревни, продаютъ скотъ и собранные молочные продукты и начинаютъ приготовляться къ веснѣ будущаго года. Впрочемъ, большая часть изъ нихъ, главнымъ образомъ молодые люди, идутъ на работу и зимою рубятъ лѣсъ, заготовляютъ грубые лѣсные матеріалы, по большей части бревна извѣстнаго размѣра, и затѣмъ по очень искусно устроеннымъ желобамъ спускаютъ все это къ берегамъ Прута и Черемоша, гдѣ вяжутъ лѣсъ еловыми корнями въ такъ назыв. дарáбы, т.-е. плоты, которые и остаются лежать до весны. Когда же рѣки вскроются, плоты эти спускаются внизъ по рѣкамъ, что представляетъ собой занятіе далеко не шуточное, такъ какъ всѣ горныя рѣчки Гуцульщины отличаются бѣшеной быстротой теченія, въ высшей степени извилистымъ русломъ и множествомъ каменныхъ выступовъ и скалъ, одного толчка о которыя совершенно достаточно, чтобы превратить въ мелкія щепки «дарабу» изъ очень толстыхъ бревенъ. Если замѣтить при этомъ, что отдѣльныя бревна «дарабъ» достаточно подвижны, а мокрая поверхность ихъ очень скользка, гуцулы же—рабочіе должны ежеминутно перебѣгать съ мѣста


КАРТА
ГАЛИЧИНЫ, БУКОВИНЫ и УГОРСКОЙ РУСИ
масштабъ
ВЕРСТЪ
КРАКОВЪ
ЛЬВОВЪ
ТЕРНОПОЛЬ
ЧЕРНОВЦЫ
Сокаль
Рава Русска
Любачевъ
Каменка
Струмиловъ
Броды
Жовква
Яворовъ
Буски
Красне
Золочевъ
Зборовъ
Збаражъ
Волочиск
Тарновъ
Решовъ
Пржеворскъ
Ярославъ
Ковалевъ
Судова Вишня
Городокъ
Мостиска
Перемишль
Дубецко
Ноя Санчъ
Дукла
Сянокъ
Самборъ
Дрогобычъ
Бориславъ
Стрый
Мукачевъ
Ужгородъ
Пряшевъ
Ваделинъ
Сиготъ
Татры
Попрадъ
Висла
Вислока
Вислоки
Дунаецъ
Сяна
Днестръ
Стрыя
Стрыпа
Серетъ
Прутъ
Черемошъ
Тисса
Мостиска
Радовцы
Сучава
Молдава
Гнила Липа
Золота Липа
Бережаны
Теребовля
Гусятинъ
Галичъ
Бучачъ
Чортковъ
Станиславовъ
Городенка
Надвирна
Коломыя
Снятинъ
Кицманъ
Сорока
Вашковцы
Выжница
Кутъ
Жабье
Сторожинецъ
Путилова
Вижницъ
Заліщики
Мшальна
Перешкоды
Ясиня
Ясинка
Ворохта
Верховина
Тисмениця
Долина
Рогатинъ
Калуш
Бурштынъ
Перемышлянъ
Тернополь
Подгорье
Подгорцы
Подгорье
Подгорье
Подгорье

на мѣсто, чтобы багромъ предупредить толчокъ, то изъ этого одного уже видно, что работа на «дарабахъ» вовсе не изъ легкихъ.

Такого рода занятія и условія жизни гуцуловъ обусловили извѣстную оригинальность и въ прочихъ чертахъ ихъ быта, оригинальность настолько значительную, что многіе авторы находили возможнымъ сомнѣваться не только въ родствѣ гуцуловъ съ прочими украинскими племенами, а даже въ славянскомъ ихъ происхожденіи. Между тѣмъ сколько-нибудь внимательное ознакомленіе съ гуцулами шагъ за шагомъ доказываетъ не только ихъ родственность съ прочими украинскими племенами, но даже бо́льшую сравнительно чистоту ихъ антропологическаго и этнографическаго типа, происходящую несомнѣнно отъ ихъ изолированности въ горахъ и незначительности постороннихъ примѣсей и этническихъ вліяній. Отличаясь замѣчаемой всѣми красотой лица и тѣлосложенія, гуцулы въ своихъ физическихъ качествахъ не обнаруживаютъ ничего несвойственнаго прочимъ украинцамъ, а напротивъ отличаются тѣми же общеукраинскими особенностями, но только въ болѣе сильной степени. Украинцы выдѣляются среди прочихъ восточныхъ славянъ своимъ высокимъ ростомъ, темными волосами и короткоголовостью — у гуцуловъ мы находимъ наибольшій % высокорослыхъ, темноволосыхъ и короткоголовыхъ и т. д. Въ гуцульской народной техникѣ мы находимъ тѣ же пріемы, тѣ же орудія, тѣ же техническія названія, что и вездѣ на Украинѣ, и только въ немногихъ отдѣлахъ этой техники, какъ напр., въ выдѣлкѣ металлическихъ издѣлій, мы встрѣчаемся съ пріемами совсѣмъ особенными и на Украинѣ не встрѣчающимися. Нѣкоторыя особенности гуцульскаго быта обусловливаются чисто географическими причинами. Такъ, напр., при полномъ

Крестьянка.
(Изъ окрестностей Коломыи).

почти еще отсутствіи колесныхъ дорогъ въ Гуцульщинѣ, всѣ сообщенія производятся верхомъ и всѣ тяжести перевозятся вьючнымъ способомъ, вслѣдствіе чего даже такія ритуальныя процессіи, какъ похоронная, пріобрѣтаютъ совсѣмъ необычный характеръ: священникъ ѣдетъ верхомъ на конѣ впереди, за нимъ слѣдуетъ человѣкъ съ «коливом», потомъ несутъ покойника на двухъ привязанныхъ къ «деревищу», т.-е. гробу, жердяхъ, а иногда, на очень узкомъ «плаѣ», деревище подвѣшиваютъ даже

Ѣзда гуцуловъ.

и на одномъ шестѣ, привязанномъ къ сѣдламъ двухъ лошадей— спереди и сзади...

Такія же точно особенности въ пищѣ гуцуловъ создаетъ, уже упомянутое нами, почти полное отсутствіе у нихъ хлѣбопашества. Конечно, каждая гуцульская семья старается найти себѣ, недалеко возлѣ жилища, кусочекъ хоть бы жалкаго поля. Поближе къ хатѣ разводятъ сколько возможно овощей, т.-е. главнымъ образомъ капусты, бобовъ, свеклы и т. п., а затѣмъ на остальной землѣ стараются вырастить возможно больше «буришки», т.-е. картофеля, и очень рѣдко хоть немного кукурузы. Главной пищей служитъ у нихъ не хлѣбъ, а «к у л е́ ш а», т.-е. то же или почти то же, что мамалыга, полента и т. п. кушанья южныхъ народовъ, состоящія изъ обваренной въ кипяткѣ кукурузной муки съ солью

и какимъ-нибудь жиромъ. Хлѣбомъ же у гуцуловъ называются небольшіе хлѣбцы или скорѣе лепешки, сдѣланныя изъ мятаго картофеля, слегка заквашеннаго съ небольшимъ количествомъ кукурузной муки. Затѣмъ важную роль въ питаніи гуцуловъ играетъ борщъ, вареныя овощи, въ видѣ большого лакомства «баранина» и особенно свинина, и наконецъ—въ большомъ количествѣ молочные продукты: гуслянка, сыръ, «жентиця» (т.-е. сыворотка) и пр. Въ общемъ мы видимъ, что пища гуцуловъ, за исключеніемъ зависящаго отъ климатическихъ условій недостатка хлѣба, тоже почти вовсе не отличается отъ украинской, а если и отличается, то развѣ нѣсколько бо́льшимъ обиліемъ и разнообразіемъ, о которыхъ впрочемъ скоро придется говорить, какъ о воспоминаніяхъ; съ другой же стороны употребленіе «кулеши» вмѣсто хлѣба сближаетъ гуцуловъ съ ихъ западными сосѣдями—румынами и отчасти съ южными—славянами.

Украинка — крестьянка Восточной Галиціи (Подилле).

Постройки гуцуловъ съ перваго взгляда кажутся чрезвычайно оригинальными и очень мало похожими на сооруженія остальныхъ украинцевъ. Прежде всего онѣ удивляютъ путешественника своей разбросанностью. Гуцульскія усадьбы очень рѣдко группируются вмѣстѣ, вокругъ церкви, и образуютъ то, что мы привыкли называть селомъ, обыкновенно же онѣ находятся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ одна отъ другой, на очень различныхъ

высотахъ (но непремѣнно на высотѣ) и вполнѣ изолированы одна отъ другой. Тамъ, гдѣ гуцулы все-таки живутъ вмѣстѣ, хаты ихъ деревянныя, съ деревянными же крышами, никогда не бѣленыя, очень напоминаютъ собой избенки полишуковъ сѣвернаго края Волыни, состоящія часто только изъ сѣней и хаты. Но въ наиболѣе же развитомъ видѣ гуцульскія жилища не имѣютъ ничего себѣ подобнаго на всей территоріи Украины. Это—довольно большія сооруженія, состоящія изъ просторной хаты на двѣ половины, помѣщенія для выдѣлки сыра, двухъ или трехъ конюшенъ, загоновъ для рогатаго скота, овецъ и т. п., однимъ словомъ цѣлаго хозяйства, помѣщающагося, если не подъ одной деревянной крышей, то подъ двумя, между которыми оставленъ узкій непокрытый промежутокъ надъ небольшимъ дворикомъ внутри. Въ такомъ видѣ гуцульская «гражда» является достаточной защитой и отъ воровъ и даже отъ разбойниковъ, при всей изолированности своего положенія. Несмотря, однако, на всю свою архитектурную оригинальность, «гражда» своимъ внутреннимъ расположеніемъ сейчасъ же выдаетъ свой общеукраинскій характеръ: планъ хаты, мѣста, занимаемыя печью, столомъ, этажеркой для посуды, и т. п., совершенно тѣ же, какія мы встрѣчаемъ во всѣхъ украинскихъ жилищахъ отъ Карпатъ до Дона и отъ Припети до Чернаго моря. Да и самая замкнутость гуцульскихъ жилищъ оказывается въ концѣ-концовъ далеко не такой исключительной, какъ кажется съ перваго взгляда: въ галицкой

Верховинецъ.
(Изъ окрестностей Коломыи).

равнинѣ, на Покутьѣ и дальше, мы еще встрѣчаемъ совершенно замкнутые дворы, въ которыхъ подъ одной, конечно соломенной уже, крышей помѣщаются всѣ постройки усадьбы. Такіе же замкнутые дворы мы встрѣчаемъ и на Волыни и въ Черниговской губерніи, гдѣ ихъ, разумѣется, меньше и гдѣ они раскрываются въ открытые дворы, въ которыхъ только огорожа напоминаетъ о прежней замкнутости.

Церкви гуцуловъ, разумѣется, всегда деревянныя, тоже отличаются особой оригинальностью, рѣзко выдѣляющей ихъ изъ общаго трехкупольнаго типа. Онѣ въ вполнѣ развитомъ видѣ— пятисрубныя въ формѣ греческаго креста и пятикупольныя, при чемъ куполы не находятся по угламъ квадратнаго основанія, какъ въ Великороссіи, а вѣнчаютъ собою каждый изъ пяти срубовъ, какъ это мы видимъ на лѣвобережной Украинѣ, на югѣ Кіевской и кое-гдѣ въ Подольской губ., откуда онѣ можетъ быть и проникли въ Гуцульщину. Мы не станемъ здѣсь, разумѣется, приводить разныхъ соображеній о происхожденіи этой формы и о родствѣ ея съ трехкупольнымъ типомъ, а ограничимся только установленіемъ факта, что эта пятикупольная форма церкви встрѣчается въ Галиціи и прочихъ интересующихъ насъ теперь странахъ—исключительно у гуцуловъ.

Наиболѣе рѣзко бросается въ глаза своею живописной оригинальностью одежда гуцуловъ, опять-таки очень мало напоминающая съ перваго взгляда костюмъ прочихъ украинцевъ. Яркіе цвѣта, крайняя роскошь вышивокъ, наконецъ, самый покрой одежды поражаютъ и своей смѣлой красотой и своей неожиданностью. Маленькій короткій кожушокъ безъ рукавовъ— «киптар», безъ котораго невозможно вообразить себѣ гуцула, какого бы онъ ни былъ пола и возраста—ни лѣтомъ ни зимой,— кажется совершенно незнакомымъ жителю украинской равнины и чѣмъ-то совсѣмъ не украинскимъ. Короткая же свита,—«сердак»—чаще всего краснаго сукна, богато расшитая шнурками съ цвѣтными же кистями, красныя же «сподні» съ вышитыми краями и пр. все это совсѣмъ какъ будто бы не похоже на гораздо болѣе скромную одежду прочихъ русиновъ и другихъ украинцевъ; только ярко вышитая цвѣтными шерстями сорочка на выпускъ имѣетъ уже совершенно украинскій характеръ. Разобравшись однако въ этомъ костюмѣ подробнѣе, мы увидимъ, что и киптаръ—обычная одежда почти всѣхъ южныхъ славянъ, и красный

сердакъ и прочее вовсе не такъ ужъ чужды соплеменникамъ гуцуловъ. Киптаръ—въ первоначальномъ своемъ видѣ представляющій не что иное, какъ шкуру большого барана съ вырѣзомъ для шеи, зашитую съ одной стороны и завязывающуюся ремешками съ другой—это обычный костюмъ почти всѣхъ горныхъ народовъ Карпатскаго и Балканскаго юга, который, будучи необходимъ въ горахъ,совершенно нестерпимъ въ равнинахъ и поэтому замѣняется въ галицкой равнинѣ и далѣе одеждой того же типа, но только изъ шерстяной ткани; сердакъ—совершенно того же покроя встрѣчается у всѣхъ горныхъ русиновъ, а спустившись въ долину и нѣсколько удлинившись, превращается въ свиту сѣверно-украинскаго типа, сохранившуюся еще въ большомъ количествѣ въ Холмщинѣ, у Пинчуковъ и на Полѣсьѣ, а у женщинъ — почти вездѣ; красный же цвѣтъ гуцульскаго сердака еще около сотни лѣтъ тому назадъ господствовалъ на всемъ Покутьѣ и далъ Галичинѣ давнее названіе Червоной (т.-е. красной) Руси *). Женскій гуцульскій костюмъ, за исключеніемъ цвѣта сукна и киптаря, гораздо ближе къ общеукраинскому и поэтому говорить о немъ въ подробностяхъ нѣтъ надобности, кромѣ развѣ общаго замѣчанія о его замѣчательно яркой (но вовсе не крикливой) колоритности, и особенномъ богатствѣ мѣдными украшеніями. Эти послѣднія, встрѣчаясь только у гуцуловъ, составляютъ дѣйствительно вполнѣ оригинальную черту, внесенную, по крайней мѣрѣ въ техникѣ, повидимому цыганами.

Гуцулка въ праздничной одеждѣ.

Если ко всему сказанному мы прибавимъ еще, что языкъ гу-

---

*) Любопытно, что многіе, считающіе себя призванными писать о Галиціи, авторы поминутно говорятъ о Червонной Руси, очевидно совсѣмъ не зная значенія ни слова червоный, ни червонный, а слѣдовательно и разницы между ними.

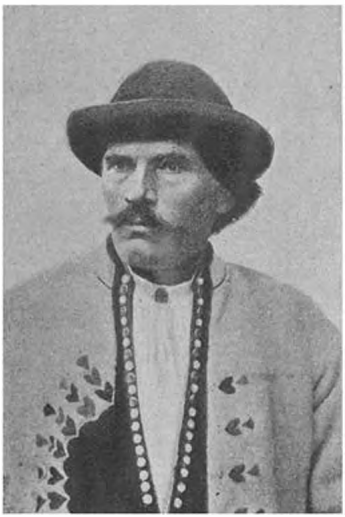
цуловъ представляетъ собой разновидность галицко-подольскаго нарѣчія, то всякія сомнѣнія въ неукраинскомъ и даже неславянскомъ происхожденіи гуцуловъ устраняются сами собой.

III. Бойки.

Подъ этимъ названіемъ извѣстно населеніе сѣверо-восточнаго склона Карпатъ отъ р. Ломницы на югѣ, до окрестностей м. Лютовиска на сѣверѣ, само себя называющее верховинцами, т.-е. горными русинами. Занимаемое ими пространство далеко не имѣетъ того дикаго альпійскаго характера, какимъ отличается гуцульщина: горы ниже, склоны ихъ округленные, мѣстъ удобныхъ для хлѣбопашества гораздо больше, сообщенія сравнительно лучше и если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, за отсутствіемъ дорогъ, приходится пробираться по русламъ горныхъ рѣчонокъ, то это все-таки возможно на колесахъ. Въ зависимости отъ такой бо̀льшей доступности страна бойковъ гораздо раньше и гораздо глубже подверглась тѣмъ вліяніямъ, отъ которыхъ спасала гуцуловъ недоступность ихъ Чорногоры: лѣса теперь уже въ значительной степени истреблены, оголенныя вершины горъ размываются и теряютъ всякую экономическую цѣнность, огромное большинство земли находится во владѣніи помѣщиковъ, населеніе сильно обѣднѣло, смѣшалось съ чуждыми ему элементами и стоитъ на дорогѣ къ физическому вырожденію, отъ котораго спасается только эмиграціей и, главнымъ образомъ, лѣсной торговлей, и т. п. Все это свидѣтельствуетъ объ упадкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ на себѣ слѣды и лучшихъ временъ, когда бойкамъ жилось можетъ быть не хуже, чѣмъ гуцуламъ.

Скотоводство и довольно жалкое земледѣліе составляютъ и до сихъ поръ главный источникъ существованія бойковъ. Выпасъ скота у нихъ, впрочемъ, происходитъ далеко не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ у гуцуловъ. Зимою и весной оборотливые бойки прислушиваются къ цѣнамъ на скотъ, преимущественно на овецъ, скупаютъ ихъ по возможности дешевле, аатѣмъ выпасаютъ на своихъ, но главнымъ образомъ заарендованныхъ, пастбищахъ, а осенью гонятъ свои стада въ «долину», а иногда и на Угорщину и тамъ продаютъ ихъ. Самые пріемы выпаса очень отличаются отъ гуцульскихъ: у бойковъ постоянныхъ сооруженій для пастуховъ, выдѣлки сыра и помѣщенія для скота на ночь—

нѣтъ, а все это замѣняется передвижными «кошарами», состоящими изъ довольно легкихъ плетенокъ и кольевъ, которыя очень легко разобрать, перенесть на другое мѣсто и опять собрать въ самое короткое время. Передвигать же эти кошары необходимо, такъ какъ, помимо предоставленія скоту свѣжаго пастбища, надо думать и о томъ, чтобы удобреніе, оставляемое овцами на мѣстѣ стоянки, распространялось по пастбищу болѣе или менѣе равномѣрно. Что касается земледѣлія, то оно на тощей почвѣ склоновъ бойковскихъ горъ даетъ только овесъ и опять-таки картофель, къ которымъ и сводятся всѣ основныя питательныя вещества бойковъ. Къ нимъ, разумѣется, надо присоединить кой-какіе огородные овощи, ягоды и т. п., но молочными продуктами бойки уже далеко не такъ богаты, какъ гуцулы. Не зная другого хлѣба, кромѣ овсянаго, иногда тоже съ примѣсью картофеля, бойки вообще питаются довольно плохо, особенно въ постные дни, которые соблюдаются очень строго. Вполнѣ возможно, что именно этой недостаточностью питанія, кромѣ другихъ причинъ, на которыя будетъ указано далѣе, и надо объяснить нѣкоторыя антропологическія особенности бойковъ. Будучи въ сущности совершенно того же антропологическаго типа, что и гуцулы, бойки отличаются отъ нихъ нѣсколько меньшимъ ростомъ, меньшей круглоголовостью и большимъ % свѣтловолосыхъ и свѣтлоглазыхъ. Послѣднія двѣ черты могутъ объясняться нѣкоторыми чуждыми примѣсями, но пониженіе роста очень часто является спутникомъ хроническаго недоѣданія и недостаточно гигіенической обстановки.



Русинъ галицкой «долины».

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи жилища бойковъ по большей части оставляютъ желать очень многаго. Большая часть ихъ живетъ еще въ курныхъ хатахъ, стѣны и потолокъ которыхъ

покрыты блестящимъ слоемъ сажи, смѣшанной съ другими продуктами неполнаго сгоранія дерева. Правда, въ потолкѣ всегда есть четырехугольное отверстіе, закрытое доской когда не топятъ, и открываемое для выпусканія дыма, но это ничуть не мѣшаетъ жилищу быть насквозь прокопченнымъ, что, по мнѣнію бойковъ, даже очень хорошо, потому что предохраняетъ людей отъ чахотки, а стѣны и крышу хаты отъ гніенія. Въ этнографическомъ отношеніи жилища бойковъ очень интересны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда хаты не связаны непосредственно съ прочими хозяйственными постройками, онѣ отличаются своей величиной, тремя, а не двумя окнами съ фронта, крытой галлереей вдоль передней стѣны и подстриженной въ видѣ ступенекъ очень высокой соломенной крышей. Уже галлерея и крыша, особенно если она деревянная, сближаютъ хату бойковъ съ гуцульскою, но это сходство еще виднѣе въ небольшихъ пристройкахъ подъ общей крышей, окружающихъ хату со всѣхъ сторонъ кромѣ входной, такъ наз. «колешнях», складахъ для дровъ и т. п. Гораздо оригинальнѣе и, повидимому, вовсе не самобытнѣе устройство длинныхъ бойковскихъ хатъ, въ которыхъ подъ одной крышей соединены построенныя въ одинъ рядъ всѣ хозяйственныя службы: конюшни, помѣщенія для скота, для дровъ, сараи и т. п., вытягивающіеся въ постройку до длины метровъ около 50-ти и болѣе. Судя по отсутствію построекъ такого типа у прочихъ славянскихъ народовъ, приходится приписывать ихъ постороннему вліянію, можетъ быть, нѣмецкому.

Мы уже упоминали объ особенномъ развитіи у бойковъ деревянно-церковной архитектуры, выразившейся въ трехкупольномъ типѣ храма. Будучи преобладающимъ во всей Украинѣ, у бойковъ онъ достигъ высшаго своего развитія, давши цѣлую серію грандіозныхъ по размѣрамъ и удивительно гармоническихъ по архитектурнымъ линіямъ сооруженій, сущность которыхъ заключается въ стремленіи поднять верхнія части храма возможно выше и въ то же время придать прикрытіямъ возможно болѣе округленную форму ортодоксально византійскаго купола. Это достигнуто увеличеніемъ количества постепенно уменьшающихся барабанчиковъ съ крышами, выдающимися надъ каждымъ изъ нихъ. Будучи древнимъ, вполнѣ самобытнымъ и не имѣющимъ рѣшительно ничего общаго съ латинскимъ и вообще западнымъ искусствомъ, этотъ церковно-архитектурный стиль уже почти совершенно истребленъ и на правой и на лѣвой сторонахъ Днѣпра въ Россіи, и трудно сказать, какая судьба ждетъ его въ Галиціи.

Одежда бойковъ состоитъ въ сущности изъ тѣхъ же элементовъ, что и гуцульская, но очень рѣзко отличается отъ нея и скромностью цвѣтовъ и болѣе простымъ матеріаломъ и почти полнымъ отсутствіемъ украшеній, отчасти же покроемъ, по всей вѣроятности болѣе архаическимъ. На рубаху, такую же какъ и у всѣхъ украинцевъ, т.-е. съ небольшимъ прямымъ воротомъ и разрѣзомъ посреди груди, но гораздо болѣе длинную и носимую на выпускъ, бойки одѣваютъ такой же, какъ и у гуцуловъ, неизбѣжный въ горахъ, киптаръ, но только далеко не такъ расшитый и дополненный иногда очень большимъ отложнымъ бараньимъ воротникомъ. Лѣтомъ, а ближе къ равнинѣ и зимою, киптаръ этотъ замѣняется совершенно одинаково съ нимъ сшитымъ «лейбикомъ», т.-е. тѣмъ же киптаремъ, но только не изъ мѣха, а изъ сукна. Сердакъ представляетъ собою тотъ же лейбикъ, но съ рукавами и гораздо болѣе длинный. Какъ лейбикъ, такъ и сердакъ шьются изъ обыкновеннаго коричневаго крестьянскаго сукна и застегиваются на 4—6 и болѣе крючковъ или пуговокъ, прикрѣпленныхъ къ концамъ, пришитыхъ наглухо цвѣтныхъ завязокъ въ родѣ тѣхъ, какія мы видимъ на рисункахъ нѣкоторыхъ казацкихъ костюмовъ или еще чаще великорусскихъ одеждъ, гл. обр. охабней. Узкіе штаны лѣтомъ полотняные, а зимою суконные, и «ходаки», т.-е. постолы дополняютъ одежду бойковъ, въ общемъ, какъ мы сказали довольно скромную и невзрачную. Если мы прибавимъ къ этому чрезвычайно длинные волосы, иногда такой же длины какъ у женщинъ, подрѣзанные только на лбу и часто совершенно бритую физіономію, съ очень тонкимъ иногда профилемъ, то у насъ и получится изображеніе типическаго бойка. Разумѣется костюмъ этотъ далеко не вездѣ одинаковъ: на юго-востокѣ онъ мало чѣмъ отличается отъ гуцульскаго, по

Бойко изъ южной Галиціи.

сторонамъ желѣзный дороги между Стрыемъ и Лавочной онъ является довольно смѣшаннымъ, иногда напоминающимъ одежду угроруссовъ, на сѣверо-западѣ же онъ замѣтно приближается къ почти словацкому костюму лемковъ. Въ общемъ же можно думать, что одежда бойковъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь сохранила свой архаическій характеръ, такъ какъ въ ней мы находимъ всѣ элементы общеукраинской одежды, но только въ ихъ, такъ сказать,

Гуцулки.

первобытномъ видѣ, при чемъ сохранились весьма интересныя переходныя формы, благодаря которымъ открывается родство ихъ съ формами лѣсной полосы Украины, которыя считались иногда заимствованными отъ бѣлоруссовъ или литовцевъ, но которыя, при болѣе внимательномъ изученіи, оказываются только болѣе старинными украинскими, уступившими свое мѣсто новымъ вліяніямъ, шедшимъ главн. обр. съ юга.

IV. Лемки.

Наиболѣе сѣверо-западная часть украинскаго племени, живущая въ части Карпатъ, извѣстной подъ именемъ Низкихъ Бескидъ, носитъ, подобно гуцуламъ и бойкамъ, также народное названіе лемковъ (отъ слова лемъ, т.-е. лишь, позаимствованнаго ими отъ словаковъ). Начинаясь отъ окрестностей с. Лютовиска между Сяномъ и его притокомъ Ославой, поселенія лемковъ тянутся до р. Попрада и немного даже переходятъ его,

касаясь предѣловъ уже сплошного теперь польскаго поселенія Татровъ. Благодаря своему географическому положенію, лемки находятся въ гораздо лучшихъ условіяхъ по отношенію къ земледѣлію, чѣмъ всѣ прочіе горные русины: въ Низкихъ Бескидахъ довольно хорошо родится рожь, ячмень и даже пшеница и хлѣбъ, хотя все-таки съ большой примѣсью ячменной муки, составляетъ у нихъ уже наиболѣе существенную часть пищи. Тѣмъ не менѣе продуктовъ земледѣлія все-таки нехватаетъ и лемки должны заниматься также выпасомъ скота, иногда торговлей, а больше всего земледѣльческими работами внѣ своей страны, главнымъ образомъ въ Венгріи. Въ послѣднее же время и этого становится недостаточно и лемки начали большими массами эмигрировать въ Америку, но не навсегда, а по большей части только на 2, на 3 года, послѣ чего они возвращаются съ небольшимъ, но на мѣстный масштабъ очень значительнымъ, капиталцемъ, снимаютъ съ себя западный костюмъ, опять одѣваются по-лемковски и ведутъ свое хозяйство, но уже съ гораздо большимъ умѣньемъ, и экономической независимостью. Благодаря этому селенія лемковъ производятъ впечатлѣніе извѣстной зажиточности. Хаты ихъ, почти никогда не бѣленыя, отличаются все-таки большей чистотой, чѣмъ бойковскія, несмотря на значительную степень примитивности. Дымовыхъ трубъ въ нихъ почти никогда не бываетъ, но дымъ, впрочемъ, рѣдко пускается просто подъ потолокъ съ однимъ или двумя отверстіями, а обыкновенно отводится изъ печи черезъ сѣни подъ крышу, по большей части деревянную (изъ гонты), а если и соломенную, то съ гонтовой обшивкой вдоль конька и по краямъ. Въ планѣ хатъ есть тоже значительныя измѣненія сравнительно съ общеукраинскимъ типомъ: онѣ дѣлаются тоже изъ трехъ срубовъ, но въ одномъ изъ нихъ помѣщается чистая комната «світлиця», а въ другомъ не комора, какъ на русской Украинѣ, а пекарня, т.-е. кухня. Этотъ типъ хаты, впрочемъ, считается у лемковъ болѣе новымъ, старинная же хата, которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удержалось еще очень много, очень похожа на длинную хату бойковъ, совмѣщающую подъ одной крышей всѣ хозяйственныя постройки. Этого рода хаты однако замѣтно короче, чѣмъ у бойковъ и отличаются большею сложностью постройки, при чемъ главное вниманіе обращено, какъ и въ «граждѣ» гуцуловъ, на то, чтобы все зданіе, по крайней мѣрѣ на ночь, имѣло только одинъ выходъ черезъ сѣни, мимо

дверей помѣщенія хозяевъ. Очень часто у лемковъ, какъ и у бойковъ, фронтовая сторона хаты имѣетъ галлерейку, а прочія стѣны обставлены разными сарайчиками и др. помѣщеніями. Въ числѣ службъ, помѣщающихся подъ одной крышей съ жильемъ, главную роль играетъ «б о и с к о» или «б о и щ е», т.-е. гумно или скорѣе крытый токъ для молотьбы хлѣба, для котораго тутъ же устроены большіе закрома.

Очень любопытный архитектурный типъ представляютъ собой лемковскія церкви. Это сооруженія того же трехкупольнаго типа, какой мы видѣли въ галицкой равнинѣ и у бойковъ, но съ той разницей, что самымъ высокимъ срубомъ съ наиболѣе высокимъ куполомъ въ нихъ является не средній, а входной, т.-е. западный, такъ что восточный, т.-е. алтарный, куполъ оказывается самымъ низкимъ, за нимъ слѣдуетъ болѣе высокій центральный и, наконецъ, самый высокій—входной, въ которомъ обыкновенно устраивается колокольня. Это, повидимому, несомнѣнно словацкое вліяніе и притомъ довольно позднее, такъ какъ старинныя церкви у лемковъ были еще общеукраинскаго типа.

Такому же вліянію со стороны словаковъ подверглась несомнѣнно и о д е ж д а лемковъ. Начиная съ ихъ рубахи, которая имѣетъ разрѣзъ позади и застегивается или завязывается подъ затылкомъ, и кончая узкими, вышитыми шнурками, штанами, весь ихъ костюмъ какъ мужской, такъ и женскій имѣетъ слишкомъ мало общаго съ украинскимъ. У мужчинъ особенно бросается въ глаза «ч у г а» — родъ верхней одежды, съ огромнымъ спускающимся сзади ниже пояса воротникомъ, украшеннымъ длинною бахромою изъ почти всегда бѣлыхъ толстыхъ и длинныхъ, напоминающихъ свѣчи или лучше сказать свѣчные фитили—шнурковъ и съ длинными, оканчивающимися такими же шнурками, рукавами, которые, вдобавокъ, никогда не надѣваются на руки, а будучи зашитыми, служатъ по большей части мѣшками для покупокъ и т. п. У женщинъ больше всего обращаютъ на себя вниманіе голубые, расшитые богатымъ узоромъ изъ краснаго шелковаго шнурка, лейбики, и особенно «о б р у с ы» или убрусы, большіе куски тонкаго полотна или кисеи, то надѣваемые на голову, то висящіе по плечамъ и во всякомъ случаѣ представляющіе собой переживаніе очень древняго головного убора славянскихъ женщинъ.

V. Угроруссы или угорскіе русняки.

По всему юго-западному склону Карпатъ отъ Черной Тисы до Латорицы и немного дальше на сѣверо-западъ разбросаны живописныя, но довольно рѣдкія, поселенія угорскихъ русиновъ, вполнѣ родственныхъ по крови угорскимъ гуцуламъ, но значительно отличающихся уже отъ нихъ и по образу жизни и по этнографическимъ особенностямъ. Живя въ очень красивой и плодородной мѣстности, захватывающей на сѣверо-западѣ даже такіе извѣстные своимъ богатствомъ уголки, какъ знаменитый Токай, угроруссы находились бы въ самомъ лучшемъ положеніи для своего развитія, если бы этому не мѣшала націоналистическая политика венгерскаго правительства, стремящагося къ насильственной мадьяризаціи всего не-венгерскаго населенія страны. Въ результатѣ этой политики угорскіе русины очутились въ положеніи какой-то загнанной и политически и экономически массы «инородцевъ», отданныхъ чуть ли не въ рабство разнаго рода венгерскимъ «патріотамъ», между которыми первая роль принадлежитъ своему же, но совершенно мадьяризованному духовенству, не хотящему и слова сказать своей паствѣ на родномъ ея языкѣ. Страшно подумать о томъ, что по традиціи или по какимъ-нибудь соображеніямъ новая русско-венгерская граница можетъ пройти, какъ и нынѣшняя австро-венгерская, по вершинамъ Карпатъ, а не по теченію р. Тисы. Это было бы окончательной погибелью Угорской Руси!..

Крайне стѣсненное экономическое положеніе угорскихъ русиновъ поражаетъ при первомъ же взглядѣ на ихъ жилища. Тщательно выбѣленныя хатки съ высокими крышами, кокетливо выглядывающія изъ-за широко разросшейся зелени деревьевъ, при приближеніи къ нимъ, больше и прежде всего удивляютъ своими крошечными размѣрами какъ самаго жилища, такъ и всей усадьбы. Рѣдко можно найти въ цѣлой деревнѣ 2—3 хаты съ коморами, всѣ же остальныя состоятъ только изъ маленькихъ сѣней и одной комнатки, въ которой кромѣ печи, занимающей $^1/_4$ всего пространства, должно жить среднимъ числомъ около 5 человѣкъ. Дымовыхъ трубъ нѣтъ нигдѣ, а дымъ выпускается просто «під стріху», что и здѣсь тоже, по мнѣнію крестьянъ, обезпечиваетъ прочность крыши. Внутреннее устройство жилища и размѣщеніе въ немъ предметовъ почти совершенно такое же, какъ и во всей Украинѣ, но поражаетъ своей бѣдностью: не видно ни вышивокъ,

ни росписи на стѣнахъ, не говоря уже о коврахъ и т. п. роскоши, и, разумѣется, ни малѣйшихъ признаковъ книги или газеты. Въ общемъ угрорусская деревня имѣетъ видъ чего-то въ родѣ украинской деревни послѣ пожара или наводненія: жилища, между которыми изрѣдка попадаются и очень красивыя постройки съ изящными деревянными (изъ драницъ) крышами, съ закругленными ребрами ихъ, съ рѣзными фальшивыми трубами и высокими шпицами по концамъ конька, дѣлаютъ все-таки впечатлѣніе чего-то временнаго, какъ будто недостроеннаго.

Оригинальны очень угрорусскія церкви: наиболѣе простыя изъ нихъ сводятся къ романскому, покрытому двухскатной крышей, нефу съ придѣланной къ одному изъ концовъ остроконечной башенкой для колоколовъ; въ болѣе же развитомъ видѣ—это довольно большія, хотя тоже деревянныя, сооруженія въ подобномъ же родѣ, но съ высокой башней, увѣнчанной на верху еще четырьмя тоже остроконечными башенками и довольно высокимъ шпицемъ, напоминающей скандинавскую архитектуру, съ которой ее роднитъ и употребленіе вмѣсто черепицы толстыхъ дубовыхъ, тщательно вытесанныхъ, обрубковъ.

Въ костюмахъ угроруссовъ, если забыть о лемкахъ, тоже немного сохранилось типично-украинскаго. Обычную одежду мужчинъ составляетъ короткая изъ бѣлаго или сѣраго сукна «г у н ь к а» —нѣчто въ родѣ пиджака, отороченнаго по краямъ зеленымъ или другимъ цвѣтнымъ сукномъ и такихъ же узкихъ панталонъ, концы которыхъ засовываются въ голенища сапоговъ, лѣтомъ же мужчины ходятъ въ короткихъ (гораздо короче пояса) рубашкахъ, оставляющихъ совершенно голыми всю верхнюю часть живота, и очень широкихъ, свободно висящихъ, холщевыхъ штанахъ. Женскій костюмъ состоитъ изъ вполнѣ украинской рубахи, двухъ запасокъ или какой-нибудь ситцевой юбки (спідниці), цвѣтовъ на головахъ у дѣвушекъ и бѣлыхъ покрывалъ у замужнихъ. Сверхъ этого какъ мужчины, такъ и женщины носятъ «ч у г у» или «г у н ю» — нѣчто въ родѣ кавказской бурки, но съ рукавами, — внутренняя сторона которой гладкая, наружная же имѣетъ видъ большой бараньей шкуры съ длиннымъ волосомъ, что не лишено извѣстной дикой красоты.

Всего сказаннаго нами вѣроятно будетъ достаточно, чтобы видѣть, что населеніе Галичины, Буковины и Угорской Руси въ своихъ этнографическихъ особенностяхъ является вполнѣ укра-

нискимъ и что различія и отступленія отъ общеукраинскаго типа имѣютъ характеръ или архаическій, сохранившійся благодаря изолированности жизни въ горахъ, или заимствованный отъ сосѣднихъ народовъ, но и въ такомъ случаѣ переработанный по-своему и болѣе или менѣе соотвѣтствующій основному національному типу.

Историческій очеркъ.

Географическое положеніе Галичины сыграло важную роль въ ея исторіи. Окруженная съ трехъ сторонъ западно-европейскими государствами (Венгріей и Польшей), она, естественно, находится въ сферѣ ихъ государственныхъ интересовъ, постепенно втягивается въ ихъ политику и въ концѣ концовъ вступаетъ съ ними въ тѣсныя политическія, культурныя и религіозныя связи.

Съ другой стороны, находясь на рубежѣ южно-русскаго міра и будучи долгое время отъ него оторвана, Галичина сравнительно мало захватывается общими русскими интересами и ведетъ свою самостоятельную политику, особенно при Ростиславичахъ. Повидимому, этимъ объясняется и то обстоятельство, что начальныя наши лѣтописи, обстоятельно повѣствующія о жизни сосѣдняго Поднѣпровья, мало интересуются жизнью Галичины: почти до конца XII вѣка о ней имѣются лишь отрывочныя лѣтописныя извѣстія.

Древнѣйшія извѣстія о Галичинѣ связываются съ именемъ Владиміра Святого. Объединитель русскихъ земель владѣетъ и Галичиной, отнятой имъ у поляковъ. Со смертью его, Галичина нѣсколько разъ переходитъ изъ рукъ въ руки пока не получаютъ ее въ вотчину (около 1087 г.) князья-изгои — Ростиславичи. Съ нихъ, собственно, и начинается исторія Галичины, какъ самостоятельнаго княжества.

Положеніе Ростиславичей было вначалѣ труднымъ. Польше всегда предъявляла свои права на Галичину; протягиваетъ на нее руку и владѣвшая закарпатской Русью Венгрія; Волынскіе же князья смотрѣли на нее, какъ на часть своего удѣла. Энергичные и талантливые Ростиславичи успѣваютъ отстоять Галичину отъ притязаній сосѣдей и прочно закрѣпляютъ ее за собою. Въ даль-

нѣйшемъ вѣкѣ ихъ усилія направлены на устроеніе и развитіе княжества. Ихъ настойчивая и обдуманная политика, опирающаяся на правильное пониманіе насущныхъ интересовъ земли, создаетъ условія, весьма благопріятныя для роста политическаго значенія Галичины. И если старшее поколѣніе Ростиславичей (Володарь и Василько 1092—1125 г.г.) въ значительной мѣрѣ обезпечили Галичинѣ претвореніе въ самостоятельное и сильное государство, то продолжатель ихъ работы, талантливый Володимирко (1125—1153 г.г.), объединивъ подъ своей властью всю Галичину съ новой, болѣе центральной, столицей—въ Галичѣ, дѣйствительно создаетъ изъ нея могущественное и славное государство, о которомъ съ такимъ восторгомъ отзывается авторъ «Слова о полку Игоревѣ». Обращая свои взоры къ Ярославу «Осмомыслу» (1153—1187 г.г.), сыну Володимирка, авторъ «Слова», между прочимъ, говоритъ: «Галичскій Осмомысле Ярославе. Высоко сѣдиши на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы Угорскія своими желѣзными пълки, заступивъ королеви путь, затворилъ Дунаю ворота... суды ради до Дуная; грозы твои по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола Салтана за землями».

Такимъ образомъ, всего на протяженіи столѣтія, благодаря усиліямъ Ростиславичей, Галичина достигаетъ такого положенія, о которомъ, какъ идеалѣ, мечтаютъ современные политики для другихъ южно-русскихъ земель. Нужно сказать, что состояніе послѣднихъ во второй половинѣ XII вѣка было дѣйствительно весьма печальнымъ. Старый, богатый и славный Кіевъ быстро приходитъ въ упадокъ. Обособленіе земель,—бывшихъ провинцій Кіева, развившихъ въ XII вѣкѣ свои собственные центры, очень ослабляетъ Кіевъ, не сообщивъ при этомъ и имъ самимъ ожидаемыхъ выгодъ. Неудержимый потокъ тюркской иммиграціи вноситъ сильное разстройство въ торговую и хозяйственную жизнь Поднѣпровья, къ тому же замѣтно разбавивъ широкой варварской струей высокую мѣстную культуру. Все это, въ связи съ тревожной атмосферой, созданной постоянными набѣгами степняковъ-кочевниковъ и безпрерывными княжескими усобицами, создаетъ обстановку, крайне неблагопріятную для спокойнаго занятія мирнымъ трудомъ. Населеніе массами уходитъ въ болѣе спокойныя мѣста и этимъ довершаетъ упадокъ Кіева, недавняго разсадника высокой культуры. Рядомъ—Галичина въ

это время не знаетъ княжескихъ усобицъ. Володарь и Василько правятъ ею въ полномъ согласіи. Володимирко рѣшительно справляется съ другими претендентами на галицкій столъ и въ своихъ рукахъ держитъ всю Галичину. Мало того, если Володимирко еще терпитъ въ сосѣдней Буковинѣ своего племянника Ивана Берладника, то Ярославъ Осмомыслъ считаетъ отдѣльное существованіе Буковины недопустимымъ и включаетъ и ее въ составъ своихъ владѣній. Не растрачивая силъ на междуусобную борьбу, Галицкіе князья всю свою энергію направляютъ на устроеніе своей земли. И ихъ заботы о заселеніи страны, о хозяйствѣ, торговлѣ, о постройкѣ укрѣпленныхъ городовъ для охраны населенія—создаютъ условія, которыя быстро подымаютъ благосостояніе земли. Параллельно съ постепеннымъ разореніемъ и упадкомъ Кіева, ускореннымъ темпомъ идетъ развитіе и усиленіе Галичины. Лучшимъ показателемъ ея благосостоянія можетъ служить галицкое боярство, которое по богатству и мощи представляетъ собой исключительное явленіе въ жизни княжествъ XII вѣка.

Быстрое развитіе благосостоянія Галичины сопровождается и значительнымъ культурнымъ ея подъемомъ. Чисто внѣшнія обстоятельства какъ будто даже указывали на то, что Галичинѣ суждено стать политической и культурной наслѣдницей глохнущаго Кіева. Ничего не было бы удивительнаго въ томъ, если бы съ достиженіемъ политическаго первенства въ средѣ южно-русскихъ земель (какъ это было при Ярославѣ Осмомыслѣ), Галичина взяла бы на себя и культурную роль Кіева, ставъ новымъ очагомъ и разсадникомъ національной культуры. Но, какъ уже упоминалось выше, географическое положеніе Галичины заставляло ее близко и непосредственно соприкасаться съ Западомъ, и, если при первыхъ Ростиславичахъ это соприкосновеніе имѣетъ центръ тяжести въ военныхъ отношеніяхъ, то впослѣдствіи оно проявляется и въ сферѣ культурной. Уже при Владимиркѣ видимъ иностранцевъ среди самыхъ приближенныхъ и важныхъ сановниковъ (полякъ Петръ Властъ); позднѣе европейски образованный Ярославъ Осмомыслъ широко пользуется иностранцами, какъ учителями галичанъ. Эти взаимоотношенія съ западно-европейскими государствами, въ связи съ удаленностью Галичины отъ русскаго міра, оставляютъ неизгладимую печать на вкусахъ и привычкахъ галичанъ, и когда исторія поставила передъ ними задачу стать носителями національной культуры, галичане не

могли не окрасить послѣднюю специфическимъ мѣстнымъ колоритомъ.

Такъ, уже на исходѣ XII вѣка обозначался путь, по которому Галичина пойдетъ въ дальнѣйшемъ своемъ культурномъ развитіи.

Прекращеніе династіи Ростиславичей въ 1198 году приводитъ къ соединенію Галичины съ Волынью. Энергичный Волынскій князь Романъ прочно занимаетъ Галичину своими войсками и сразу становится самымъ сильнымъ государемъ среди южнорусскихъ князей. Кіевскій Рюрикъ, вздумавшій было отобрать у него Галичину, принужденъ перемѣнить великокняжескій столъ на монашескій клобукъ. Такимъ образомъ, на зарѣ XIII вѣка въ южно-русскомъ мірѣ нарождается большая политическая сила, которая въ рукахъ такого талантливаго князя, какъ Романъ, казалось, была призвана занять мѣсто падающаго Кіева. И Романъ не чуждъ былъ такого именно пониманія роли Галичины: мы видимъ, что онъ сразу ставитъ себѣ широкія задачи, далеко выходившія за рамки мѣстныхъ галицкихъ интересовъ. Такъ, немилосердно расправляясь въ Галичѣ съ мятежнымъ могущественнымъ боярствомъ, притязанія котораго были не по душѣ его властолюбивому характеру, ведя нещадную борьбу съ Литвой, безпокоившей галицкія границы, Романъ предпринимаетъ рядъ дальнихъ походовъ противъ не соприкасавшихся съ Галичиной, а досаждавшихъ Поднѣпровью и Византіи половцевъ, истребляя ихъ «какъ левъ и крокодилъ», смиряетъ Черниговскихъ Ольговичей, единственныхъ претендентовъ на Кіевское наслѣдіе. Романъ постепенно забираетъ въ свои руки всю южнорусскую политику и становится фактическимъ господиномъ Южной Руси; ему лишь оставалось, слѣдуя традиціи, переѣхать въ Кіевъ. Однако «галичанину» XIII вѣка кіевскій костюмъ показался не совсѣмъ удобнымъ; Романъ остается въ Галичинѣ, а съ нимъ въ Галичъ направляются и всѣ нити политики Южной Руси, для которой онъ является «Самодержцемъ всей Русской земли» («самодержець всея Роуси»).

Такъ старая государственная идеологія Кіева, покоившаяся на объединительныхъ заслугахъ Владимира Святого, переходитъ къ новому центру Южной Руси—Галичу. Но неожиданная смерть Романа, погибшаго въ стычкѣ съ поляками во время похода

1205 г., оборвала осуществленіе намѣчавшихся имъ широкихъ плановъ.

Романъ оставилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей: Данила и Василька. Но богатая Галичина казалась слишкомъ заманчивой добычей, чтобы можно было обращать вниманіе на права безпомощныхъ Романовичей. И какъ только разнеслась вѣсть о гибели Романа, потянулись въ Галичъ разные претенденты: русскіе и польскіе князья; венгры ведутъ между собой продолжительную и упорную борьбу за Галичину. Лишь съ 1245 года, послѣ знаменитой побѣды Данила подъ Ярославомъ, Галичина окончательно переходитъ къ Романовичамъ. Галичиной Данило овладѣлъ уже пожилымъ человѣкомъ. До того онъ княжилъ во Владимірѣ-Волынскомъ, много работая для упроченія своего положенія. Постепенно онъ увеличиваетъ свои владѣнія: Берестьемъ, Луцкомъ, Пересопницей, Дорогобужемъ, Понизьемъ. Добившись Галичины, Данило становится обладателемъ весьма значительнаго княжества, напоминающаго въ общихъ очертаніяхъ державу Романа. Потеряно было, правда, Поднѣпровье, съ появленіемъ въ 40-хъ годахъ татаръ. Естественно, что передъ Даниломъ выступалъ и вопросъ о продолженіи широкой политики «Самодержца всей русской земли»—Романа. И если среди замѣшательствъ 20-хъ годовъ XIII вѣка Галичина сумѣла стать во главѣ такого значительнаго южнорусскаго предпріятія, какъ походъ противъ татаръ на Калку, то въ 40-хъ годахъ, когда Поднѣпровье было придавлено татарскимъ игомъ, въ умахъ южнорусскихъ политиковъ не могла не крѣпнуть мысль о Галичѣ, какъ о новомъ политическомъ центрѣ всей Южной Руси. Для всѣхъ было очевидно, что объединительная роль Кіева кончена и что подъ тяжелой татарской рукой ему суждено и далѣе глохнуть и опускаться до уровня культуры побѣдителей.

Восточныя южнорусскія княжества находились въ непосредственной зависимости отъ татаръ: платили дань, князья ихъ ѣздили въ Орду за утвержденіемъ и т. д. Правда, позднѣе и Данило вынужденъ былъ признать себя ордынскимъ вассаломъ, но въ удаленной Галичинѣ, опиравшейся на западно-европейскихъ сосѣдей, зависимость отъ татаръ была значительно слабѣе. Въ силу унаслѣдованной отъ Кіева объединительной политики, Галичу, какъ новому центру, прежде всего необходимо было взяться за освобожденіе Поднѣпровья отъ татаръ. И Данило задумываетъ широкій

планъ борьбы съ татарами. Сильно укрѣпивъ страну постройкой новыхъ городовъ (Хо ізмъ, Львовъ и др.) онъ увлекается организаціей христіанской лиги для борьбы съ Ордой. Данило входитъ въ оживленныя сношенія съ папой, ведетъ переговоры съ венгерскимъ королемъ и польскими князьями. Однако предпріятіе это успѣха не имѣетъ. Хотя папа за обѣщанную Даниломъ унію и предлагалъ ему королевскую корону, но изъ оповѣщеннаго имъ крестоваго похода противъ невѣрныхъ ничего не вышло. Не дали положительнаго результата и переговоры съ венграми и поляками, и обезкураженный Данило рѣшается самъ на борьбу съ татарами. Однако татары, обезпокоенные приготовленіями Данила, быстрымъ движеніемъ орды въ Галичину подъ предводительствомъ Бурундая убѣждаютъ Данила въ невозможности неравной борьбы съ ними. Вынужденное разрушеніе всѣхъ укрѣпленій городовъ, на которые Данило возлагалъ большія надежды, лишь усилило подавляющее впечатлѣніе отъ такого внезапнаго крушенія издавна лелѣянной имъ мечты. Для Галичины исчезала возможность расширенія на востокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осталась неразрѣшенной объединительная задача, поставленная Галичу его новой ролью политическаго преемника и наслѣдника Кіева. Преемникъ «Самодержца всей русской земли» не достигъ государственнаго объединенія всей Южной Руси и навсегда остался галицкимъ «королемъ». Но съ перенесеніемъ очага южно-русской культуры въ Галичъ, передъ Галичиной стояли и задачи культурныя. Отъ нея Южная Русь ожидала сохраненія и дальнѣйшаго развитія Кіевскаго культурнаго наслѣдія.

Мы выше видѣли, что культурное направленіе въ Галичинѣ уже къ концу XII вѣка уклонялось въ сторону Запада. Отказъ Романа отъ Кіева, какъ резиденціи, лишній разъ подчеркиваетъ западничество Галичанъ въ началѣ XIII вѣка. Существованіе въ Галичинѣ сильной, вліятельной венгерской партіи въ средѣ боярства, сумѣвшаго, напримѣръ, заставить Мстислава Удалого передать Галицкій столъ, помимо законнаго наслѣдника Данила, венгерскому королю, показываетъ, что сильныхъ симпатій къ Западу далеко не чужды были и аристократическіе круги Галичины. Самъ Данило, воспитанный на Западѣ, былъ, какъ мы видимъ, скорѣе западно-европейскимъ государемъ, чѣмъ русскимъ княземъ. Никогда раньше Галичина не видѣла такого наплыва иностранцевъ, какъ при немъ: «нача призывати прихожи, нѣмцы

и Русь, иноязычники и ляхи; идяху день и вдень и у нощи»,— говоритъ лѣтописецъ. Наконецъ и соглашеніе съ папой объ уніи возможно было лишь при несомнѣнныхъ западническихъ симпатіяхъ государя и его ближайшихъ сотрудниковъ.

Иначе складывалась жизнь Кіева. Удаленный отъ Запада, но не чуждый живыхъ торговыхъ связей съ нимъ, Кіевъ находится подъ сильнымъ воздѣйствіемъ византійской культуры. И если въ Галичинѣ національныя начала переплетались съ западно-европейскими, то въ Кіевѣ отъ взаимодѣйствія національныхъ основъ съ византійскими, а отчасти западно-европейскими и восточными вліяніями, вырабатывается своя колоритная мѣстная культурная амальгама, отличная отъ галицкой. Кіевъ и Галичъ въ XIII вѣкѣ до нѣкоторой степени два разныхъ культурныхъ міра. И только мощный полуторавѣковой переселенческій потокъ, уносившій изъ Поднѣпровья послѣдніе обломки богатой Кіевской культуры, сглаживаетъ культурное расхожденіе Стараго Кіева съ Молодой Галичиной.

Данило умеръ въ 1266 году. При безцвѣтномъ преемникѣ его Василькѣ все текло постарому. Но уже Львомъ Даниловичемъ (1270—1301 г.г.) была утрачена Волынь. Впрочемъ, во время княженія его сына Юрія Волынь соединяется снова съ Галичиной. Въ это княженіе Галичина напоминаетъ, повидимому, лучшую пору эпохи Данила, и Юрій такъ же, какъ и Данило, титулуется «rex Russiae» (Король Русскій). Но времена были уже не тѣ, и противъ нестерпимо напиравшихъ татаръ сыновья Юрія вынуждены искать спасенія въ династическихъ комбинаціяхъ съ сосѣдними государями: польскимъ и литовскимъ. Этотъ ходъ галицкой дипломатіи не былъ чѣмъ-либо новымъ. Мы знаемъ, что, напримѣръ, Данило находился въ родствѣ съ австрійскими государями Бабенбергами, были также примѣры родственныхъ связей галицкихъ князей съ венгерскими королями. Но въ данномъ случаѣ этотъ шагъ имѣлъ огромныя политическія послѣдствія, приведя къ потерѣ Галичиной самостоятельности. Впрочемъ, передъ Галичиной стояла альтернатива: или раздѣлить участь остальной Руси, стонавшей подъ татарскимъ игомъ, или, вступая въ самыя тѣсныя связи съ иноплеменными сосѣдними государями, попытаться при помощи ихъ сохранить свою свободу. Для культурно-родственной съ Западомъ Галичины не могло быть выбора, и тѣмъ же боярствомъ, которое раньше неоднократно обнаружи-

вало симпатіи къ претендентамъ на Галичину, изъ западно-европейскихъ государей былъ на Галицкій столъ приглашенъ, по смерти безпотомственныхъ послѣднихъ Романовичей, польскій князь Болеславъ Тройденовичъ, находившійся въ родствѣ съ Романовичами. Переходъ галицкаго стола къ польскому князю знаменовалъ собой безповоротное направленіе политики въ сторону Запада. И хотя слишкомъ рѣшительное насажденіе католицизма и наводненіе поляками Галичины стоили Юрію-Болеславу жизни (въ 1340 г.), Галичинѣ все же суждено было надолго связать свою судьбу съ польскимъ государствомъ.

Разгорѣвшаяся по смерти Юрія-Болеслава упорная борьба между приглашеннымъ боярствомъ Литовскимъ княземъ, Польшей, Венгріей и Ордой закончилась окончательнымъ присоединеніемъ Галичины къ Польшѣ въ 1387 году. Самостоятельное существованіе ея, такимъ образомъ, окончилось и послѣдующая исторія Галичины—исторія провинціи польскаго государства.

Въ то время, когда Галичина доживала послѣдніе годы своего самостоятельнаго существованія и, опасаясь татарскаго порабощенія, искала спасенія въ династическихъ связяхъ съ западными сосѣдними государями, рядомъ быстро вырастаетъ новая огромная политическая сила—Литовское государство, которому суждено было сыграть весьма важную роль въ исторіи не только Галичины, но и другихъ южнорусскихъ земель.

Рядъ замѣчательныхъ литовскихъ государей—Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ—на протяженіи XIV вѣка не только успѣваетъ объединить литовскіе народцы, но рядомъ удачныхъ дѣйствій включаетъ въ свои границы всѣ южнорусскія земли. Уже Гедиминъ титулуется: «rex Lethowinorum et multorum Ruthenorum», его же преемникъ Ольгердъ, пользуясь ослабленіемъ Орды, отнимаетъ отъ татаръ все Поднѣпровье съ Кіевомъ. Такъ образовалась держава, въ которой литовцы-завоеватели составляли меньше одной пятой части государства. Значительное численное преобладаніе и культурное превосходство Руси способствовало сильному культурному воздѣйствію ея на Литву. Южнорусская литература, книжность, право, входитъ въ оборотъ литовской жизни. Южнорусскій языкъ становится литературнымъ, общественнымъ,

государственнымъ, а также языкомъ образованныхъ, аристократическихъ круговъ и двора. Съ XIV в. въ Литвѣ создаются условія для развитія государственной и культурной традиціи Кіева, которая, какъ переходнымъ этапомъ, пользовалась въ XIII в. гостепріимствомъ Галичины.

Такимъ образомъ, одновременно съ потерей самостоятельности, Галичина теряетъ и роль культурной преемницы Кіева. Впрочемъ, происходитъ это не сразу, и на первыхъ порахъ даже въ государственномъ строѣ Галичины оставалось довольно много отъ прежнихъ порядковъ, такъ что позже это переходное время называютъ «временемъ русскаго права». Полное уравненіе Галичины съ другими польскими провинціями относится къ XV вѣку—ко времени уже по смерти Ягайла. Вообще, XV в. былъ временемъ, когда окончательно слагался политическій и общественный строй Польши. Его характерной особенностью было чрезмѣрное развитіе значенія польской шляхты (дворянства). Все населеніе, если не считать горожанъ, которые были совершенно изолированы, представляло изъ себя два рѣзко различавшихся міра: съ одной стороны всевластное шляхетство, съ другой—безправное крестьянство. На Галичинѣ эти порядки ближайшимъ образомъ отразились въ томъ, что исключительно заманчивое положеніе польской шляхты способствуетъ крайне быстрому усвоенію польскихъ порядковъ галицкимъ боярствомъ. Перспектива освобожденія отъ тяжелыхъ податей и опеки правительственной администраціи лишь усиливала симпатіи этого боярства къ новымъ сословнымъ преимуществамъ. Такъ цѣною сословныхъ выгодъ было куплено сближеніе остатковъ мѣстной знати съ пришлыми польскими шляхетскими элементами, которые вслѣдъ за тѣмъ быстро захватываютъ въ Галичинѣ массу земель въ свои руки и оттѣсняютъ мѣстную шляхту отъ власти и вліянія въ самоуправленіи. Къ срединѣ XV в. процессъ полнаго упадка южнорусской шляхты уже вполнѣ закончился; она къ этому времени теряетъ свои боярскія традиціи, забываетъ родной языкъ, измѣняетъ религіи отцовъ и, такимъ образомъ, окончательно ополячивается. И когда позже пробудившееся національное самосознаніе заставило сплотиться всѣ классы южнорусскаго общества, то въ Галичинѣ оно нашло въ землевладѣльческой средѣ лишь денаціонализованную массу, усвоившую взглядъ на все русское, какъ на нѣчто значительно низшее въ сравненіи съ польскимъ.

Но если шляхта являлась привилегированнымъ сословіемъ, широко пользовавшимся исключительно благопріятнымъ положеніемъ въ польскомъ государствѣ, то совершенно инымъ было положеніе трудящейся крестьянской массы. Лишенный Петроковскимъ статутомъ (1496 г.) личной свободы, а вслѣдъ за тѣмъ и прикрѣпленный со всей своей семьей къ землѣ (съ 1505 г.), галицкій хлопъ оказался въ полномъ распоряженіи пана-шляхтича. Шляхтичъ по своему произволу облагаетъ хлопа податями, назначаетъ число барщинныхъ дней, требуетъ разнообразныхъ натуральныхъ повинностей. Хлопъ уплачивалъ подати: военную, обѣденную, приданное, станціонную и т. д., и т. д., давалъ дань — и грибами, и орѣхами, и яйцами и зерномъ, льномъ и т. п.; онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ молоть на барской мельницѣ, чинить соху въ панской кузницѣ, покупать соль, селедку, водку только въ панской корчмѣ и въ ней же сбывать свои продукты. Такъ вокругъ хлопа, лишеннаго покровительства закона, засновывалась тонкая паутина, которой онъ крѣпко прикрѣплялся къ благоденствовавшему пану-шляхтичу.

Хуже всего было то, что выходъ для хлопа изъ этого отчаяннаго положенія казался безнадежнымъ. И хотя переполнившаяся чаша рано начала выливаться въ народныя возстанія (возстаніе Мухи въ 1490 г.), но сильная административная власть быстро справлялась съ подобными слабоорганизованными движеніями.

Немногимъ лучше было въ Галичинѣ положеніе горожанъ и духовенства. Особенно въ тяжелыхъ условіяхъ жило мѣщанство. Послѣ введенія, основаннаго на вѣроисповѣдномъ принципѣ, Магдебургскаго права, южно-русскіе мѣщане, какъ «схизматики», не допускались къ участію въ городскомъ самоуправленіи и цехахъ, и такимъ образомъ были лишены возможности заниматься торговлею и ремеслами. Ограниченія въ отношеніи ихъ шли такъ далеко, что мы встрѣчаемся съ запрещеніями мѣщанству наравнѣ съ евреями жить внѣ дозволенныхъ кварталовъ, публично отправлять православное богослуженіе и церковныя процессіи.

Понятно, что при такихъ порядкахъ не лучше было и православному духовенству, которое становилось подъ подозрѣніе уже въ силу своего положенія пастырей угнетаемаго стада. Къ тому же это былъ единственный организованный интеллигентный классъ,

хранившій еще культурныя традиціи славной княжеской поры, когда православная церковь была господствующей. Руководя духовной жизнью народа, оно оказывалось на дорогѣ польскимъ культуртрегерамъ, считавшимъ своей миссіей полную латинизацію и полонизацію «покоренной» страны. По планамъ панъ католическая церковь должна была замѣнить собой православную. Правда, практика воздѣйствія на представителей православной церкви путемъ заманчивыхъ перспективъ не имѣла успѣха. Равнымъ образомъ, безрезультатными оказывались и попытки на соборахъ (Констанцскомъ, Базельскомъ, Флорентійскомъ) провести соединеніе церквей, вызывая всякій разъ энергичные протесты православныхъ. Тѣмъ не менѣе, постепенно католицизмъ занимаетъ въ странѣ господствующее мѣсто, а православная церковь ставится въ положеніе лишь терпимой, низшей церкви, неравноправность которой, сравнительно съ католической, давала себя чувствовать на каждомъ шагу; даже религіозный культъ подвергался разнымъ стѣсненіямъ (напр., считалось недозволеннымъ строить новыя православныя церкви, галицкая митрополія съ половины XV в. остается незамѣщенною, а православными дѣлами вѣдаетъ Львовскій католическій архіепископъ). Разнообразное воздѣйствіе правительственной власти приводитъ православную церковную жизнь въ концѣ XV в. къ крайнему упадку и разстройству церковной администраціи.

Въ это безотрадное время сохранили свою національность лишь тѣ слои населенія, которые стихійно связывали свою національную отдѣльность съ религіозной обособленностью: православное духовенство, мѣщанство и крестьянство. Религія отцовъ и дѣдовъ для обездоленныхъ массъ представлялась драгоцѣннымъ наслѣдіемъ той давней поры, когда у единовѣрныхъ князей и бояръ жилось легче и свободнѣе. Простой людъ крѣпко держится старой вѣры, и православная церковь постепенно становится тѣмъ знаменемъ, вокругъ котораго собирается все порабощенное. Вотъ почему, когда соціальная и національная неправда польскаго шляхетскаго государства привела къ борьбѣ, то послѣдняя вылилась прежде всего въ религіозную форму.

Знамя этой борьбы подняли братства, старѣйшимъ и знаменитѣйшимъ изъ которыхъ было Львовское при церкви Успенія. Первоначально кругъ компетенціи братствъ былъ довольно несложнымъ: братчики на собранные взносы устраивали храмовые

праздники, помогали бѣднымъ и больнымъ, корпоративно провожали умершихъ своихъ членовъ. Но по мѣрѣ того какъ церковные вопросы возбуждаютъ въ обществѣ все большій и большій интересъ, братства поднимаютъ свой голосъ въ вопросахъ церковной организаціи, дисциплины и нравственности. Оживленіе дѣятельности братствъ совпадаетъ со всеобщимъ интересомъ къ просвѣщенію и литературѣ, который былъ вызванъ умственнымъ и религіознымъ движеніемъ въ Европѣ, проникшимъ и въ Польшу. Религіозная борьба протестантовъ и католиковъ сопровождается усиленнымъ издательствомъ, усиленной литературной производительностью, и просвѣщеніе, а съ нимъ и школы, начинаютъ цѣнить, какъ оружіе религіозной борьбы. Поэтому, на ряду съ заботами о церкви, госпиталяхъ православные братства основываютъ и типографіи, школы. Знаменитая, напр., Львовская школа привлекала для полученія высшаго образованія молодежь со всей Южной Руси. Школы и типографіи вызвали широкое южнорусское литературное движеніе. Вокругъ братствъ группируются тѣ элементы общества, которые отстаиваютъ народные интересы и съ именемъ братствъ связываются проявленія народной организаціи для обороны народныхъ правъ. Такъ, постепенно расширяя кругъ своихъ задачъ, братства становится во главѣ церковной, просвѣтительной и литературной дѣятельности.

Но въ своихъ стремленіяхъ къ оживленію и поднятію религіозной жизни братства столкнулись съ епископами, которые видѣли въ этомъ вторженіе въ сферу ихъ компетенціи. Братства ищутъ опоры у константинопольскаго патріарха, который дѣйствительно принимаетъ ихъ сторону и освобождаетъ отъ власти епископовъ; надѣленные широкими правами ставропигіи, полученными отъ того же патріарха, братчики получаютъ возможность эмансипироваться отъ польскихъ національныхъ и религіозныхъ вліяній. Все это вызываетъ величайшее неудовольствіе среди епископовъ, которые, въ концѣ-концовъ, завязываютъ сношенія съ Римомъ, результатомъ чего было заключеніе (въ 1596 г.) сраву признанной и покровительствуемой правительствомъ уніи. Положеніе братствъ, а съ ними и всего православнаго населенія послѣ этого крайне ухудшилось. Братства, такъ искусно и живо проводившія литературную полемику съ уніатами, безъ поддержки вліятельныхъ лицъ оказались безсильными въ дальнѣйшей

защитѣ православной церкви и тѣсно связанныхъ съ ней народныхъ интересовъ. Но въ такой критическій моментъ на помощь братствамъ выступаетъ новая живая сила—козачество, явившееся естественнымъ продуктомъ соціальныхъ и экономическихъ условій жизни польскаго государства. Вышедшее изъ безправной среды, оно чутко и отзывчиво ко всему угнетенному и обездоленному и полагаетъ главнымъ своимъ лозунгомъ борьбу со всякимъ насиліемъ. Однако скоро центръ борьбы переносится ближе къ Подніѣпровью, въ Кіевъ. Здѣсь, при содѣйствіи козачества, Кіевское духовенство и мѣщанство даютъ отпоръ уніи. При этомъ роль Львовскаго братства переходитъ къ Кіевскому, въ которое вписываются козацкій гетманъ «со всѣмъ войскомъ запорожскимъ», значеніе же Львовской школы пріобрѣтаетъ знаменитая Кіево-Могилянская Академія. Въ продолжавшейся затѣмъ оживленной борьбѣ Галичина почти не принимаетъ участія. Культурное движеніе, разгорѣвшееся съ такою силою въ Галичинѣ въ XVI вѣкѣ, уже въ началѣ XVII в. совершенно заглохло; уровень культуры населенія сильно понижается. Книжность ограничивается лишь богослужебной и религіозной сферой. Свѣтская литература совершенно исчезаетъ, а съ нею выходитъ изъ употребленія и южнорусскій (украинскій) языкъ. Все, что было сколько-нибудь образованнаго, читало, писало и говорило по-польски. Безучастна Галичина и къ широкому движенію народныхъ массъ. Галичане видятъ многочисленные козацкіе полки, во главѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ подъ Львовомъ, но козацкимъ движеніемъ захватываются мало. Въ результатѣ, въ Галичинѣ наблюдается полный упадокъ національной жизни. Движеніе въ Поднѣпровьѣ отвлекло сюда все лучшее и жизненное, что было въ Галичинѣ, и что не могло мириться съ создавшейся невыносимой обстановкой. Галичина подвергается еще большему гнету торжествовавшей шляхты. Благополучіе покупается цѣною полонизаціи, которая съ половины XVII вѣка подвигается чрезвычайно быстрымъ темпомъ. И если въ XV в. въ средѣ польской шляхты растворилось галицкое боярство, то въ XVII—XVIII вв. сильно порѣдѣли и ряды мѣщанъ. Вѣрной своей національности остается забитая и темная крестьянская масса и почти такое же темное духовенство. Положенія не поправили и народныя движенія XVIII вѣка, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «гайдамачины». Впрочемъ, они тоже мало

Въѣздъ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ. *Съ картины художника Пелешка.*

коснулись Галичины. Лишь, такъ называемые, «опришки», укрывавшіеся въ Карпатскихъ горахъ, являлись выразителями народной мести. Разбивая проѣзжихъ купцовъ, грабя шляхту и евреевъ, они пользуются сочувствіемъ народа и опоэтизированы въ его преданіяхъ и пѣсняхъ.

Въ 1772 году Галичина переходитъ къ Австріи, какъ воеводство русское, а два года спустя присоединена къ Австріи и Буковина, находившаяся въ столь же печальномъ и убогомъ состояніи.

При императорѣ Іосифѣ II (1780—1790 г.г.) былъ разработанъ цѣлый рядъ хорошихъ реформъ для Галичины, но осуществлены были лишь немногія изъ нихъ, да и тѣ уничтожены при послѣдующихъ реакціонныхъ правителяхъ. Только 1848-ый г. создаетъ обстановку, въ условіяхъ которой стало возможнымъ культурно-національное и экономическое развитіе украинскаго населенія въ Галиціи.

Національное и литературное движеніе въ XIX ст.

Въ XIX ст. Галичина, говоря мѣткими словами проф. Грушевскаго, еще разъ сыграла роль того резервуара, въ которомъ собирались всѣ культурныя и общественныя силы Украины, самое существованіе которыхъ оказалось невозможнымъ въ центрѣ украинскихъ земель, въ Поднѣпровьѣ. Эта роль, какъ сказано, выпадала на долю Галичины уже не въ первый разъ. Послѣднимъ убѣжищемъ для украинскихъ силъ была Галичина въ XIII в., когда она сберегла и сохранила отъ полнаго уничтоженія остатки старой украинской культуры во время татарскаго нашествія; средоточіемъ умственной жизни страны стала она и въ концѣ XVI в., когда первая приняла на себя и отразила удары воинствующаго полонизма, подавая этимъ примѣръ остальнымъ украинскимъ землямъ; центромъ національно-культурнаго движенія суждено было сдѣлаться ей и въ XIX в., когда она дала пріютъ украинской литературѣ, принужденной искать болѣе надежнаго убѣжища и болѣе благопріятныхъ условій для своего развитія, чѣмъ тѣ, въ какія она была поставлена въ Россіи во второй половинѣ XIX ст.

Послѣднія десятилѣтія XIX и начало XX в. выдвинули Галичину на первый планъ въ культурно-національной жизни украинскаго народа. Невѣроятныя стѣсненія и преслѣдованія украинства въ Россіи (акты 1863, 1876 г.г. и др.) передвинули центръ движенія во Львовъ, и до 1905 г. украинскіе дѣятели и писатели изъ Россіи именно на галицкой почвѣ и въ галицкихъ изданіяхъ находятъ пріютъ и пристанище, которыхъ были лишены у себя на родинѣ.

Но въ промежуткахъ между указанными сейчасъ героическими моментами своей исторіи она и сама пережила вѣка упадка, изъ котораго возродилась только въ теченіе послѣ-

дняго столѣтія, да и то не сразу, а основательно переболѣвъ тѣми дѣтскими болѣзнями, которыя свойственны всякому неокрѣпшему организму на первыхъ порахъ его развитія. Главной силой, которая возбуждала Галичину къ ея исторической миссіи, всегда было сознаніе своей кровной и непрерываемой связи съ Украиной; украинскія вліянія не только послужили здѣсь первымъ толчкомъ къ національному возрожденію, но они же, въ связи съ активной поддержкой украинцевъ, и сохранили за Галичиной ту первенствующую роль въ культурно-національномъ возрожденіи всего украинскаго народа, которая ей принадлежала вплоть до послѣдняго времени.

Выдвинутая далеко на крайній западъ, Галичина долѣе всѣхъ остальныхъ украинскихъ земель жила въ тѣсной политической и культурной связи съ Польшей. Подъ именемъ воеводства Русскаго она была присоединена къ послѣдней еще въ XIV в. и съ того времени вплоть до перваго раздѣла Польши въ 1772 г. непрерывно пребывала въ составѣ земель польской короны. Такая продолжительная зависимость отъ чужой государственной системы самымъ плачевнымъ образомъ отразилась на національномъ состояніи Галичины. Она теряла постепенно свои высшіе классы, переходившіе къ господствующей національности; вѣрнымъ своему исконному національному характеру оставался лишь простой народъ, къ тому же болѣе, чѣмъ въ другихъ украинскихъ земляхъ, угнетенный здѣсь польскими порядками съ ихъ шляхетскимъ своеволіемъ, экономической эксплуатаціей и пренебреженіемъ къ личности «хлопа». Даже великія народныя движенія XVII в., какъ Хмельнитчина и другія, мало коснулись Галичины, и по освобожденіи Украины отъ шляхетско-польской неволи, эта область осталась въ прежнемъ незавидномъ положеніи. Когда въ 1772 г. она перешла, наконецъ, подъ власть Австріи, то былая духовная мощь ея, казалось, исчерпала себя до конца, и здѣсь уже нечего было искать даже слабыхъ слѣдовъ сознательной національной жизни, даже намековъ на прежнюю кипучую дѣятельность. Украинцами, «народомъ руськимъ», признавало себя лишь закрѣпощенное крестьянство; все, что возвышалось соціально надъ темной массой—шляхетство, отчасти мѣщанство, даже духовенство—считало себя польскимъ, тянулось къ польской культурѣ, старалось принимать польскія формы жизни, говорило по-польски. Литературные

интересы упали здѣсь значительно по сравненію съ остальными украинскими землями; свѣточъ просвѣщенія погасъ совершенно. До какихъ предѣловъ дошло это паденіе, видно изъ того, что луцкіе и холмскіе епископы заполняли спеціально кадры галицкаго духовенства такъ называемыми «луцаками», т. е. совершенными невѣждами, едва умѣющими читать по-печатному, «сотый іерей едва славянскій сразумѣетъ языкъ», краснорѣчиво жалуются современники, видѣвшіе лучшіе дни. Вполнѣ естественно, что подобные пастыри въ культурномъ отношеніи стояли не выше своей паствы. Если къ этому добавимъ, что кромѣ того они также обязаны были исполнять барщинныя повинности на помѣщиковъ, то получимъ полную характеристику того единственнаго «культурнаго» слоя, которымъ располагала въ то время Галичина. Естественно, что полною безнадежностью вѣетъ со страницъ документовъ того безпросвѣтнаго времени, и только по присоединеніи край къ Австріи намѣчаются нѣкоторыя перемѣны къ лучшему.

Австрійское правительство, желая ослабить силу и значеніе въ краѣ сепаратистически настроеннаго польско-шляхетскаго элемента, выступило, въ собственныхъ интересахъ, конечно, съ рядомъ соціальныхъ реформъ, а также мѣропріятій культурнаго значенія. Прежде всего оно озаботилось ограничить власть помѣщиковъ надъ крестьянами и ослабить крѣпостную зависимость послѣднихъ (1781—1789 г.г.); одновременно предпринимаются шаги для поднятія образованія среди уніатскаго духовенства и интеллигенціи. Въ Вѣнской уніатской семинаріи, такъ называемой «Barbaraeum», предоставлено было нѣсколько мѣстъ уроженцамъ Галичины; въ 1783 г. во Львовѣ основывается духовная семинарія, въ слѣдующемъ году университетъ, въ которомъ съ 1787 г. вводится преподаваніе на «русскомъ» языкѣ *). Послѣднее обстоятельство вначалѣ встрѣчено было мѣстнымъ обществомъ съ большимъ энтузіазмомъ и надеждами. «День первый мѣсяца листопада (т. е. ноября) 1787 г. есть и будетъ всегда памятнымъ въ житію народномъ каждого галицкого Русина,—писалъ одинъ изъ современниковъ.—Въ тотъ бо день осуществилося найвысшое рѣшеніе: на любомудрію (т. е. на философскомъ факультетѣ) и богословію отозвалися учители народно-церковно-рускимъ языкомъ... Се было истин-

*) Напоминаемъ, что слово „руський" въ Галичинѣ употребляется въ значеніи „малорусскій" или украинскій.

нымъ восхищеніемъ слухати, якъ молодыи таланты свое быстроуміе въ политическихъ упражненіяхъ на своемъ родимомъ языцѣ изъясняли и якъ превосходно въ такъ многоважномъ дѣлѣ поступали». «Поступали» они, впрочемъ, такъ, что въ 1808 г. преподаваніе на «рускомъ» языцѣ было отмѣнено по иниціативѣ самихъ же «быстроумныхъ политиковъ». Темные, денаціонализированные, одурманенные мертвой церковно-славянщиной, русины не сумѣли использовать для національнаго возрожденія такое могучее орудіе, какъ университетское преподаваніе. Для нихъ гораздо большее значеніе имѣло то обстоятельство, что прослушавшій курсъ «на своемъ родимомъ языцѣ» не могъ разсчитывать на повышенное жалованье и болѣе быструю карьеру, — и энтузіазмъ очень скоро испарился безъ остатка. Къ тому же и языкъ преподаванія вовсе не былъ народнымъ, хотя его не безъ гордости называли «народно-рускимъ» (т. е. украинскимъ) или даже «россійскимъ». Это было въ сущности ужасающее «язычіе», макаронническая смѣсь мертвой церковно-славянщины съ живыми элементами народной рѣчи и чужими, польскими и великорусскими, примѣсями, тотъ «словено-русскій языкъ», который господствовалъ въ школахъ и литературѣ на Украинѣ въ XVIII ст. Народную стихію, которая въ лицѣ Котляревскаго уже побѣдила въ то время на Украинѣ, галицкіе ученые вполнѣ сознательно ограничиваютъ, сводя ее до самыхъ скромныхъ размѣровъ; дѣленіе на «высокій» и «подлый» стиль господствуетъ еще всецѣло. Если кто-либо изъ «молодыхъ талантовъ» и обмолвится иногда «простымъ выраженіемъ», то не упуститъ случая при этомъ просить извиненіе у «благосклоннаго читателя»—«да не почудится простымъ иногда выраженіемъ» (Лодій) или «сего да не кто отъ иностранныхъ мнѣ во зло вмѣняетъ» (Захаріясевичъ). Вполнѣ естественно, что подобная мертвая по формѣ и по духу наука не могла поддерживать энтузіазма, не могла воспитывать, и, какъ уже сказано, вскорѣ сами русины обращаются съ ходатайствами о замѣнѣ «родимаго» языка преподаванія польскимъ. Вѣдь священникамъ съ польскими дипломами было положено на 150 гульденовъ больше жалованья, и за эту цѣну реальные политики продали и преподаваніе на «народно-церковно-рускомъ языцѣ», и свой высокій патріотизмъ.

Послѣ этого поучительнаго опыта Галичина на нѣкоторое время почти вовсе замираетъ въ національномъ смыслѣ.

Денаціонализація среди русинъ идетъ быстрыми шагами, такъ что не рѣдко встрѣчались священники, не умѣющіе объясниться со своей паствой на понятномъ послѣдней языкѣ и даже церковно-служебныя книги переписывавшіе латинскими буквами. Для подобныхъ «патріотовъ» и въ позднѣйшее время, уже въ 30-хъ годахъ XIX ст., приходилось издавать особые словари, въ которыхъ церковно-славянскія слова пояснялись по-польски. Благожелательное вначалѣ отношеніе къ русинамъ нѣмецкаго правительства также рѣзко измѣнилось въ противную сторону. Успокоившись насчетъ польскаго сепаратизма, правительство перестало заботиться и о противовѣсѣ ему въ лицѣ украинскаго населенія. Кромѣ того, въ Вѣнѣ не въ состояніи были даже разобраться основательно, какихъ это русиновъ или «рутенъ» послала Австріи благодѣтельная судьба послѣ раздѣла Польши: есть ли это дѣйствительно отдѣльный народъ или же только часть польскаго или, что еще хуже съ точки зрѣнія нѣмецкаго правительства, разновидность народа великорусскаго. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, первыя три десятилѣтія XIX в., когда на Украинѣ заложены были крѣпкія основы истинно-народной литературы, для Галичины, наоборотъ, прошли совершенно непроизводительно. Народъ по прежнему изнемогалъ въ крѣпостномъ игѣ, а интеллигенція, представляемая исключительно духовенствомъ, говорила по-польски и съ «подлымъ народомъ» ничего общаго, кромѣ вѣры, имѣть не желала. Изданія того времени почти сплошь состояли изъ церковныхъ книгъ и букварей; если къ нимъ прибавить еще нѣсколько высокопарныхъ одъ и панегириковъ по адресу высокопоставленныхъ лицъ, то можно исчерпать всю «литературу» того времени. Хотя просвѣщенные авторы часто снабжали свои произведенія этикеткой: «писано на малорусскомъ языкѣ», но на самомъ дѣлѣ языкъ и стихъ напоминали скорѣе о Симеонѣ Полоцкомъ и Ломоносовѣ, чѣмъ объ украинскихъ писателяхъ новѣйшаго времени. Самая литературная продукція отличалась невѣроятной скудостью. Такъ, напр., за 18 лѣтъ, 1796—1814 г.г., въ Галичинѣ вышло всего... *четыре* изданія «въ рускомъ языцѣ!» Это одно уже показываетъ, насколько слабы были литературные интересы среди галицкаго общества и насколько далеко оно отстояло отъ какого бы то ни было культурнаго движенія. И только рѣдкими проблесками среди сплошной тьмы являются мѣропріятія, направленныя къ поднятію

образовательнаго и культурнаго уровня украинскаго народа въ Галичинѣ.

Къ такимъ проблескамъ слѣдуетъ отнесть попытку перемышльскаго кружка, группировавшагося возлѣ еп. Снѣгурскаго и Могильницкаго, основать просвѣтительное общество, но и эта единственная попытка окончилась полной неудачей. Около того же времени возникаютъ довольно оживленные споры по вопросу, на какомъ языкѣ слѣдуетъ вести преподаваніе въ народныхъ школахъ. Мѣстная администрація стояла за польскій языкъ, «дабы не возбуждать сепаратизма между жителями одной мѣстности»; предлагалось даже церковныя книги печатать польскимъ шрифтомъ, ибо «не слѣдуетъ ради мужиковъ умножать нарѣчія и правописанія». Хотя въ Вѣнѣ и не согласились съ такимъ чрезъ-чуръ упрощеннымъ взглядомъ и разрѣшили пользоваться въ преподаваніи народнымъ языкомъ, но это разрѣшеніе осталось лишь на бумагѣ,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока сами русины не пришли къ соглашенію, что собственно слѣдовало понимать подъ народнымъ языкомъ. Въ рѣдкихъ литературныхъ опытахъ того времени употреблялся большею частью нѣмецкій или польскій языкъ, а если изрѣдка кто-либо и обращался къ «рускому», то получалось нѣчто до такой степени уродливое, ни на какомъ живомъ языкѣ невозможное, что приходилось лишь сожалѣть о напрасныхъ потугахъ автора. Напр., въ 1822 г. Іосифъ Левицкій издалъ переводъ съ нѣмецкаго—«Домоболіе (такъ передано слово Heimweh!) проклятыхъ», снабженный слѣдующимъ посвященіемъ «учащемуся младенчеству (sic!) народа славено-русскаго».

Пускай вездѣ писать искусство совершенно,
Ты знаешь, что языкъ нашъ лучше несравненно.
Не собранъ изъ другихъ, онъ древній, коренной,
Исполненъ всѣхъ красотъ, богатый самъ собой;
Въ немъ птичьихъ посвистовъ, протяжныхъ нѣтъ напѣвовъ,
Ни звуковъ немилыхъ, ни дикихъ уху ревовъ,
Какіе слышатся въ чужихъ языкахъ намъ,
Затѣмъ, что нашъ языкъ отъ нихъ свободенъ самъ.

Вопреки этому наивному хвастовству, языкъ самого автора исполненъ такихъ перловъ, что передъ ними даже пресловутое

«домоболіе» можетъ считаться верхомъ изящества. Вотъ отрывокъ изъ этого классическаго по своему безобразію перевода:

Чую съ далекихъ ликовъ
Бреньканье и пѣвчиковъ!
Могбысь я тамъ вопхати,
Бога вразъ посѣщати,
Могбы и взлетѣти,
На самъ верхъ вступити.
Но мене держитъ при днѣ
Тяжесть, что лежитъ при мнѣ.
Какъ поделухую,
Же шепчутъ чую
Чорныя души
Менѣ во уши,
Молчи глухій дуракъ!
Молчи нѣмой глупакъ!

Такимъ, поистинѣ «исполненнымъ всѣхъ красотъ», языкомъ и долго еще спустя писали въ Галичинѣ люди, съ головой ушедшіе въ XVII столѣтіе и языкомъ, и литературной манерой, и идеями. Вотъ еще одно произведеніе «въ малорусскомъ (!) языку изображеннымъ»:

Ахъ для Бога! ктожъ бы си не содрагалъ,
Да тутъ съ ужасомъ все пропадаетъ;
И ктожъ, уважаючи то, не дрожалъ,
Аще видитъ, якъ все исчезаетъ.
Здѣсь буграми изъ льда наношенны
Горы; тамъ изъ каменевъ могилы;
Въ той то странѣ холмы возвышенны;
Волны тимже града жизнь покрыли.

Не излишне будетъ, конечно, пояснить, что въ приведенномъ отрывкѣ рѣчь идетъ... о наводненіи, или, говоря словами самого автора, это есть «Возарѣніе Страшилища въ Пестѣ и Будѣ наступшаго мѣсяцемъ Мартомъ 1838 года во время разлитія Дуная Сумсономъ Ѳеофил. Лисенецкимъ Галиціаниномъ... въ Мало-Русскомъ языку изображенное». Неудивительно, что это и по-

добныя «страшилища» дѣйствительно въ ужасъ повергли даже такого умѣреннаго, но обладавшаго не испорченнымъ чутьемъ языка, украинца, какъ Максимовичъ, и послѣдній, съ несвойственной ему рѣзкостью, оцѣнилъ эти стихотворныя нелѣпости. «Желая Лисенецкому и всѣмъ товарищамъ его всевозможныхъ успѣховъ на поприщѣ стихотворномъ,—такъ писалъ Максимовичъ въ своемъ «Кіевлянинѣ»,—мы замѣтимъ одно: зачѣмъ на его «Воззрѣніи» надписано, будто оно изображено языкомъ Малорусскимъ? Ни одинъ Малороссіянинъ не назоветъ этого языка своимъ, да это и не Великорусскій и не Бѣлорусскій языкъ: это и с к у с с т в е н н о е Словенорусское словосочиненіе, которымъ лѣтъ за сто писали наши русскіе стихотворцы, и оттого ихъ произведенія состарились преждевременно». Показавъ разницу въ языкѣ безсмертныхъ образцовъ народной пѣсни и ничтожнаго искусственнаго «словосочиненія» старой письменности, отмѣтивъ затѣмъ поворотъ къ народности въ русской литературѣ, Максимовичъ въ заключеніе даетъ совѣтъ галицкимъ земякамъ черпать уроки изъ опыта исторіи и настоящаго. «Вѣковой опытъ нашего Русскаго стихотворства долженъ послужить въ урокъ для писателей Червонорусскихъ. Пусть они избѣгаютъ искусственнаго словосочиненія и стихосложенія! Ж и в а я л и т е р а т у р а у н и х ъ м о ж е т ъ п р о ц в ѣ с т и т о л ь к о н а и х ъ н а р о д н о м ъ, ж и в о м ъ я з ы к ѣ: пусть они изучаютъ его въ народныхъ пословицахъ, поговоркахъ, сказкахъ и еще болѣе въ пѣсняхъ Малороссійскихъ, особенно Украинскихъ, гдѣ народное выраженіе процвѣло съ наибольшею силою и красотою. Тѣмъ болѣе это прилично Червонорусской музѣ, которая возрождается въ средоточіи Словенскаго міра, и въ ту именно пору, когда почти всѣ Словены сознали цѣну своей народности и такъ горячо за нее ухватились». Эти мѣткія слова Максимовича кстати припомнить даже въ настоящее время по адресу того литературно-общественнаго направленія въ Галичинѣ, которое называетъ себя «русскимъ» (или старорусскимъ), разумѣя это названіе въ смыслѣ отказа отъ родного народа или, другими словами, національнаго дезертирства въ сторону сильнѣйшаго. До XX ст. донесли представители этого направленія бурсацкое содержаніе и «славенорусское словосочиненіе», этотъ ужасный, лишь по недоразумѣнію называемый русскимъ, языкъ въ своихъ литературныхъ «страшилищахъ», поставивъ себя этимъ, какъ писателей, за предѣлами всякой

Игра дѣтей-гуцуловъ „Гагілки". Картина И. Труша.

живой литературы. Ихъ произведеній не можетъ принять ни украинская литература, отъ которой они сознательно себя отграничили, ни даже русская, къ которой они, несмотря на все желаніе, не сумѣли приблизиться, такъ какъ не усвоили ни ея духа и ни требованій, ни даже формы и языка. «Старорусскіе» писатели, можно сказать, закоченѣли на старыхъ, давно изжитыхъ формахъ и остались за предѣлами какого бы то ни было развитія. Выходцы изъ далекаго и чуждаго всѣмъ прошлаго, они служатъ воплощеннымъ напоминаніемъ о томъ, какъ мститъ живая жизнь за пренебреженіе къ ея требованіямъ, за отказъ идти въ ногу съ современностью.

Къ счастью, литературно-общественное развитіе въ Галичинѣ не остановилось на этихъ окаменѣлостяхъ. Уже въ то время, когда Максимовичъ обращался со своими совѣтами къ закордоннымъ землякамъ, среди послѣднихъ возникло движеніе, положившее въ основу именно тѣ идеи, которыя вездѣ служили зарожденію народной литературы и національному возрожденію. Подъ вліяніемъ европейскаго романтизма и основаннаго на немъ возрожденія славянскихъ народовъ, съ одной стороны, и успѣшно развивавшейся въ Россіи украинской литературы съ другой—среди галицкой молодежи намѣчается рѣзкій поворотъ къ народу, возникаетъ интересъ къ его жизни, языку и духовному творчеству—и одновременно съ этимъ появляются и первыя попытки писать для народа его роднымъ языкомъ. Впервые это движеніе проявило себя въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ дѣятельности Маркіана Шашкевича и сгруппировавшагося вокругъ него кружка молодежи.

Маркіанъ Шашкевичъ.

Шашкевичъ еще на школьной скамьѣ заинтересовался идеями славянскаго возрожденія, почерпнутыми изъ произведеній такихъ «апостоловъ славянства», какъ Добровскій, Шафарикъ,

Караджичъ, Копитаръ и др. Произведенія же украинскихъ писателей, какъ Котляревскій, и изданія украинскихъ народныхъ пѣсенъ (Максимовича и Залѣсскаго) направили этотъ интересъ на реальную почву дѣятельности для своего народа. Сокровища народной поэзіи и удачныя попытки возрожденія украинской литературы открыли новый путь предъ Шашкевичемъ, и онъ порываетъ съ «высокимъ стилемъ» своихъ предшественниковъ, обращаясь къ народному языку. Во львовской духовной семинаріи, гдѣ учился Шашкевичъ, подъ его вліяніемъ возникаетъ кружокъ такихъ же поборниковъ національнаго возрожденія; кромѣ самого Шашкевича, въ этомъ кружкѣ особенно выдѣлялись Иванъ Вагилевичъ и Яковъ Головацкій, и эта «руська тройця», какъ называли ихъ товарищи, становится во главѣ національнаго возрожденія галицкихъ украинцевъ. Литературнымъ, а отчасти и общественнымъ манифестомъ кружка было слѣдующее стихотвореніе Шашкевича:

Руська мати нас родила,
Руська мати нас повила,
Руська мати нас любила,—
Чому ж мова ей не мила?
Чом ся нев стидати маем?
Чом чужую полюбляем?

(Мать-украинка родила насъ, мать-украинка насъ питала, мать-украинка насъ любила,—но почему же языкъ ея не милъ намъ, почему мы должны гнушаться имъ и любить чужой?). Этотъ колючій, по галицкимъ понятіямъ, вопросъ звучалъ прямымъ вызовомъ, и дѣйствительно подъ градомъ подозрѣній, враждебныхъ дѣйствій, цензурныхъ и административныхъ репрессій пришлось молодымъ энтузіастамъ начать свою работу національнаго возрожденія.

Въ 1833 г. Шашкевичъ съ товарищами составляетъ первый сборникъ стихотвореній на украинскомъ языкѣ, — «Син Русі», проникнутый бодрымъ взглядомъ на будущее родного народа. Благодаря цензурнымъ противодѣйствіямъ, сборникъ не увидѣлъ свѣта, и Шашкевичъ обратился къ другому средству—публичной манифестаціи своихъ взглядовъ: онъ условился съ товарищами произносить проповѣди съ церковной каѳедры исключительно по-украински. Въ 1835 г. появляется уже и первое печатное про-

изведеніе Шашкевича—«Голос Галичан», принадлежавшее къ категоріи столь модныхъ тогда въ Галичинѣ одъ по поводу какого-то офиціальнаго торжества. Но даже ординарному произведенію живой народный языкъ сообщилъ исключительный интересъ и вызвалъ оживленные и сочувственные отзывы въ обществѣ. Ободренный этимъ, Шашкевичъ задумываетъ издавать журналъ, а пока составляетъ изъ произведеній народной поэзіи, стихотвореній и статей своихъ и товарищей сборникъ «Зоря». Сборникъ

Русинки Юго-Восточной Галиціи.

опять-таки погибъ въ цензурѣ, доставивъ много огорченій и непріятностей составителямъ, которыхъ подвергли обыску и пригрозили исключеніемъ изъ семинаріи. Тѣмъ не менѣе, хотя и подъ другимъ заглавіемъ («Русалка Днiстровая») и въ другомъ мѣстѣ (Будапештѣ), сборникъ все же появился въ печати въ 1837 г., вызвавъ бурю негодованія среди старовѣрческихъ и офиціальныхъ круговъ, и встрѣтивъ восторженный пріемъ среди людей новаго направленія. По настоянію оскорбленной въ лучшихъ своихъ чувствахъ львовской цензуры, невинная по содержанію книга была конфискована, какъ только появилась во Львовѣ, противъ издателей возбуждено преслѣдованіе, усилились цензурныя строгости. Офиціальный взглядъ на предпріятіе издателей «Русалки»

очень ярко выраженъ въ характерномъ отзывѣ львовскаго директора полиціи: «Достаточно у насъ хлопотъ и съ одной національностью (польской), а эти сумасшедшіе хотятъ поднять изъ гроба еще мертвую украинскую (ruthenische) національность». Часть галицкаго общества также непріязненно отнеслась къ попыткѣ литературной разработки народной рѣчи, не допуская и мысли о томъ, что можно писать «хохольскимъ, хлопскимъ» языкомъ.

Тѣмъ не менѣе дѣло было сдѣлано, ледъ равнодушія сломанъ. «Суждено намъ быть послѣдними» въ дѣлѣ возрожденія,—писалъ

Молодые гуцулъ и гуцулка.

Шашкевичъ въ предисловіи къ «Русалкѣ», тѣмъ не менѣе онъ вѣрилъ, что и пришедшіе послѣдними займутъ подобающее имъ мѣсто въ развитіи славянскихъ народовъ, что Галичина въ тѣсномъ единеніи съ Украиной выйдетъ на настоящую дорогу и путемъ литературнаго возрожденія примкнетъ къ культурному движенію новаго времени. И дѣйствительно, юношескій сборникъ Шашкевича явился первой ласточкой національной весны въ Галичинѣ, а Шашкевичъ первымъ дѣятелемъ той новой литературы, которая несла надежду воскресенія умершей было части украинскаго народа. Демократическія идеи Шашкевича сдѣлались путеводной звѣздой для его земляковъ, и все лучшее въ Галичинѣ появилось на пути, указанномъ дѣятельностью этого благороднаго энтузіаста, горѣвшаго неугасаемымъ пламенемъ любви къ родному народу. Незаурядный лирическій поэтъ, онъ посвятилъ свою недолгую жизнь труду чернорабочаго, неутомимо

работая до самой своей смерти въ области популярной и педагогической литературы («Читанка»), надъ переводомъ евангелія на украинскій языкъ и т. п. Несмотря на преслѣдованія, свою возвышенную вѣру и свой благородный идеализмъ Шашкевичъ сохранилъ до конца жизни, являя собой привлекательный примѣръ идейной стойкости и выдержки, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о его товарищахъ.

Дѣятельность Шашкевича была первымъ лучомъ свѣта въ мрачной обстановкѣ Меттерниховской реакціонной системы и спеціально галицкаго обскурантизма. И темная рать напрягла всѣ свои силы, чтобы уничтожить плоды дѣятельности возродителей Галичины. Конецъ 30-хъ и первая половина 40-хъ годовъ въ Галичинѣ протекали подъ знакомъ сгущенной реакціи; находившаяся въ рукахъ высшаго галицкаго духовенства цензура свирѣпствовала во всю. Запрещались научныя сочиненія, трактующія украинскія темы, запрещались молитвенники, запрещалась перепечатка украинскихъ авторовъ («Маруся» Квітки-Основяненка), запрещенъ былъ даже переводъ австрійскаго гимна... Галицкая цензура соперничала съ русской цензурой Николаевскихъ временъ, и еще вопросъ, какой изъ нихъ нужно отдать пальму первенства. Анекдотами изъ области цензурной практики того времени и подвигами, которые хуже анекдотовъ, можно бы наполнить толстые томы. Напр., въ 1839 г. по приказанію митрополита Левицкаго была конфискована ода Могильницкаго «Радостное привитаніе» (привѣтствіе) эрц-герцогу Францу-Карлу на томъ основаніи, что «какъ можно такимъ простымъ языкомъ привѣтствовать такую высокую особу». Повѣсть Квитки «Маруся» постигло запрещеніе за «правописаніе та украинскіи слова, намъ непонятни» и т. д., и т. д. Такими мѣрами имѣлось въ виду терроризировать представителей молодого направленія и парализовать ихъ стремленіе къ національному возрожденію. И на первыхъ порахъ этого, какъ будто, удалось достигнуть.

Но реакція не удержалась долго. Волна революціи 1848 г. смыла и ея вдохновителя Меттерниха, и всѣ плоды его политики. «Весна народовъ», наступившая въ Австріи, принесла облегченіе и для украинскаго народа—прежде всего уничтоженіе крѣпостного права, отмѣну цензуры и конституціонныя свободы, которыми русины не замедлили воспользоваться для своихъ національныхъ цѣлей. Въ 1848 г. образовалась въ Львовѣ «Головна Рада

руска», центральный политическій органъ всего національнаго движенія, обратившаяся къ народу съ манифестомъ, часть котораго приводимъ здѣсь въ переводѣ. «Мы, русины галицкіе, принадлежимъ къ великому народу украинскому («руському», т. е. малорусскому), говорящему однимъ языкомъ и насчитывающему 15 милліоновъ, изъ которыхъ $2^1/_2$ милліона обитаетъ въ галицкой землѣ. Этотъ народъ нѣкогда былъ независимъ, не уступалъ въ славѣ самымъ богатымъ народамъ Европы, имѣлъ свою письменность, свои учрежденія, своихъ князей,—однимъ словомъ, благоденствовалъ среди богатства и могущества... Вставайте же, братья, пробудитесь отъ долгаго сна,—настала пора! Встаньте, но не для раздоровъ и распри, а въ единодушіи и согласіи двинемся, чтобы возродить нашу народность и обезпечить данныя намъ свободы». Въ томъ же году во Львовѣ созванъ былъ «Собор руских ученых» (съѣздъ представителей литературы и науки), чтобы организовать научную и литературную работу. На съѣздѣ рѣшено основать, по образцу другихъ славянскихъ народовъ, «Галицко-руску Матицю», научно-просвѣтительное учрежденіе для распространенія просвѣщенія среди народа и интеллигенціи. Тамъ же было признано необходимымъ ввести преподаваніе на родномъ языкѣ въ гимназіяхъ и львовскомъ университетѣ, при чемъ послѣднее было и осуществлено въ видѣ нѣсколькихъ каѳедръ при львовскомъ университетѣ. Появляются затѣмъ первыя на украинскомъ языкѣ періодическія изданія, какъ «Зори галицька» и др. Во Львовѣ основанъ Народный Домъ, явившійся средоточіемъ всѣхъ національныхъ учрежденій, дѣйствующихъ среди русинъ.

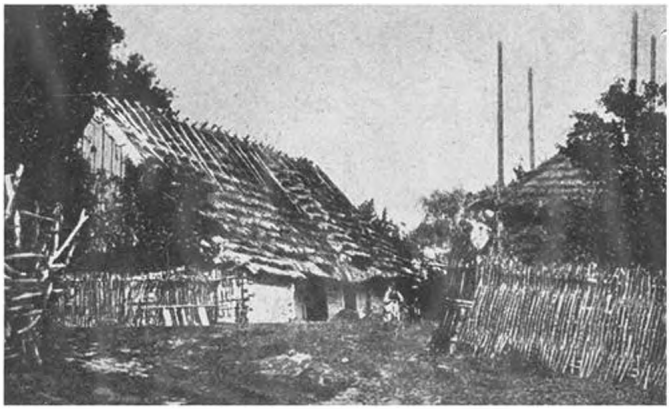
Таковы были тѣ реальныя пріобрѣтенія, которыя принесъ галицкимъ украинцамъ обновленный строй въ Австріи. Излишне говорить, что пріобрѣтенія эти были очень скромны и не соотвѣтствовали тѣмъ повышеннымъ надеждамъ, которыя питало галицкое общество въ отношеніи новаго курса. Непривычное къ политической дѣятельности, представлявшее, въ сущности, одинъ и притомъ консервативный классъ—духовенство, это общество не сумѣло добиться полной экономической, соціальной и національной эмансипаціи украинскаго народа и на все движеніе наложило сильный клерикальный налетъ, сказавшійся весьма вредными послѣдствіями въ дальнѣйшемъ. Русины возлагали свои надежды, главнымъ образомъ, на австрійское правительство, на

его благожелательное отношеніе къ «вѣрнымъ тирольцамъ востока», противопоставленнымъ мятежному польскому элементу, и, конечно, скоро должны были разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Правительственная и общественная реакція 50-хъ годовъ и одновременное усиленіе вліянія высшихъ польскихъ круговъ плачевно отразились на украинскомъ населеніи Галичины. Обѣщанія были забыты, крѣпостная реформа проведена въ интересахъ владѣльческаго польскаго класса и въ ущербъ украинскому крестьянству; надежды на быстрый культурный подъемъ и ростъ общественныхъ силъ постепенно увяли... Все это способствовало тому, что болѣе сильный и приспособленный къ государственнымъ формамъ польскій элементъ постепенно захватывалъ власть въ краѣ въ свои руки. Среди русинъ начинается опять мертвящая апатія и то мелочное крохоборство, которое всегда отмѣчаетъ собою эпохи упадка. Ведутся нескончаемые споры о языкѣ, правописаніи, шрифтѣ, о церковномъ обрядѣ. Какъ отраженіе этого застоя и мертвечины, какъ результатъ оторванности интеллигенціи отъ народныхъ массъ, появляется новая въ Галичинѣ теорія о единствѣ всего «русскаго народа», приводящая къ надеждамъ на помощь теперь уже русскаго правительства; обозначается стремленіе навязать массамъ чужой, великорусскій или даже церковно-славянскій, языкъ,—т. е. рѣшительный поворотъ къ тому же «словесно-русскому словосочиненію», образцы котораго, осужденные Максимовичемъ, мы видѣли выше. Литература того времени, болѣе численная по сравненію съ 30-ми и 40-ми годами, обнаруживаетъ такой упадокъ вкуса и такую схоластическую мертвечину, параллелей къ которымъ трудно было бы искать у другихъ народовъ. Ни одного свѣжаго таланта, ни одного замѣтнаго имени она намъ не оставила. Даже больше—не избѣжали мертвящихъ вліяній и сподвижники Шашкевича, и напр. Головацкій становится центральной фигурой галицкаго мракобѣсія въ 50-хъ годахъ. Литературные и общественные взгляды этого реакціоннаго поколѣнія лучше всего выражены въ слѣдующихъ словахъ историка Зубрицкаго, переносящихъ насъ въ глубокую тьму временъ. «Есть мрачные изступленники, или скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣни доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка (?), употреблявшіе чуждое нарѣчіе (?), прислушавшіеся только простонародному разговору своихъ слугъ и работниковъ и желавшіе теперь, чтобы мы писали

свою Исторію на областномъ нарѣчіи Галичской черни. Странное и смѣшное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтыря». Съ такими взглядами нечего было и думать, конечно, о плодотворной литературной и общественной дѣятельности на пользу широкихъ массъ. И дѣйствительно, въ литературѣ, одинаково въ Галичинѣ и въ сосѣднихъ Буковинѣ и Угорщинѣ, господствовалъ «прарусскій» или «панрусскій», никому непонятный и всѣмъ чужой языкъ, не только не оплодотворявшій мысли, но гасившій ее; темы своимъ содержаніемъ также соотвѣтствовали этому мертвящему направленію, вращаясь исключительно въ сферѣ прославленія абстрактной Руси и посрамленія реальной «черни». «Прославленные» въ своемъ углу писатели, эти кружковыя «знаменитости, равные Байрону и Мицкевичу», всѣ эти Зубрицкіе и Петрушевичи, Могильницкіе и Дѣдицкіе, Проданы и Ферлеевичи, Кралицкіе и Духновичи—всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ усиливались «двигати языкъ изъ порока сельской грубости», дыша полнымъ презрѣніемъ къ «болтовнѣ какого-либо простолюдина, пасѣчника Грицка или пастуха Панька». И въ то же время эти высокомѣрные люди сами пресмыкались не только предъ дѣйствительной силой, но даже призракомъ ея. Вульгарное «москвофильство» убило естественную любовь къ своему родному, но и въ свою очередь было лишено малѣйшей способности къ развитію, и такимъ оно осталось въ Галичинѣ до настоящаго времени. Ибо обращалось оно не къ будущему, а къ прошлому, представляя такое антидемократическое и противообщественное явленіе, какого напрасно мы стали бы искать гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ.

Историческая Немезида не замедлила всею своею тяжестью обрушиться за это пренебреженіе къ живой дѣйствительности. Пока «азбучные герои» и «диктаторы грамматикальные» вели свои нескончаемые споры о языкѣ и обрядѣ, словахъ и буквахъ, пока «знаменитые» литераторы прославляли силу и могущество давно истлѣвшихъ и забытыхъ князей, пока «патріоты», «отцы народа» и «ревнители Руси» очищали и облагораживали языкъ для несуществовавшаго высшаго сословія—живой народъ, эта самая презираемая чернь, оказался кругомъ обобраннымъ, былъ лишенъ кормилицы-земли, остался безъ «лісів і пасовиськ»

(лѣсовъ и пастбищъ), запутанный въ тысячахъ аграрныхъ процессовъ, охваченный прижимистыми руками своихъ и чужихъ эксплуататоровъ. Обнищаніе народа было первымъ выразительнымъ отвѣтомъ на лишенное всякаго смысла и разума ренегатство этого своеобразнаго «образованнаго класса». Но и въ собственныхъ его начинаніяхъ культурное одичаніе и банкротство сказывались на каждомъ шагу. Культурно-просвѣтительныя учрежденія, какъ упомянутая «Матиця», не подавали никакихъ признаковъ жизни; «Народный Домъ» сдѣлался твердыней самаго



Хата бойковъ.

откровеннаго обскурантизма; пресса (реформированная «Зоря галицкая», «Галичо-русскій Вѣстникъ», «Новины», «Пчола», «Лада», «Семейнай библіотека» и др.) въ лучшемъ случаѣ влачили болѣе чѣмъ жалкое существованіе, наполняясь никому ненужными «стишками» и «повѣстками», и обыкновенно прекращались на одномъ изъ первыхъ номеровъ. Полонизація проникала даже въ среду самихъ «ревнителей Руси», производя тамъ настоящее національное опустошеніе. Это и понятно, если принять во вниманіе, что роднымъ языкомъ они гнушались, какъ языкомъ черни, русскаго не знали,—оставался, слѣдовательно, польскій языкъ, какъ единственно доступный имъ живой языкъ вожделѣннаго «образованнаго класса». Вслѣдствіе этого москвофильскіе круги систематически оставались безъ молодежи, такъ какъ все живое

въ Галичинѣ шло путемъ Шашкевича, карьеристы же полонизировались и растворялись безъ остатка въ польской культурѣ, образуя кадры тѣхъ покладистыхъ gente Rutheni, natione Poloni, которые сдѣлались истиннымъ бичемъ для народа и притчей во языцѣхъ среди своихъ, сознательныхъ въ національномъ отношеніи, земляковъ.

Опустошеніе, произведенное москвофильствомъ въ Галичинѣ, встрѣчало слабое вначалѣ и все болѣе усиливавшееся впослѣд-

Развалины скита Манявскаго.

ствіи противодѣйствіе со стороны той части мѣстнаго общества, которая осталась вѣрной своему народу. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ, когда Австрія, послѣ неудачной войны съ Италіей, вернулась къ конституціонному образу правленія, вновь замѣчается оживленіе общественной жизни. Новыя вѣянія и на этотъ разъ пришли изъ Украины, откуда вмѣстѣ съ сочиненіями Шевченка, Марка Вовчка и Кулиша съ «Основой» занесены были и новыя идеи, и новыя формы литературнаго творчества. Молодежь зачитывалась огненными произведеніями музы Шевченка, и «Кобзарь» сдѣлался ея евангеліемъ. Даже нѣкоторыя лица изъ старшаго

поколѣнія подъ вліяніемъ всеобщаго оживленія возвращаются къ идеямъ молодости и—не надолго, впрочемъ—заражаются общимъ настроеніемъ—работать не для «образованнаго класса», а для народа. Появляется рядъ изданій—(«Вечерниці», «Мета», «Нива», «Русалка», наконецъ съ 1887 г. «Правда», привлекшая значительное число сотрудниковъ изъ Украины), основывается общество «Просвіта», обслуживаемое преимущественно молодежью. Событія послѣдующаго времени особенно содѣйствовали вліянію украинцевъ изъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ разслоенію галицкаго общества на два прямо противоположныя направленія.

Съ выступленіемъ Россіи на путь реакціи въ началѣ 60-хъ годовъ, положеніе украинства здѣсь сдѣлалось крайне тяжелымъ. Валуевскій циркуляръ 1863 г., воспретившій всю популярную литературу на украинскомъ языкѣ, впервые серьезно поставилъ предъ украинцами задачу—использовать для цѣлей своего національнаго возрожденія территорію Галичины, направляя сюда плоды національнаго творчества. Кулишъ и Конисскій, а впослѣдствіи Левицкій, Старицкій, Мирный и въ особенности Драгомановъ оказали сильное воздѣйствіе на галицкія отношенія, увеличивая, съ одной стороны, литературную продукцію и прививая новыя идеи народническаго демократизма, уже получившія право гражданства среди общественныхъ круговъ россійской Украины, а съ другой—производя дифференціацію среди самого галицкаго общества. Для украинцевъ изъ Россіи вопросъ о томъ, какъ писать,—еще со времени Котляревскаго былъ разрѣшенъ въ пользу народнаго языка, и перенеся свою дѣятельность въ Галичину, они самой практикой остро ставятъ ту же задачу—употребленія и всесторонней разработки народнаго языка въ литературѣ и общественности. Для поклонниковъ «высокаго стиля» и «словесно-рускаго языка» съ этого времени уже нѣтъ мѣста среди народныхъ дѣятелей Галичины. Имъ пришлось уже и формально обособиться, выступивъ въ 1866 г. (въ газетѣ «Слово», съ парламентской трибуны) съ теоріей единаго, отъ Карпатъ и до Камчатки, русскаго народа и съ проектами «въ одинъ часъ научитися малорусину по русски» (Дѣдицкій). Такимъ образомъ, съ 60-хъ годовъ, направленія, которыя до того шли рядомъ, часто переплетаясь между собой, съ этого времени уже радикально расходятся. Староруссы или «твердые» (москвофилы) идутъ вспять, теоретически возлагая надежды на Россію, а практически содѣй-

ствуя полонизаціи; молодые или народовцы, положивъ въ основаніе своей программы народныя особенности и національную индивидуальность украинскаго народа, развиваются, претерпѣваютъ довольно сложную эволюцію, постепенно расширяя свое вліяніе среди народныхъ массъ и занимая въ народной средѣ мѣсто руководителей въ національной и общественной борьбѣ. Національныя общества, какъ «Просвіта» и «Товариство імени Шевченка», становятся очагами культурной работы; органы народовцевъ, какъ «Правда», объединяютъ вокругъ себя всѣхъ украинскихъ писателей безъ различія государственной принадлежности. Цѣлый рядъ молодыхъ общественныхъ дѣятелей (Сушкевичъ, Романчукъ, Александръ и Владиміръ Барвинскіе и др.) посвящаютъ свои силы этой національной работѣ. И когда, такимъ образомъ, національныя основанія были заложены уже достаточно твердо, въ Галичинѣ возникаетъ сильное движеніе въ пользу демократизаціи всѣхъ пріобрѣтеній культуры новаго времени и подъема народныхъ массъ на степень сознательной націи. Сильный толчокъ въ этомъ направленіи былъ данъ уже въ 70-хъ годахъ опять-таки украинцемъ изъ Россіи, М. П. Драгомановымъ.

Владиміръ Барвинскій.
1850 † 1883 г.

Драгомановъ не только наносилъ безпощадные удары безпочвенному москофильству, но вмѣстѣ съ тѣмъ выступилъ съ критикой и того нѣсколько односторонняго, формальнаго націонализма, какимъ было проникнуто въ 60-хъ годахъ украинское движеніе въ Галичинѣ, подъ вліяніемъ борьбы съ москвофильствомъ. Въ основаніе всей культурно-національной и политической работы Драгомановъ положилъ реальныя нужды народа; демократизацію всего общественнаго строя онъ считалъ единственнымъ условіемъ развитія народныхъ массъ. Украинское движеніе, ярко представленное демократическими идеями Драгоманова, окончательно побѣждаетъ въ Галичинѣ какъ въ области литературы, такъ и въ общественно-политической дѣятельности. Поколѣніе 70-хъ годовъ первымъ примкнуло къ новому теченію и вскорѣ выдвинуло цѣлый рядъ выдающихся общественныхъ и литературныхъ

работниковъ, каковы Иванъ Франко, Михаилъ Павликъ, В. Навроцкій, Терлецкій и др. Громкіе политическіе процессы конца 70-хъ годовъ въ особенности популяризовали стремленіе молодежи и придали имъ ту политическую окраску, которая всегда такъ привлекательна для молодежи, а нѣсколько позже люди 70-хъ годовъ оказали сильное воздѣйствіе на всю общественную жизнь и отношенія въ Галичинѣ. Главнымъ литературнымъ выразителемъ и пѣвцомъ молодого направленія былъ упомянутый Иванъ Франко, необыкновенно плодовитая и разнообразная дѣятельность котораго имѣетъ непреходящее значеніе въ новѣйшей исторіи Галичины.

Съ появленіемъ на сцену поколѣнія 70-хъ годовъ окончательно падаютъ идейныя отличія галичанъ и украинцевъ. Національное движеніе по обѣимъ сторонамъ границы сливается въ одномъ демократическомъ теченіи, формы котораго, на основаніи федеративныхъ принциповъ Драгоманова, соединенными усиліями украинцевъ и галичанъ получили окончательную формулировку уже въ 90-хъ гг.

Владимиръ Навроцкій. 1847†1881 г.

80-е годы въ Галичинѣ проходятъ подъ знакомъ усиленія національнаго движенія и постепеннаго замиранія москвофильства. Національная работа переходитъ въ массы (многолюдныя «віча», т.-е. митинги начала 80-хъ годовъ), появляется ежедневная политическая пресса («Діло», основанное Вл. Барвинскимъ), значительно возрастаетъ журналистика («Зоря»), въ которой дѣятельнѣйшее участіе принадлежитъ украинцамъ изъ Россіи (Гринченко, О. Пчилка, Л. Украинка и др.). Конецъ 80-хъ годовъ ознаменовался новой политической группировкой общественныхъ силъ въ Галиціи, впервые нашедшей довольно сильные отголоски и на Украинѣ. Съ одной стороны изъ послѣдователей Драгоманова образуется новая партія, радикальная; съ другой—намѣчается попытка отмежеваться и въ политикѣ отъ скомпрометированнаго процессомъ Ольги Грабаръ, москвофильства и изолировать его въ политической жизни края. Нужно сказать, что эта попытка проведена была не совсѣмъ удачно—путемъ соглашенія народовцевъ

съ поляками («угода»),—въ силу этого соглашенія вожди народовцевъ за цѣну незначительныхъ національныхъ уступокъ отказывались отъ оппозиціонной тактики, чѣмъ, въ сущности, противъ собственной воли скрѣпляли польское господство въ краѣ. Отъ основъ соглашенія пришлось уже въ ближайшемъ будущемъ отказаться и вернуться на путь оппозиціи польскому большинству и непрерывной борьбы за равноправіе въ политической, культурной и экономической области. Зато чрезвычайно большое значеніе имѣло выступленіе на аренѣ политической жизни радикальной партіи, первой на галицкой почвѣ партіи въ европейскомъ значеніи этого слова. Эмансипировавшись отъ вліянія духовенства и клерикальныхъ переживаній, положивъ въ основаніе своей программы и тактики правильно понятые интересы народа и послѣднія достиженія европейской мысли, радикальная партія (органы ея: «Народ», «Хлібороб», «Житте і Слово») своей острой безпощадной критикой много способствовала проясненію отношеній и очищенію затхлой политической атмосферы въ Галичинѣ. Расцвѣтомъ ея дѣятельности была средина 90-хъ годовъ, когда партія произвела громадную работу по организаціи крестьянства и политическому перевоспитанію интеллигентныхъ слоевъ общества. Подъ вліяніемъ радикальной партіи вся вообще политика въ Галичинѣ отклоняется значительно влѣво, освобождаясь постепенно отъ традиціонныхъ на галицкой почвѣ наслоеній реакціоннаго москвофильства и клерикальныхъ вліяній духовной среды. Въ началѣ XX вѣка происходитъ еще одна перегруппировка, въ общихъ чертахъ сохранившаяся до настоящаго времени. Лѣвые элементы народовцевъ слились съ частью радикаловъ въ національно-демократическую партію (органы «Діло», «Свобода» и «Нове Слово»); лѣвые элементы радикаловъ послужили зародышемъ для образованія соціалъ-демократической партіи (органы:

Проф. М. П. Драгомановъ.

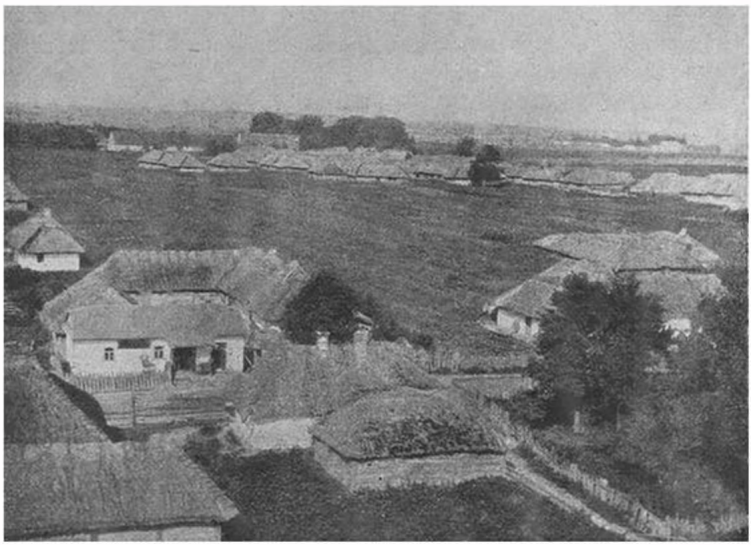
«Земля и Воля», «Вперед» и др.); ядро радикаловъ осталось при первоначальной программѣ (органъ «Громадський Голос»); правая часть народовцевъ образовала клерикально-правительственную группу, впослѣдствіи принявшую названіе «Христіанско-суспільного союза» (органъ—«Руслан»). Внѣ этихъ четырехъ украинскихъ партій остались москвофильскіе элементы, вскорѣ разбившіеся на два лагеря—старокурсники съ «Галичаниномъ» и новокурсники, новѣйшее созданіе гр. Бобринскаго, съ «Прикарпатскою Русью». Наиболѣе численной и вліятельной изъ всѣхъ указанныхъ партій является національно-демократическая, которая въ сущности и вела украинскую политику въ Австріи то вполнѣ самостоятельно, то вступая въ тѣ или иныя временныя соглашенія съ другими организаціями, кромѣ, разумѣется, москвофильской. Послѣдняя, несмотря на свой «истинно-русскій» характеръ, во внутреннихъ дѣлахъ предпочитала идти рука объ руку съ поляками, являясь прибѣжищемъ реакціи и обскурантизма.

М. Павлыкъ.

Общественная и политическая дифференціація украинскаго общества въ Галичинѣ повлекла за собой усиленіе организаціонной дѣятельности среди массъ и оживленіе чисто культурной работы. Въ началѣ 90-хъ годовъ реформируется «Товариство имени Шевченка» въ чисто научное общество, которое трудами главнымъ образомъ украинца изъ Россіи, проф. М. С. Грушевскаго, сумѣвшаго организовать научную работу, фактически превратилось въ украинскую академію наукъ. Масса изслѣдованій и матеріаловъ, которыми наполнены изданія «Науковаго Товариства», представляютъ весьма цѣнный вкладъ въ науку, достойнымъ образомъ уже оцѣненный въ ученомъ мірѣ. Въ связи съ успѣхами на поприщѣ научной дѣятельности стоитъ и борьба украинскаго общества за свой собственный разсадникъ научнаго знанія—украинскій университетъ. Еще въ 1848 г. при львовскомъ университетѣ были учреждены украинскія каѳедры языка и литературы, а также на богословскомъ факультетѣ—богословія, догматики, катехетики

и методики; въ 60-хъ годахъ къ нимъ присоединились еще двѣ каѳедры—уголовнаго права и гражданскаго процесса. Правительство въ 1848 г. опредѣленно заявляло, что нѣмецкое преподаваніе въ университетѣ будетъ имѣть лишь временный характеръ и что, по мѣрѣ образованія украинскихъ научныхъ силъ, нѣмецкій языкъ преподаванія въ университетѣ будетъ постепенно замѣняться украинскимъ. Обѣщанія эти не только не были исполнены, но съ 1871 г. началась фактическая полонизація львовскаго университета, хотя онъ продолжаетъ считаться утраквистическимъ, т.-е. одинаково принадлежащимъ обѣимъ народностямъ, населяющимъ Галичину. На практикѣ, однакоже, всякая новая украинская каѳедра во львовскомъ университетѣ стоила такой громадной затраты силъ и энергіи, что украинцы неминуемо должны были придти къ мысли объ основаніи собственнаго университета. Движеніе это на серьезную почву ставится въ концѣ 90-хъ годовъ. Въ 1898 г. украинскими просвѣтительными обществами вносится въ подлежащія учрежденія петиція объ основаніи украинскаго университета; того же домогается украинское студенчество (митингъ 1899 г., сецессія 1901 г., студенческія волненія 1907 г. и т. п.). Съ особенной силой проявляется университетское движеніе въ 1912 г., когда основаніе украинскаго университета становится политическимъ лозунгомъ, выносится на парламентскую трибуну и, послѣ небывалой въ лѣтописяхъ вѣнскаго рейхстага обструкціи, становится на порядокъ дня, ожидая положительнаго разрѣшенія въ ближайшемъ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ украинское общество своими собственными силами разрѣшаетъ вопросъ и о среднемъ образованіи. Такъ какъ основаніе новыхъ правительственныхъ гимназій (ихъ съ украинскимъ языкомъ преподаванія всего 5) опять-таки встрѣчается съ организованнымъ противодѣйствіемъ польскаго большинства, то на помощь образовательнымъ стремленіямъ приходитъ частная инициатива. Общество «Рідна Школа» за послѣдніе три года основываетъ и содержитъ 8 гимназій и нѣсколько учительскихъ семинарій. Къ дѣлу основанія общеобразовательныхъ и профессіональныхъ школъ, а также устройства научныхъ и популярныхъ курсовъ прилагаютъ много заботъ «Товариство педагогичне», «Товариство Петра Могили» и въ особенности «Просвіта», въ послѣднее время свою просвѣтительную и экономическую дѣятельность поставившая на чрезвычайно широкихъ началахъ. Благодаря дѣя-

тельности указанныхъ и всевозможныхъ другихъ организацій («Сільський Господарь», «Народна Торговля», «Союз Кредитовий», «Дністер», «Земля», «Сокіл», «Січ» и мн. др.), Галичина покрывается густою сѣтью школъ, читаленъ, образовательныхъ кружковъ, всевозможныхъ кооперативовъ, гимнастическихъ обществъ и т. п., число которыхъ исчисляется сотнями и тысячами. Большая, разнообразная и сравнительно хорошо поставленная пресса (около 50 изданій какъ общеполитическаго и литературнаго, такъ и спеціальнаго характера) всесторонне выясняла и освѣщала нужды



Закрытый дворъ на галицкой Волыни.

края. Крупныя издательства («Видавнича Спілка» и др.) ежегодно выбрасывали на рынокъ массу печатнаго матеріала, воспитывая и расширяя кругъ читателей, роднымъ словомъ удовлетворяя всѣ его умственные запросы и нужды. Однимъ словомъ, движеніе къ свѣту и свободѣ могучею волною подхватило украинскій народъ въ Галичинѣ и обѣщало въ близкомъ уже будущемъ коренное улучшеніе его участи.

Сосѣдняя съ Галичиной, наполовину тоже заселенная украинцами, маленькая Буковина повторила въ небольшомъ сравнительно масштабѣ исторію галицкаго національнаго возрожденія и развитія. Долгое время она была частью Галичины и вмѣстѣ съ нею дѣлила всѣ превратности судьбы; отдѣленная она, тѣмъ не менѣе, оставалась въ тѣснѣйшей культурной связи съ Галичиной и испытывала сильное вліяніе своей болѣе развитой сосѣдки. Даже наиболѣе активными дѣятелями національнаго возрожденія являлись здѣсь очень часто пришлые галичане, равно какъ уроженцы Буковины работали одновременно на галицкой почвѣ. Этимъ взаимодѣйствіемъ Галичины и Буковины и объясняется то обстоятельство, что послѣдняя проходила тѣ же этапы развитія, съ нѣкоторымъ только опозданіемъ.

Буковина изъ-подъ власти Молдавіи перешла подъ господство Австріи въ 1775 г., три года спустя послѣ присоединенія Галичины; въ слѣдующемъ 1776 г. она была соединена съ Галичиной и въ административномъ отношеніи составляла одну областную единицу вплоть до 1849 г. Точно также и здѣсь австрійское правительство предприняло нѣкоторые шаги къ улучшенію экономическаго положенія народа и ослабленію крѣпостной зависимости отъ владѣльческихъ классовъ; точно также проявляло оно нѣкоторыя заботы о поднятіи культурнаго уравненія населенія. Но и здѣсь, какъ и въ Галичинѣ, эти заботы носили крайне своеобразный характеръ, выражаясь въ стремленіи германизовать украинское и румынское населеніе. До революціи 1848 г. Буковина была такимъ же отсталымъ во всѣхъ отношеніяхъ краемъ, какъ и Галичина, и первые проблески національнаго возрожденія начинаются здѣсь еще позже. 1848 г. ознаменовался на Буковинѣ сильнымъ движеніемъ украинскаго крестьянства, которое, подъ предводительствомъ члена рейхсрата Лукіана Кобылыци, произвело рядъ аграрныхъ безпорядковъ, направленныхъ противъ помѣщиковъ. Послѣ усмиренія крестьянскаго движенія въ 1849 г. Буковина была выдѣлена изъ галицкой области и съ того времени образуетъ самостоятельную автономную единицу на положеніи отдѣльнаго коронного края, со своимъ сеймомъ и управленіемъ въ Черновцахъ.

Отдѣленіе Буковины отъ родственной Галичины имѣло на первыхъ порахъ довольно печальныя послѣдствія для буковинскихъ украинцевъ. Во-первыхъ, были нѣсколько ослаблены тѣ

культурныя связи, которыя успѣли уже выработаться и окрѣпнуть при совмѣстной жизни; во вторыхъ, украинское населеніе Буковины подпало подъ власть болѣе сильнаго экономически румынскаго элемента и начало подвергаться систематической румынизаціи. Православная церковь въ Буковинѣ еще со времени молдавскаго господства находилась въ рукахъ румынъ, и высшія церковныя власти пользовались своей силой и значеніемъ для того, главнымъ образомъ, чтобы увеличить число румынскаго населенія за счетъ украинскаго. Этому содѣйствовало и то обстоятельство, что разобщенная съ возрождавшейся Галичиной Буковина еще долгое время не проявляла стремленія къ національной работѣ и организаціи широкихъ крестьянскихъ массъ. Правда, еще въ началѣ 60-хъ годовъ появляется здѣсь такой замѣчательный литературный талантъ, какъ Федьковичъ, но его дѣятельность была раньше замѣчена и оцѣнена въ Галичинѣ и на Украинѣ, чѣмъ въ Буковинѣ, и протекала главнымъ образомъ на галицкой почвѣ, не оказывая замѣтнаго вліянія именно въ ближайшей средѣ. Здѣсь, на Буковинѣ, еще въ полной силѣ господствуетъ то квіетическое москвофильское направленіе, которое убивало всякую инициативу и желаніе работать на пользу народныхъ массъ. Еще въ 60-хъ годахъ буковинскіе литераторы, какъ братья Проданы, Ферлеевичъ, Коморошанъ и др., подражаютъ Державину, настраивая свою лиру на такой высокій гласъ, который былъ совершенно недоступенъ простымъ смертнымъ. Въ черновицкой гимназіи, правда, еще съ 1851 г. было введено изученіе якобы мѣстнаго языка, но на самомъ дѣлѣ подъ этимъ именемъ преподносилось ученикамъ то же мертвое «словено-руское словосочиненіе», которое даже въ Галичинѣ уступало уже подъ напоромъ живой народной рѣчи. Мертвое язычіе на Буковинѣ лишь облегчало румынизаторскіе задачи и прокладывало дорогу денаціонализаціи. Лишь въ 1869 г. въ Черновицахъ основывается первое народное общество «Руска Бесіда», но и оно въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій влачитъ жалкое существованіе, не находя путей къ широкимъ массамъ, да въ сущности мало о томъ и заботясь.

Національная работа на Буковинѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ начинается только въ 80-хъ годахъ XIX в. Горсть молодежи (Смаль-Стоцкій, Пигулякъ, Поповичъ, Семака и др.) прежде всего постарались вдунуть живой духъ въ «Руску Бесіду», поставивъ ее ближе къ народнымъ массамъ и выдвинувъ на пер-

вый планъ національныя задачи; затѣмъ они же извлекли изъ хуторского уединенія популярнаго Федьковича и подъ его редакціей начали изданіе первой на Буковинѣ украинской газеты «Буковина» (съ 1885 г.). На собраніяхъ «Руской Бесіди» впервые появляются крестьяне, «высокій штиль» уступаетъ мѣсто народной рѣчи, появляются популярныя изданія на народномъ языкѣ («Бібліотека для молодіжі», «Ластівка» и др.), производятся попытки организаціи крестьянскихъ массъ. Въ 90-хъ годахъ въ руки украинцевъ переходитъ и политическое представительство въ общеимперскомъ парламентѣ и мѣстномъ сеймѣ, и культурная работа развивается уже на болѣе широкихъ основаніяхъ, идя рядомъ съ политической дѣятельностью.

Русинъ изъ Буковины.

Въ настоящее время, несмотря на свои незначительные размѣры и относительную юность народнаго движенія, Буковина представляетъ любопытное зрѣлище довольно интенсивной культурной работы и политической организаціи. Народное образованіе стоитъ сравнительно высоко. Рѣдкое поселеніе не имѣетъ собственной школы, преимущественно высшаго типа. Преподаваніе производится на родномъ языкѣ учащихся,—слѣдовательно, въ украинскихъ селахъ на украинскомъ (такихъ школъ насчитывается около 200). Есть одна чисто украинская гимназіи (въ Выжницѣ) и двѣ украинско-нѣмецкихъ (въ Черновцахъ и Кицмани). Въ черновицкомъ университетѣ имѣется двѣ украинскія каѳедры—украинскаго языка и литературы и практическаго богословія. Для распространенія образованія въ народѣ функціонируетъ много культурно-просвѣтительныхъ организацій («Народній Дім», «Українська Школа», «Історичне товариство», «Товариство імени Григорія Сковороди» и др.). Экомоническія общества, какъ «Селянська Каса», «Міщанська Каса» и др., стремятся дать населенію

доступный и дешевый кредитъ. Гимнастическія, пѣвческія и музыкальныя учрежденія («Січ», «Боян» и др.) объединяютъ украинское населеніе на почвѣ разумныхъ развлеченій. Благодаря широкой постановкѣ культурной работы и популярной прессѣ («Буковина», «Украіна» и др.), значительно двинулось впередъ и политическое воспитаніе массъ, и на Буковинѣ въ послѣднее время фонды реакціоннаго москвофильства совершенно упали. Украинскія политическія партіи (тѣ же, что и въ Галичинѣ) являются здѣсь истинными представителями народныхъ нуждъ и требованій и, опираясь на массы, имѣютъ возможность расширять и углублять работу политической организаціи населенія. Въ теченіе какихъ-нибудь трехъ десятилѣтій Буковина, благодаря интенсивной дѣятельности національной интеллигенціи, совершенно преобразовалась, возродилась и, вмѣсто темной провинціи, сдѣлалась культурнымъ уголкомъ, имѣвшимъ всѣ основанія бодро глядѣть въ лицо будущему.

Въ совершенно иномъ положеніи находится третья украинская земля, входящая въ составъ Венгріи и извѣстная подъ именемъ Угорской Руси или Угорщины. Національное движеніе, возродившее къ новой жизни Галичину и Буковину, почти не коснулось Угорщины и, благодаря этому, положеніе здѣсь украинскаго народа представляется и до настоящаго времени настолько безотраднымъ, какъ нигдѣ на всемъ пространствѣ, занимаемомъ украинскимъ народомъ. Въ экономическомъ отношеніи это, вѣроятно, наиболѣе бѣдная страна во всей Европѣ; въ культурномъ— наиболѣе отсталая, темная и безпомощная; въ политическомъ— наиболѣе забитая, не сознающая своихъ правъ, не умѣющая пользоваться ими. Вѣковое господство мадьяръ и отступничество, не прекратившееся до настоящаго времени, собственной интеллигенціи довели этотъ затерявшійся въ горахъ обломокъ украинскаго племени до крайней степени истощенія и даже физическаго вырожденія. Въ то время, когда сосѣднія области хотя въ послѣднее время пріобщились къ европейскому культурному движенію, Угорщина продолжаетъ пребывать въ томъ же состояніи, какъ и вѣка тому назадъ, и мадьярская политика грозитъ совершенно смести съ лица земли около полумилліона своихъ гражданъ украинскаго происхожденія.

Въ началѣ національнаго возрожденія Галичины отголоски

его доносились и сюда, за Карпаты. Въ царствованіе Іосифа II угорскіе русины получили собственное церковное устройство, школу и уравненіе правъ уніатскаго вѣроисповѣданія съ латинскимъ. Среди духовенства, замѣнившаго безнадежно денаціонализированные высшіе классы, возникаетъ даже извѣстнаго рода національное самосознаніе, выразившееся въ привязанности къ славянскому языку. Въ образовательномъ отношеніи Угорщина тогда стояла даже выше сосѣднихъ областей и изъ Галичины молодежь пріѣзжала учиться въ угорскія школы, а въ свою очередь многіе угрорусеы получали образованіе во Львовѣ. Нѣкоторые изъ уроженцевъ Угорщины выдвинулись на поприщѣ умственной дѣятельности и впослѣдствіи играли значительную роль въ общественной и культурной жизни Россіи,—назовемъ здѣсь имена Гуны-Венелина (извѣстный славистъ), Балудянскаго (первый ректоръ петроградскаго университета), Орлая (директоръ нѣжинскаго лицея), Лодія, Кукольника и др. Но эти ростки культурнаго движенія, которые должны были привести къ національному возрожденію, въ скоромъ времени были уничтожены начавшей принимать все болѣе и болѣе агрессивныя формы мадьяризаціей, особенно усилившейся съ 20-хъ годовъ XIX в. Въ стремленіи отстоять свою народность угорская интеллигенція стала сразу же на ложный путь, послѣдствія котораго сказываются до настоящаго времени въ поголовномъ москвофильствѣ угорской интеллигенціи и въ поголовной же, параллельно идущей, ея мадьяризаціи.

Въ 1849 г. произошло извѣстное венгерское возстаніе противъ Австріи и временная оккупація Угорщины русскими войсками, спасавшими престижъ австрійскаго императора. Угорскіе русины, которые получили въ то время рядъ уступокъ, впервые встрѣтились лицомъ къ лицу съ могущественной русской государственностью и были плѣнены ею до потери собственнаго національнаго лица, до забвенія своихъ мѣстныхъ задачъ. Культурные руководители ихъ, какъ напр. извѣстный Адольфъ Добрянскій, готовы были цѣликомъ воспринять русскій языкъ и русскую культуру, не заботясь объ использованіи тѣхъ народныхъ основъ, на которыхъ только и можетъ основываться правильное развитіе широкихъ массъ. Національное движеніе въ Галичинѣ встрѣчалось здѣсь съ недовѣріемъ, какъ измѣна «русскому дѣлу»; всѣ освободительныя надежды возлагались не на борьбу и собственную

самодѣятельность, а на помощь извнѣ. Въ ожиданіи этой помощи интеллигенція переходила къ господствующей народности, а народъ изнывалъ въ темнотѣ и экономической зависимости. Обломки интеллигенціи, еще остававшіеся вѣрными своему народу, дѣлали усиліе создавать своеобразную «русскую» культуру и вплоть до послѣдняго времени преклонялись предъ Державинымъ и Карамзинымъ, проспавъ все дальнѣйшее развитіе русской мысли и общественности. Выдвигая чужую и совершенно недоступную массамъ культуру, пропагандируя чужую, непонятную рѣчь, угорская интеллигенція тѣмъ самымъ вырывала у себя почву изъ-подъ ногъ и ставила крестъ надъ развитіемъ родного народа. Послѣдствія этого мы уже знаемъ: украинскій народъ на Угорщинѣ таетъ съ каждымъ годомъ, спустившись съ цифры 800,000 въ началѣ XIX в. до полумилліона въ концѣ его.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ самоубійственнымъ направленіемъ находится нынѣшнее культурное состояніе Угорщины. Лишь небольшая часть духовенства сохраняетъ еще связи съ народомъ, да и то исключительно на вѣроисповѣдной почвѣ принадлежности къ уніатству. Внѣ этого нѣтъ ничего, чтобы связывало духовенство съ народомъ, тѣмъ болѣе, что по своему міровоззрѣнію представители духовенства стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ демократическихъ стремленій вѣка. Еще въ 70-хъ годахъ одинъ изъ видныхъ представителей угрорусской интеллигенціи обмолвился предъ Драгомановымъ характерной фразой: «вы хотите отъ насъ, чтобы мы писали языкомъ слугъ, но литература пишется всудѣ для господиновъ»,—и такой взглядъ является господствующимъ теченіемъ на Угорщинѣ и до настоящаго времени. Выходящіе здѣсь немногочисленные листки («Недѣля», «Наука») и брошюры, большею частью мѣсяцесловы и календари, какъ по языку, такъ и по содержанію вполнѣ оправдываютъ свое назначеніе служить «для господиновъ» духовнаго сословія. Вотъ напр. заглавія передовицъ «Науки»: «Покайтесь и исповѣдайтесь», «Родословіе св. Іосифа обручника», «О постномъ(!) поведеніи», «Житіе и страданія св. апостола Іакова» и т. п. При такомъ постномъ содержаніи этотъ органъ угрорусской интеллигенціи проявляетъ иногда и трезвыя мысли, изложенныя, впрочемъ, въ чрезвычайно неясной и путанной формѣ. «Наука,—утверждала эта газета въ 1908 г.,—писала, пише и будетъ писати чистымъ(!) малоруськимъ языкомъ, по пра-

виламъ церковно-этимологическаго правописанія, которое идъ нашому языку приспособити усилуемся. Признаемъ, что у насъ лишь народная малоруська литература мае будучность, лишь така писанина (sic!) мае корень у народа, за то въ томъ направленіи мае розвиватись наша письменность, но крѣпко постоимо и коло тоѣ правды, что вікраінщина (?!) въ нашей малоруськой литературѣ е такимъ самимъ крайнимъ блудомъ, якъ и строга московщина. Правда находится на серединѣ и мы по той середней дорогѣ желаемо итти». Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ срединный путь, путь макаронической подмѣси народнаго элемента къ мертвой церковно-славянщинѣ и чуждой «московщинѣ», рѣшительно не оправдываетъ возлагаемыхъ на него надеждъ: языкъ «Науки» все же достаточно далекъ отъ народнаго, отъ «языка слугъ», чтобы быть понимаемымъ не только сословіемъ «господиновъ». Собственно лишь рѣдкія на Угорщинѣ изданія чисто этнографическаго матеріала представляютъ нѣчто и для «слугъ» понятное,—таковы, напр., сборники Врабеля,—но, конечно, этого слишкомъ мало для ежедневнаго обихода украинскаго народа на Угорщинѣ, совершенно не находящаго удовлетворенія своихъ умственныхъ запросовъ путемъ здоровой, понятной ему литературы. Національное возрожденіе его еще впереди, и если оно не наступитъ, то будущимъ историкамъ придется лишь констатировать исчезновеніе въ XX в. цѣлаго народа, заведеннаго своими близорукими руководителями въ непроходимую трясину человѣческой тупости и предразсудковъ.

Административный строй.

I.

Въ административномъ отношеніи Галичина, въ числѣ другихъ 14 коронныхъ областей Австріи, составляетъ намѣстничество съ широкими правами въ области внутренняго самоуправленія. Намѣстникъ, назначаемый непосредственно императоромъ, предсѣдательствуетъ въ областномъ финансовомъ управленіи, въ санитарномъ совѣтѣ и въ областномъ школьномъ совѣтѣ. Это административные органы областного управленія. Параллельно съ ними существуютъ органы областной автономіи—сеймъ съ широкими правами мѣстнаго законодательства, и избираемая изъ среды его областная управа («Видїл Краєвий»). Намѣстничество раздѣляется на 79 повѣтовъ (уѣздовъ); во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ староста—въ родѣ нашего уѣзднаго исправника со штатомъ уѣздной администраціи («староство»). Уѣздными органами самоуправленія являются повѣтовые совѣты («повітова рада»), напоминающіе наши уѣздныя земскія управы, но съ болѣе широкими правами, и состоящіе изъ 26 членовъ, избираемыхъ изъ представителей: крупной земельной собственности, крупной промышленности и торговли, городовъ и селъ. Основной самоуправляющейся ячейкой служитъ «громада» (сельское общество) и низшимъ мѣстнымъ органомъ администраціи—войтъ (сельскій староста). Органомъ громады является «громадська рада» (общественный совѣтъ), избираемая громадой и вѣдающая всѣми дѣлами сельскаго общества.

Управленіе школами имѣетъ свою особую организацію. Во главѣ школьнаго управленія края стоитъ «Краєва Рада Шкільна» (областной школьный совѣтъ), состоящая въ вѣдѣніи министерства вѣроисповѣданій и просвѣщенія. Зависимость школьной рады отъ министерства довольно слабая, власть министерства простирается собственно на высшія учебныя заведенія и то далеко

не въ полной мѣрѣ, такъ какъ высшія школы края пользуются широкою автономіей; вся же область начальнаго и средняго образованія подлежитъ всецѣло вѣдѣнію Краевой школьной рады, въ изъятіе отъ другихъ коронныхъ областей Австріи, въ которыхъ среднею школою, содержимою за счетъ общихъ государственныхъ средствъ, вѣдаетъ министерство. Въ каждомъ повѣтѣ имѣется окружная школьная рада подъ предсѣдательствомъ старосты, въ сельскихъ громадахъ—мѣстная школьная рада изъ представителей церкви, школы, сельскаго общества и представителя повѣтовой рады.

Какъ видимъ, Галиція обладаетъ довольно стройною системой внутренняго самоуправленія. Система эта проникаетъ не только въ представительные органы управленія—отъ сейма до сельской громадской рады, но и, въ значительной мѣрѣ, въ собственно административныя учрежденія, которыя (какъ напр., градація школьныхъ совѣтовъ) также организованы на выборномъ и представительномъ началахъ. Глава мѣстной администраціи—намѣстникъ—формально не отвѣтственъ передъ сеймомъ, и, какъ уже упомянуто, назначеніе его составляетъ исключительную прерогативу короны, но въ дѣйствительности назначеніе это диктуется прямыми указаніями правящихъ польскихъ круговъ; послѣдніе въ равной мѣрѣ вліяютъ и на удаленіе намѣстника, который почему либо не соотвѣтствуетъ ихъ видамъ, какъ это видимъ на примѣрѣ предшественника послѣдняго намѣстника, извѣстнаго польскаго историка Бобжинскаго, который удаленъ по требованію польской шляхты за примирительную тактику въ польско-украинскомъ вопросѣ. Центральное правительство лишено вліянія на внутренній строй и управленіе Галиціи и совершенно устраняется отъ вмѣшательства въ галицкія отношенія, постепенно передавая свои полномочія мѣстнымъ органамъ самоуправленія и администраціи. Столь значительная степень независимости края отъ имперской администраціи сообщаетъ характеръ автономности всему строю его управленія. Конечно, эта независимость Галиціи не такъ велика, какъ того желали польскіе вліятельные круги еще съ половины минувшаго вѣка, добиваясь, чтобы «кромѣ монарха», ничто ее не соединяло съ другими провинціями Австріи, и внѣшніе предѣлы галицкой автономіи ограничены извѣстнымъ кругомъ дѣлъ, внѣ котораго находятся и не подлежатъ автономной компетенціи вопросы гражданскаго права, тарифной политики,

путей сообщенія и др.; но въ той сферѣ, которая предоставлена галицкому автономному управленію, компетенція послѣдняго почти не ограничена, да и самая область владѣнія галицкихъ автономныхъ учрежденій, какъ мы видѣли, весьма широка.

II.

Галицкая автономія имѣетъ свою оригинальную, вѣрнѣе сказать, специфическую особенность. Это—самоуправленіе съ ярко выраженнымъ преобладаніемъ одного класса—клерикально-консервативнаго и одной національности—польской. Въ силу первой своей особенности, галицкая автономія, въ формахъ фактическаго ея осуществленія, издавна встрѣчала отрицательное отношеніе со стороны демократическихъ слоевъ населенія, даже польскихъ. Демократическіе элементы, сочувствующіе вообще основному автономическому принципу и потому являющіеся сторонниками автономіи Галиціи, принимаютъ, однако, послѣднюю съ существенными оговорками относительно внутренняго ея характера, обезпеченія правъ меньшинства, улаженія національныхъ отношеній. Опасенія эти далеко не безосновательны, такъ какъ инціатива въ стремленіяхъ къ автономіи Галиціи принадлежитъ собственно консервативнымъ польско-шляхетскимъ кругамъ, которые видѣли и продолжаютъ видѣть въ этой автономіи осуществленіе своихъ классовыхъ и націоналистическихъ идеаловъ. Подходящія условія для такихъ вожделѣній оказались послѣ краха австрійско-нѣмецкаго централизма и австро-венгерскаго соглашенія въ 1867 г. Центробѣжныя стремленія не могли, конечно, остановиться на этомъ соглашеніи, тѣмъ болѣе, что каждое изъ правительствъ двуединой монархіи чувствовало необходимость опереться на надежнаго союзника. Для австрійской части монархіи такимъ союзникомъ оказалась польская шляхта, союзъ съ которой представлялъ между прочимъ и ту выгоду, что въ силу своей классовой идеологіи она являлось естественнымъ противовѣсомъ демократическимъ теченіямъ, которыя особенно пугали австрійское правительство послѣ пережитыхъ соціальныхъ и политическихъ бурь средины XIX вѣка. Формулой союза австрійскаго центральнаго правительства съ галицкой шляхтой послужила извѣстная фраза адреса львовскаго сейма на имя императора: «при тебѣ, государь, мы стоимъ и хотимъ стоять»,—и съ тѣхъ поръ

Галиція отдана въ безконтрольное распоряженіе новыхъ союзниковъ за цѣну постоянной и безусловной поддержки при всякихъ обстоятельствахъ. Галицкая автономія 1867 г. и была, съ австрійской стороны, фактическимъ доказательствомъ этого союза, предавшаго широкія народныя массы въ руки шляхетской олигархіи. Съ тѣхъ поръ идея полнаго обособленія Галиціи находитъ особенно горячихъ защитниковъ именно въ польской шляхтѣ и особенно становится популярной здѣсь въ послѣднее время, когда перемѣны въ государственномъ строѣ Австріи начали угрожать нарушеніемъ галицкихъ отношеній, основанныхъ на началахъ классоваго и національнаго преобладанія польско-шляхетскихъ элементовъ.

III.

Тѣмъ же характеромъ галицкой автономіи опредѣляется отрицательное отношеніе къ ней, въ ея настоящемъ видѣ, со стороны другой народности края—украинской, встрѣчающей въ галицкой автономіи главный тормозъ къ правильному и справедливому удовлетворенію своихъ національныхъ интересовъ. Преобладающую роль въ областномъ самоуправленіи Галиціи заняли поляки, и такое положеніе стремятся они всѣми мѣрами использовать исключительно въ своихъ національныхъ интересахъ, въ ущербъ интересамъ другой, равной по численности, народности въ краѣ. Такая система проводится планомѣрно въ теченіе полувѣка, вызывая отпоръ съ украинской стороны, создавая ожесточенную борьбу, вѣсы которой, съ ростомъ культурныхъ и политическихъ силъ украинской народности, начинаютъ склоняться въ сторону этой послѣдней. Очень поучительна эта исторія борьбы за и противъ автономизма со стороны народностей, національные идеалы которыхъ одинаково сходятся въ идеѣ автономіи, но ближайшіе жизненные интересы діаметрально расходятся на ней же, разъ нарушено равноправіе, это главное условіе всякаго общежитія.

Національная политика галицкой правящей шляхты исходитъ изъ старыхъ великодержавныхъ традицій исторической Польши, перенесенныхъ во всей ихъ неприкосновенности на галицкую почву, и въ галицкой автономіи находитъ самое подходящее осуществленіе для такихъ традицій. И не удивительно: это—автономія съ подавляющимъ преобладаніемъ одной національности и безъ достаточнаго обезпеченія правъ другой, а если такое

обезпеченіе формально и существуетъ, то въ дѣйствительности полное и безраздѣльное господство поляковъ въ администраціи и въ представительныхъ учрежденіяхъ сводитъ всякія формальныя гарантіи къ нулю. Галицкій сеймъ трактуется, какъ «единый польскій сеймъ на земляхъ Рѣчи Посполитой»,—хотя половина населенія Галиціи—не польская, а почти $^2/_3$ территоріи этой области имѣютъ отношеніе къ Рѣчи Посполитой лишь по историческимъ воспоминаніямъ. Но, несмотря на эти послѣднія національныя соотношенія и вопреки основнымъ законамъ австрійскаго государства, устанавливающимъ національное равноправіе во всѣхъ областяхъ жизни, галицкій сеймъ дѣйствительно является по преобладающему національному составу польскимъ, а по соціальному составу и по всей линіи поведенія—шляхетско-польскимъ. Въ такомъ исключительномъ національно-классовомъ направленіи повелъ себя первый же сеймъ автономной Галиціи, принявшій весьма важные законы въ явный ущербъ украинскому населенію (напр., законы объ областномъ школьномъ совѣтѣ и о повѣтовыхъ совѣтахъ, отдавшіе все школьное дѣло и уѣздную администрацію всецѣло въ руки поляковъ) и отвергнувшій цѣлый рядъ насущныхъ требованій этого населенія (о раздѣленіи Галиціи на двѣ части, объ урегулированіи сервитутовъ, объ отмѣнѣ патроната и др.). Для характеристики тѣхъ принциповъ, какими руководился этотъ сеймъ, можетъ служить мотивировка отказа его въ субсидіи украинскому театру: во Львовѣ-де «греко-католиковъ» немного, притомъ же они могутъ посѣщать и польскій театръ. И такая тактика сейма продолжается до самаго послѣдняго времени. Такъ, изъ 730 тыс. кронъ, предназначавшихся въ областномъ бюджетѣ 1911 г. на воспособленіе частнымъ научнымъ и образовательнымъ учрежденіямъ, на долю украинскихъ учрежденій приходилось только 75 тыс. кр., т.-е. около 10 проц. средствъ, собранныхъ въ равной мѣрѣ съ польскаго и украинскаго населенія; въ томъ числѣ изъ 214 тыс. кронъ въ рубрикѣ «Театръ и изящныя искусства» польскіе театры и общества получили 186 тыс., украинскіе—24 тыс., на сельскохозяйственную литературу польскую ассигновано 14.500 кронъ, на украинскую—1 тыс. кр., и т. д.

Въ тѣмъ большей мѣрѣ принципами національной исключительности проникалась администрація края. Намѣстникъ назначается изъ среды польскихъ бюрократическихъ круговъ, по указаніямъ самихъ поляковъ; въ составъ областной управы

входитъ 5 поляковъ и 1 русинъ; всѣ 79 старостъ—поляки. Въ виду этого, вся дѣятельность галицкой администраціи направлена къ осуществленію предначертаній польской шляхты. Никакой коррективъ со стороны центральной австрійской власти не допускается, такъ какъ,—во-первыхъ, въ каждомъ кабинетѣ засѣдаютъ два министра поляка (въ парламентскихъ кругахъ распространена острота, что портфель министра финансовъ является наслѣдственнымъ въ польскомъ коло), во-вторыхъ, для Галичины имѣется въ совѣтѣ министровъ особый министръ безъ портфеля, ставленникъ польскаго коло, формально являющійся представителемъ интересовъ края, но, конечно, всецѣло творящій волю пославшихъ его. Къ какимъ практическимъ результатамъ приводитъ это хозяйничанье въ духѣ сословно-національныхъ тенденцій, можно видѣть на примѣрѣ дѣятельности школьной администраціи края. Въ школьномъ дѣлѣ мѣстнымъ учрежденіямъ въ Галиціи предоставлены столь широкія права, какъ нигдѣ въ Австріи; открытіе гимназій вездѣ зависитъ отъ центральной власти, въ Галиціи же гимназія не можетъ быть открыта безъ благопріятнаго отзыва школьнаго совѣта и безъ согласія сейма; въ другихъ коронныхъ областяхъ учителя гимназіи назначаются министерствомъ, въ Галиціи—школьнымъ совѣтомъ. Къ этому нужно прибавить, что большинство сеймовыхъ ассигновокъ въ пособіе частнымъ школамъ обращаются также на польскія школы, хотя послѣднія въ значительно большемъ числѣ содержатся и на казенныя средства. О національномъ безпристрастіи школьнаго административнаго органа въ данномъ отношеніи можно судить по распредѣленію имъ сеймовскихъ ассигновокъ: изъ 94 тыс. кронъ пособія на 1912 г. частнымъ школамъ, школьный совѣтъ назначилъ двумъ частнымъ украинскимъ школамъ... 350 кронъ.

Отсюда противодѣйствіе автономическимъ стремленіямъ поляковъ со стороны украинскаго населенія Галиціи, такъ какъ для послѣдняго полная автономія Галиціи, при закрѣпленіи здѣсь польскаго преобладанія, была бы равносильна національной смерти. Отсюда же и стремленія украинцевъ къ отдѣленію восточной Галиціи отъ западной, польской, и одновременно ожесточенная борьба за равноправіе въ національномъ отношеніи.

Національныя отношенія.

Въ послѣдніе годы русское общество, вообще мало интересовавшееся судьбами зарубежной части украинскаго племени, все же стало останавливать свое вниманіе на извѣстіяхъ о рѣзкихъ національныхъ столкновеніяхъ въ Галиціи. Массовый выходъ всѣхъ студентовъ-украинцевъ изъ Львовскаго университета, крупныя столкновенія украинскихъ студентовъ съ польскими въ стѣнахъ того же университета и вообще ожесточенная борьба за украинскій университетъ, убійство студентомъ-русиномъ намѣстника Галиціи гр. Андрея Потоцкаго, заявившаго себя особой агрессивностью въ полонизаторскихъ стремленіяхъ, кровавыя столкновенія при выборахъ, рѣдко обходившихся безъ того, чтобы нѣсколько крестьянъ-русиновъ не пали жертвами своеобразной агитаціи со стороны мѣстной жандармеріи, упорная борьба за реформу выборовъ въ австрійскій парламентъ и галицкій сеймъ,— всѣ эти факты, свидѣтельствующіе о крайней напряженности польско-украинскихъ отношеній въ Галиціи, заставили обратить вниманіе на эти отношенія даже тѣхъ, кто не придавалъ большого значенія всѣмъ предыдущимъ эксцессамъ и считалъ ихъ мелкимъ, домашнимъ споромъ двухъ родственныхъ народностей. Событія эти слишкомъ рѣзко обнаружили, что вопросъ польско-украинскихъ отношеній является однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ государственной политики Австріи; акты политическаго террора и кровавыя столкновенія, какъ постоянные спутники избирательной кампаніи, представляютъ слишкомъ исключительныя явленія въ конституціонномъ государствѣ, и для нихъ требуется наличность особо ненормальныхъ условій, коренное отступленіе отъ номинально господствующаго конституціоннаго режима.

По основнымъ законамъ Австрія является страною полнаго національнаго равноправія. Не безъ нѣкоторыхъ треній принципъ этотъ уже болѣе или менѣе осуществленъ въ ней, за исключеніемъ лишь немногихъ отдѣльныхъ народностей, и въ томъ числѣ—

украинской. Въ Угорщинѣ и Буковинѣ, особенно въ первой, украинцы усиленно мадьяризуются и германизуются, и въ будущемъ, съ ростомъ національнаго самосознанія, могла здѣсь развиваться національная борьба не въ меньшей степени, чѣмъ въ Галиціи. Въ этой послѣдней господствующее положеніе занимаетъ элементъ польскій, и общія государственныя постановленія Австріи послѣдовательно измѣнялись здѣсь въ духѣ государственныхъ принциповъ исторической Польши, съ кореннымъ искаженіемъ основъ конституціоннаго строя. Какъ уже упоминалось выше, Галиція пользуется широкой областной автономіей, съ устраненіемъ почти всякаго вліянія центральнаго управленія, безъ гарантіи контроля надъ органами самоуправленія и безъ отвѣтственности мѣстной администраціи; но при этомъ все самоуправленіе и административная власть находятся въ рукахъ польской шляхты, которая, такимъ образомъ, является полнымъ, почти неограниченнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ положенія. Теоретическое признаніе равноправія народностей безъ всякихъ серьезныхъ мѣръ къ обезпеченію экономическаго и національнаго существованія обдѣленной народности и къ защитѣ ея интересовъ отъ притязаній народности, занявшей привилегированное положеніе, обращаетъ въ пустой звукъ всѣ конституціонныя гарантіи и создаетъ почву для крайне обостренной національной борьбы. При такомъ рѣзкомъ противорѣчіи между конституціонными основами государства и фактическимъ господствомъ поляковъ со стороны украинскаго элемента требуются огромныя усилія для того, чтобы использовать общегосударственную конституцію въ цѣляхъ своего національнаго развитія. Казалось, что выборная реформа въ австрійскій парламентъ до нѣкоторой степени распутаетъ крутой узелъ украинско-польскихъ отношеній въ Галиціи; но этому не суждено было сбыться: за поддержку польскаго клуба въ парламентѣ австрійское правительство измѣнило для Галичины общегосударственныя нормы (четырехчленная формула) выборнаго права и вновь обрекло украинское населеніе на положеніе политическаго меньшинства на своей территоріи. Это положеніе ставило преграды самымъ справедливымъ домогательствамъ украинцевъ, безуспѣшно разбивавшимся о втрое большее представительство поляковъ, и являлось причиной той небывалой обструкціи въ австрійскомъ парламентѣ, какую проводили украинскіе депутаты въ послѣдніе годы.

Украинскія партіи въ Галиціи добиваются главнымъ образомъ того, чтобы украинско-польскій вопросъ разрѣшенъ былъ на основѣ общегосударственнаго закона о равноправіи національностей. Этому противятся со всею рѣшительностью поляки, заявляя, что только они одни, какъ хозяева края, могутъ рѣшать относительно правъ украинскаго народа. Съ ихъ точки зрѣнія галицкая автономія является суррогатомъ польскаго государства, почему польская національность въ Галиціи должна получить такое же господствующее значеніе, какъ и въ Рѣчи Посполитой, и польская политика здѣсь должна диктоваться національными польскими интересами, какъ они понимаются современными представителями господствующей національности—польскою шляхтою; при такихъ условіяхъ украинско-польскія отношенія—это не отношенія двухъ народностей, за которыми австрійскій государственный законъ признаетъ одинаковыя права и можетъ тѣ права регламентировать соотвѣтственно съ общею его для всей страны основою, а дѣло всецѣлой компетенціи поляковъ, т.-е. представителя польскихъ интересовъ- галицкаго сейма—«единственнаго польскаго сейма на земляхъ Рѣчи Посполитой».

Основой для такого рода притязаній могла бы служить, пожалуй, слишкомъ подавляющая численность польскаго населенія въ Галиціи сравнительно съ русинскимъ, хотя даже и въ такомъ случаѣ національные интересы меньшинства должны бы быть при конституціонномъ режимѣ вполнѣ обезпечены. Но на самомъ дѣлѣ такія притязанія не имѣютъ для себя основаній и въ только что указанномъ отношеніи. Современная Галиція механически скроена изъ двухъ различныхъ частей: западная—изъ части бывшаго краковскаго воеводства, населеннаго поляками, и восточная—изъ части бывшаго «русскаго воеводства», населеннаго украинскимъ племенемъ. По переписи 1900 г., русиновъ во всей Галиціи было 3.074 т., поляковъ—3.988 т.; но изъ этого послѣдняго числа нужно въ дѣйствительности исключить 800 тыс. евреевъ и перечислить изъ польской въ русинскую категорію не менѣе 200 т. русиновъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, причисляемыхъ офиціальной польской статистикой къ польской національности; при такомъ расчетѣ получится, что число русиновъ въ Галиціи не менѣе числа поляковъ. Но и независимо отъ этихъ общихъ цифръ преобладаніе украинскаго населенія въ восточной Галиціи является подавляющимъ; по той же офиціаль-

ной статистикѣ, вообще представляющей процентъ поляковъ большимъ сравнительно съ дѣйствительностью, русины въ 1900 г. въ 33 повѣтахъ восточной Галиціи составляли болѣе 60% населенія, въ 18—болѣе 70%, въ 7—болѣе 80%. Статистическія данныя, такимъ образомъ, не даютъ основаній для исключительности польскихъ притязаній въ Галиціи. Численность украинскаго населенія здѣсь не уступаетъ численности польскаго и, во всякомъ случаѣ, въ восточной Галиціи украинцы на столько, очевидно, преобладаютъ количественно, что этого не пытаются отрицать и руководители польской политики въ краѣ. Казалось бы, изъ приведенныхъ цифръ можно сдѣлать лишь одинъ выводъ: если въ западной Галиціи, населенной поляками, господствующее значеніе получаютъ польскіе интересы, то въ восточной части края, съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ, соотвѣтственно должны господствовать интересы болѣе многочисленной національности, разумѣется, въ томъ и другомъ случаяхъ—съ полнымъ обезпеченіемъ правъ меньшинства. Но въ дѣйствительности поляки, захвативъ всецѣло въ свои руки политическую власть въ Галиціи, не соглашаются допустить равноправія украинскаго населенія и, при попустительствѣ центральнаго правительства, направляютъ автономное управленіе краемъ къ тому, чтобы польское большинство въ сеймѣ могло безвозбранно хозяйничать исключительно въ польскихъ интересахъ.

Напряженность національныхъ польско-украинскихъ отношеній въ Галиціи—это результатъ и продолженіе стараго историческаго спора, который могъ бы быть окончательно взвѣшенъ судьбою только теперь, если бы среди двухъ тяжущихся сторонъ стала третья въ роли безпристрастнаго третейскаго судьи и примирителя взаимныхъ интересовъ. Основы этого спора коренятся въ дали вѣковъ, когда польскіе правящіе круги, по присоединеніи украинскихъ земель къ польскому государственному организму, впервые начали проявлять свои агрессивныя намѣренія по отношенію къ украинскому элементу—къ его вѣрѣ и національной культурѣ. Эта агрессивная политика привела въ концѣ концовъ къ взрыву народнаго протеста, при чемъ къ украинскимъ демократическимъ слоямъ, наиболѣе страдавшимъ отъ польскаго государственнаго режима, присоединились представители украинской буржуазіи, духовенства, мѣщанъ, части дворянства, и результатомъ возникшей затѣмъ упорной и ожесточенной борьбы

была политическая гибель Польши. Отсюда давніе историческіе счеты, взаимно предъявляемые польскою и украинскою сторонами, счеты, которые давнымъ-давно были бы сложены на архивныхъ полкахъ, если бы не одинъ факторъ, съ неизмѣннымъ упорствомъ раздувавшій жаръ историческаго процесса. Этотъ факторъ — польская шляхта. Она-то и направляла государственный корабль Польши по опасному руслу, приведшему къ катастрофѣ, и изъ государственной катастрофы единственно она вышла съ тѣмъ матеріальнымъ и правовымъ активомъ—съ громадными земельными богатствами, съ экономическими и соціальными привилегіями,—къ накопленію котораго въ сущности и была направлена вся ея классовая энергія. Государственный и общественный разумъ требовалъ измѣнить, оставить политику національной нетерпимости, разъ она привела къ столь пагубнымъ въ государственномъ отношеніи результатамъ, но ближайшіе классовые интересы толкали польскую шляхту на старый путь соціальнаго и національнаго эгоизма. Это особенно ярко проявилось на галицкой территоріи, гдѣ польская шляхта, вскорѣ же по присоединеніи Галиціи къ Австріи и въ особенности съ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, получила господствующее политическое значеніе и всю энергію свою стала направлять здѣсь къ тому, чтобы создать изъ Галицкой Руси «польскій Пьемонтъ» и вознаградить себя на украинской почвѣ за всѣ потери, понесенныя польскимъ народомъ на польской этнографической территоріи.

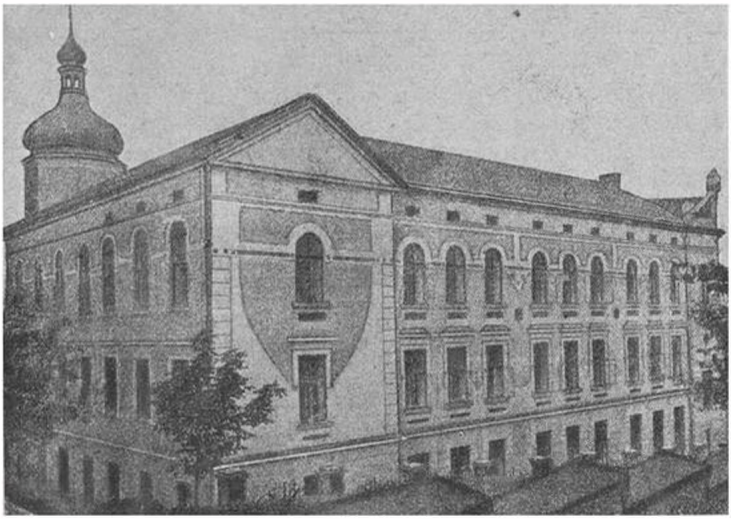
«Первыя попытки русинской интеллигенціи выдѣлиться въ самостоятельную національную группу были приняты всѣмъ польскимъ обществомъ какъ ненавистный «сепаратизмъ». Довольно долго господствовало мнѣніе, высказанное однимъ изъ депутатовъ львовскаго сейма: «niema Rusi, jést tylko Polska i Moskwa»... Ненависть къ «тирольцамъ востока» охватила весь польскій лагерь. Требованіе раздѣла Галиціи, выставленное по почину правительства русинской партіей (такъ-называемыхъ «святоюрцевъ»), было встрѣчено какъ провокація, какъ посягательство на историческое достояніе обѣихъ націй» (Л. Василевскій-Плохоцкій). Весьма характерна та борьба, какая разгорѣлась около выставленнаго (отнюдь, однако, не по почину правительства) въ 1848 г., во время конституціонныхъ стремленій, требованія о раздѣленіи Галиціи на двѣ независимыя другъ отъ друга области—польскую и украинскую, съ политической автономіей и со-

отвѣтствующими національными правами для каждой. Осуществленіе этого требованія должно было повести на практикѣ къ устраненію господства польской шляхты въ восточной Галиціи,—и вотъ въ польскомъ меморіалѣ по этому поводу, представленномъ въ 1848 г. центральному австрійскому правительству, находимъ такія мѣста, предвосхищающія идеологію современныхъ россійскихъ націоналистовъ: «Изъ показаній всѣхъ честныхъ и безпристрастныхъ русиновъ неопровержимо вытекаетъ, что польскій языкъ есть языкъ книжный, образовавшійся изъ различныхъ славянскихъ и летицкихъ діалектовъ, на которыхъ говорило населеніе прежняго польскаго государства... Польскій языкъ сдѣлался единственнымъ органомъ взаимнаго пониманія среди образованнаго общества; онъ былъ и остается языкомъ литературы и науки въ странѣ... (Мало)русскій, мазурскій и литовскій языки остались діалектами развѣ сельскаго люда, почему не могли образоваться и выработаться. О подавленіи (мало)русскаго языка польскимъ можетъ быть рѣчь лишь постольку, поскольку всегда и повсюду съ развитіемъ просвѣщенія народные діалекты должны уступать мѣсто образованному и книжному языку націи».

Трактовка украинской народности, какъ разновидности польской «націи», и является исходной точкой въ отношеніяхъ польской шляхты къ культурно-національнымъ и всякимъ инымъ интересамъ украинскаго населенія восточной Галиціи. Это галицкое національно-политическое, такъ-называемое, вшехпольское (всепольское) теченіе имѣетъ особую, рафинированную разновидность среди помѣщиковъ восточной Галиціи (т. н. «подоляковъ»), ополяченныхъ потомковъ стариннаго украинскаго боярства и, въ качествѣ ренегатовъ, крайне прямолинейно проводящихъ вшехпольскую политику. Основная задача этой политики—расширить предѣлы польскаго національнаго преобладанія на украинской территоріи Галиціи и всѣми мѣрами воспрепятствовать развитію здѣсь украинскаго элемента.

Пути для достиженія этой задачи весьма разнообразны. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ усиленія польскаго элемента въ восточной Галиціи признается колонизація послѣдней выходцами изъ этнографической польской территоріи. Основываются спеціальные польскіе банки (напр., банки «Ziemia polska», «Bank parcelacyjny», «Bank dla ziemian») для покупки помѣщичьей земли въ восточной Галиціи и перепродажи ея колони-

стамъ изъ Польши (т. н. «мазурамъ»). Съ этой цѣлью принятъ галицкимъ сеймомъ особый законъ о «рентовыхъ хозяйствахъ», имѣющій цѣлью раздачу сельскихъ участковъ на льготныхъ условіяхъ польскимъ крестьянамъ для привлеченія польскихъ колонистовъ въ восточную Галицію съ цѣлью ея колонизаціи. Въ польской прессѣ клеймится позорнымъ именемъ тотъ помѣщикъ, который осмѣлился бы продать свою землю украинскому крестьянину, и колонизаторская программа въ руководящей польской



Украинскій женскій институтъ въ Перемышлѣ.

газетѣ формулируется такимъ образомъ: «выкупъ земли изъ украинскихъ рукъ въ восточной Галиціи и передача ея въ руки польскаго крестьянства является не только правомъ, но и обязанностію поляка».

Кромѣ колонизаціонныхъ путей, ополяченіе украинскаго населенія осуществляется при помощи всего сложнаго аппарата областной административной машины. Какъ это подробнѣе будетъ указано ниже, такой цѣли прежде всего служатъ въ польскихъ рукахъ выборы въ австрійскій парламентъ и галицкій сеймъ. При послѣдней избирательной реформѣ установленный для импе-

ріи принципъ равнаго избирательнаго права совершенно искаженъ для Галиціи въ интересахъ польскаго господства въ послѣдней; тогда какъ польское населеніе Галиціи представляется въ австрійскомъ парламентѣ 78-ю мандатами, украинскому населенію по закону предоставлено—пропорціонально!—всего лишь 28 мандатовъ; еще болѣе несправедливое распредѣленіе мандатовъ видимъ въ новѣйшемъ проектѣ сеймоваго избирательнаго права; здѣсь украинскому населенію, при количественномъ равенствѣ его съ польскимъ населеніемъ въ краѣ, предоставляется менѣе трети всего числа мандатовъ.

Другой точкой наиболѣе сильнаго польскаго національнаго нажима является школа во всѣхъ ея стадіяхъ—начальная, средняя, высшая. По австрійской конституціи (§ 19), «въ областяхъ, населенныхъ нѣсколькими народностями, публичныя научныя учрежденія должны быть устроены такъ, чтобы не было принужденія учить чужой языкъ, а каждая изъ этихъ народностей должна имѣть необходимыя средства для обученія на своемъ языкѣ». Галицкая дѣйствительность представляетъ полное нарушеніе этой основной статьи австрійской конституціи. Однимъ изъ первыхъ проявленій галицкой автономіи, попавшей всецѣло въ польскія руки, было принятіе въ 1867 г. мѣстнымъ сеймомъ положенія (утвержденнаго затѣмъ и центральнымъ правительствомъ), на основаніи котораго въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ на ряду съ преподавательскимъ языкомъ въ школѣ былъ обязательнымъ предметомъ обученія и языкъ меньшинства. Это невинное съ виду постановленіе является въ рукахъ галицкой администраціи могущественнымъ орудіемъ полонизаціи украинскаго населенія. Достаточно, чтобы въ извѣстной мѣстности проживало нѣсколько поляковъ или даже украинцевъ-католиковъ («латынниковъ»), причисляемыхъ по вѣроисповѣдному признаку галицкой администраціей къ польской національности,—и изученіе польскаго языка въ данной школѣ признается обязательнымъ; затѣмъ обычно для небольшого контингента дѣтей-католиковъ устраивается отдѣльная польская школа, которая и пользуется исключительнымъ вниманіемъ школьной администраціи, всячески стремящейся ухудшить положеніе украинской школы. Значительно проще достигаютъ цѣлей полонизаціи назначеніемъ въ украинскія школы учителей поляковъ, не знающихъ украинскаго языка: такой учитель уже фактически не можетъ вести преподаванія

по-украински. Какъ широко пользуется школьная администрація этимъ путемъ ополячиванія украинскаго населенія, можно судить по тому, что изъ всего числа народныхъ учителей въ Галиціи украинцы составляютъ менѣе $^1/_5$ (3 тысячи изъ 16 тыс.)—при почти равномъ по числу распредѣленіи населенія между двумя національностями. Къ этому нужно прибавить, что украинскіе учителя обычно назначаются въ западную, польскую Галицію («на Мазуры»), гдѣ они по необходимости должны вести преподаваніе по-польски, а въ восточную Галицію почти сплошь назначаются учителями поляки, конечно, въ опредѣленныхъ цѣляхъ полонизаціи края. Полонизаторы эти, чувствуя за своими плечами сильную руку повѣтовой и—при надобности—краевой школьной Рады, ведутъ себя какъ настоящіе завоеватели въ побѣжденной странѣ,—ничуть не лучше, а пожалуй и похуже нѣмецкихъ гакатистовъ въ Познани. Чтобы не быть голословнымъ, достаточно сослаться на недавній фактъ, облетѣвшій и русскую печать и вызвавшій движеніе даже въ нашемъ націоналистическомъ лагерѣ,—школьную трагедію въ галицкомъ селѣ Жулинѣ. Въ это село, въ школу съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ, былъ назначенъ учителемъ, по принятой системѣ, полякъ, хотя мѣста этого добивались и украинскіе кандидаты. Учитель (Брониславъ Грайсъ) жестоко истязалъ учащихся за то, что тѣ при входѣ его въ классъ здоровались съ нимъ по-украински, а не по-польски, и не хотѣли молиться по-польски. Жалобы жулинцевъ оставались безплодными, и поведеніе Грайса обратило на себя вниманіе только послѣ слишкомъ очевиднаго преступленія: за нежеланіе молиться по-польски Грайсъ такъ сильно побилъ 7-лѣтняго Михася Коханчика (ударивъ мальчика кастетомъ по головѣ, учитель бросилъ несчастнаго на полъ, топталъ ногами), что тотъ заболѣлъ воспаленіемъ мозга и умеръ. Указанный нами случай показываетъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ насилія надъ личностью и цѣлой народностью доходитъ та полонизаторская политика, какую проводятъ галицкія школьныя власти.

Въ области средняго образованія, согласно статуту 22 іюня 1867 г., введеніе украинскаго языка въ преподаваніе какой-либо гимназіи или реальнаго училища, или открытіе средняго учебнаго заведенія съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ можетъ состояться не иначе, какъ по особому постановленію галицкаго

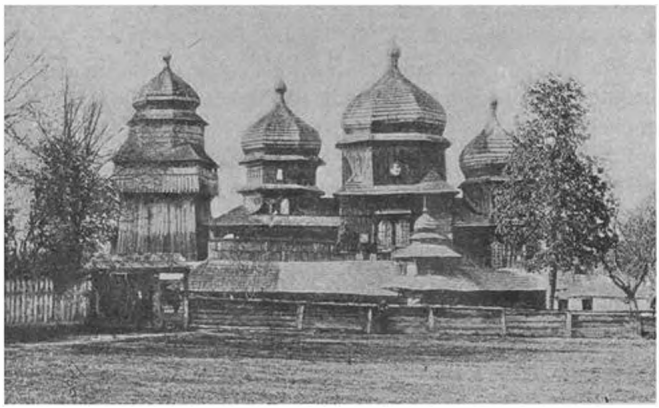
сейма; а такъ какъ избирательная система обезпечиваетъ въ галицкомъ сеймѣ подавляющее большинство представителямъ польской народности, то онъ, конечно, налагаетъ свое veto на каждую попытку русиновъ въ отношеніи національзаціи школы. Держась того взгляда, что каждое культурное пріобрѣтеніе русиновъ является ущербомъ для полнаго и нераздѣльнаго господства польской народности, поляки даютъ свое согласіе на учрежденіе новыхъ русинскихъ учебныхъ заведеній только въ крайности, когда нужно дать какую-нибудь подачку русинамъ, какъ вознагражденіе за уступки или потери, причиняемыя имъ какимъ-нибудь новымъ смѣлымъ «завоеваніемъ» поляковъ въ жизни и устройствѣ края. Въ результатѣ—украинскихъ правительственныхъ гимназій въ Галиціи имѣется 5, польскихъ же—50. Если принять, притомъ, во вниманіе, что гимназіи учреждаются не за счетъ мѣстныхъ средствъ, а за счетъ государственнаго казначейства, то причина упорнаго сопротивленія поляковъ открытію русинскихъ гимназій становится до очевидности понятною: такъ какъ распространеніе украинской средней школы послужило бы могущественнымъ средствомъ культурнаго подъема украинскаго элемента, то, стараясь всѣми средствами сохранить преобладаніе польской народности надъ русинскою, польскіе круги и представляющее ихъ большинство галицкаго сейма противодѣйствуютъ всему, что можетъ содѣйствовать подъему и развитію украинской народности—политическому или культурному. «Справедливость по отношенію къ украинцамъ,—писалъ органъ руководящей польской партіи «Przeglad Wszechpolski» по поводу украинскихъ домогательствъ объ открытіи пятой гимназіи,—является несправедливостью и даже оскорбленіемъ для польскаго дѣла».

Не лучше дѣло обстоитъ и съ высшей украинской школой въ Галиціи. Львовскій университетъ сталъ ареной упорной національной борьбы, отголоски которой переходятъ далеко за предѣлы края. Университетъ этотъ предназначенъ былъ австрійскимъ правительствомъ для русинскаго населенія, что было вполнѣ естественно, такъ какъ поляки имѣли свой университетъ въ Краковѣ. Но, ставъ господами въ краѣ, поляки добились того, что центральное правительство предоставило рѣшить вопросъ самимъ борющимся національностямъ, т.-е., другими словами—предоставило сильнѣйшей оттѣснить слабѣйшую. Благодаря дружнымъ усиліямъ польской администраціи, университета и мини-

стерства, въ которомъ польское вліяніе было достаточно сильно каѳедры въ университетѣ замѣщены поляками; за неимѣніемъ мѣстныхъ силъ были приглашены поляки-преподаватели или заявившіе себя въ наукѣ люди изъ Россіи, изъ Германіи и т. д. Въ 1874 г. Львовскій университетъ былъ уже фактически польскимъ и, разъ завладѣвъ университетомъ, поляки оказались въ немъ вполнѣ господами положенія, благодаря университетской автономіи, при поддержкѣ мѣстной администраціи и польскаго клуба. Завладѣвъ фактически университетомъ, польская корпорація удерживаетъ его въ полномъ своемъ обладаніи. За исключеніемъ нѣсколькихъ каѳедръ, учрежденныхъ спеціально для преподаванія на украинскомъ языкѣ,—ихъ въ 1840—60 гг. было учреждено четыре, а потомъ открыто было еще двѣ,—всѣ остальныя каѳедры замѣщаются исключительно поляками. За все это время факультетами не было предложено министерству на эти каѳедры ни одного кандидата-украинца, тѣхъ же изъ украинскихъ ученыхъ, которые выставляли свою кандидатуру на каѳедры, какъ напр. И. Франко, систематически и подъ разными предлогами, не допускали къ занятію каѳедръ; предпринимались даже попытки упразднить существующія украинскія каѳедры. Ученыя украинскія силы, благодаря этому, уходятъ въ другіе университеты—чешскіе, хорватскіе, нѣмецкіе. Столь настойчивыя препятствія со стороны поляковъ въ удовлетвореніи законныхъ и настоятельныхъ культурныхъ потребностей украинцевъ, естественно, должны были создать очень тяжелую, сгущенную атмосферу украинско-польскихъ отношеній, особенно въ средѣ наиболѣе отзывчивой—студентовъ университета. Происходятъ грандіозныя демонстраціи студентовъ-украинцевъ, возникаютъ кровавыя побоища въ университетскихъ стѣнахъ,—и все это исключительно вслѣдствіе непримиримости польской политики въ отношеніи украинцевъ, изъ-за рѣшительнаго нежеланія поляковъ допустить учрежденіе такого очага національной культуры, какимъ является университетъ.

«Полонизація галиційской администраціи,—говоритъ П. Н. Милюковъ,—задѣла русинское населеніе не менѣе больно, чѣмъ полонизація школы. Языкомъ администраціи мало-по-малу сдѣлался (фактически) исключительно польскій. Русинское духовенство, послѣднее, которое пыталось бороться противъ этого, неоднократно подвергалось штрафамъ за употребленіе русинскаго

языка и, въ концѣ-концовъ (1902 г.), вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу польскаго языка. Къ занятію должностей русиновъ старались, по возможности, не допускать, или переводили ихъ, «для пользы службы», въ западную Галицію. Высшія должности были для русиновъ безусловно закрыты». Дѣйствительно, административныя должности въ краѣ поляки захватили въ свои руки. Въ судебномъ, напр., вѣдомствѣ восточной Галиціи на 9—поляковъ-чиновниковъ V класса приходился 1 русинъ, на 43 поляка-чиновника VI класса—6 русинъ, на 240 поляковъ-чиновниковъ VII класса—101 русинъ, и т. д., при чемъ вообще чиновники-



Церковь въ Дорогобычѣ.

русины составляли всего лишь одну четвертую часть служебнаго состава судебнаго вѣдомства на украинской территоріи Галичины.

«Преобладаніе поляковъ въ земствѣ,—говоритъ тотъ же авторъ,—привело къ неравномѣрному использованію земскихъ средствъ въ пользу западной и въ ущербъ восточной Галиціи». Такъ, въ западной Галиціи протяженіе шоссе вчетверо больше, чѣмъ въ восточной, на регулированіе рѣкъ и меліораціи въ западной Галиціи затрачивалось ежегодно втрое, вчетверо больше средствъ, чѣмъ восточной, и т. д.

Незначительность мѣстнаго украинскаго элемента въ составѣ галицкой администраціи и органовъ самоуправленія имѣетъ

послѣдствіемъ массу злоупотребленій и притѣсненій по отношенію къ мѣстному украинскому населенію. Когда судится полякъ съ украинцемъ, послѣдній очень рѣдко можетъ добиться справедливаго рѣшенія; органы полиціи позволяютъ себѣ по отношенію къ украинскимъ крестьянамъ такія насилія, какія считаются невозможными въ западной Галиціи: то жандармъ застрѣлитъ украинскаго крестьянина за ловлю рыбы въ недозволенномъ мѣстѣ, то заколетъ штыкомъ за малѣйшее ослушаніе, то цѣлое «стадо» украинскихъ мужиковъ, въ виду спора ихъ съ помѣщикомъ-полякомъ, гонятъ, со скованными руками, пѣшкомъ верстъ за 50 до повѣтоваго города. Словомъ, нѣтъ такого уголка въ мѣстной жизни, гдѣ бы польская администрація не старалась нарушить интересы юридически равноправной народности края. Какъ послѣдовательна до крайней мелочности эта политика національной исключительности, показываетъ недавно разгорѣвшаяся въ Галиціи борьба изъ-за національзаціи желѣзно-дорожныхъ билетовъ. Суть дѣла такова. На австрійскихъ желѣзныхъ дорогахъ мѣстный языкъ безусловно обязателенъ во всѣхъ случаяхъ непосредственнаго сношенія дороги съ публикой; такъ, всѣ объявленія, указатели движенія поѣздовъ, билеты должны печататься на мѣстныхъ языкахъ. Такъ какъ въ Галиціи мѣстными областными языками признаны украинскій и польскій, то во всѣхъ указанныхъ случаяхъ должны примѣняться оба эти языка. Въ дѣйствительности же польская желѣзнодорожная администрація старается всѣми мѣрами устранить украинскій языкъ: офиціальные указатели движенія поѣздовъ фактически не продаются, вмѣсто нихъ дороги предлагаютъ частные указатели—на польскомъ языкѣ, офиціальные же указатели въ концѣ года отсылаются въ министерство, какъ непроданные, какъ будто и не требовавшіеся публикой; на требованія желѣзнодорожныхъ билетовъ на украинскомъ языкѣ публика получаетъ стереотипный отвѣтъ, что всѣ такіе билеты проданы. Вопросъ объ этомъ правонарушеніи поднимался въ парламентѣ, который обязалъ желѣзнодорожную администрацію продавать украинскіе билеты, но дѣлу это не помогло. Тогда сама публика рѣшила вступиться за свои права, и началась ожесточенная борьба населенія съ желѣзнодорожной администраціей изъ-за украинскихъ билетовъ. Дѣло обычно происходило такъ. Когда на требованіе билета на родномъ языкѣ пассажиръ-украинецъ получалъ отвѣтъ, что такого билета нѣтъ,—онъ писалъ жалобу въ стан-

ціонной книгѣ и садился въ поѣздъ безъ билета; когда же кондукторъ требовалъ у него деньги за проѣздъ, пассажиръ отвѣчалъ, что заплатитъ только тогда, когда ему выдадутъ удостовѣреніе въ уплатѣ—на украинскомъ языкѣ. Изъ этого сплошь и рядомъ выходили въ большей или меньшей степени рѣзкіе конфликты. Чаще всего начальникъ станціи старался не пустить безбилетнаго пассажира въ поѣздъ, когда же тотъ все-таки проникалъ въ вагонъ, то его выталкивали оттуда силой, для чего на станціяхъ организовались спеціальныя банды изъ низшихъ желѣзнодорожныхъ агентовъ; въ лучшемъ случаѣ пассажиру приходилось имѣть дѣло съ полиціей, съ жандармеріей, съ судомъ. «Билетное движеніе» получило массовый характеръ, при чемъ постоянныя столкновенія задерживали правильное желѣзнодорожное движеніе; иногда на помощь крестьянамъ, получившимъ отказъ въ украинскихъ билетахъ, выходили всѣ ихъ односельчане, ложились на рельсы и, такимъ образомъ, задерживали поѣздъ до тѣхъ поръ, пока станція не выдавала требуемыхъ билетовъ. Подъ вліяніемъ указанныхъ протестовъ желѣзнодорожная администрація должна была уступить, но не надолго: какъ только «билетное движеніе» улеглось, постепенно началась старая исторія съ отказомъ въ украинскихъ билетахъ.

Всѣми такими мѣрами экономическаго, національнаго и политическаго гнета поляки имѣютъ въ виду ослабить украинскій элементъ качественно, задержать его національное развитіе; наиболѣе шовинистическіе польскіе круги не прочь даже, какъ они картинно выражаются, «смести украинцевъ съ лица земли». Къ этой цѣли направлена вся польская политика въ краѣ. «Администрація,—говоритъ проф. М. Грушевскій,—наводняетъ восточную Галицію поляками, чиновниками, учителями и пр. изъ западной Галиціи, между тѣмъ какъ чиновники, учителя и пр. русинской народности, особенно почему-либо «неудобные», назначаются въ польскія мѣстности западной Галиціи, гдѣ они не могутъ быть полезными дѣятельными членами украинскаго общества. Система эта не утратила практическаго значенія и доселѣ, несмотря на громкіе протесты русиновъ. Школы, финансовыя учрежденія, экономическія институціи—все служитъ польскимъ національнымъ цѣлямъ. Какъ откровенно признаются сами поляки въ болѣе искренніе моменты, руководители этой «органической работы» стремятся къ тому, чтобы вознаградить утраты, понесенныя поль-

скою народностью въ Пруссіи и въ Царствѣ Польскомъ, усиленіемъ ея въ Галиціи,—и это усиленіе можетъ произойти только за счетъ народности украинской».

И проводниками такой денаціонализирующей политики являются тѣ, кто одновременно такъ горячо негодуетъ по поводу обрусительныхъ мѣръ въ Польшѣ и познанскаго гакатизма. Недаромъ нѣмецкіе гакатисты въ Познани на выраженія негодованія съ польской стороны противъ германизаціи поляковъ указываютъ послѣднимъ въ свою защиту, между прочимъ, на ихъ полонизаторскую политику по отношенію къ украинскому населенію въ Галиціи [1]).

Политика національной исключительности, естественно, вызываетъ съ украинской стороны рѣшительные протесты. Можно даже удивляться той лойяльности, съ какою встрѣчало до сихъ поръ украинское населеніе всѣ проявленія польскаго гнета. Сопротивленіе украинцевъ имѣло пассивный характеръ, напр., при поддержкѣ своихъ кандидатовъ на выборахъ; лишь наиболѣе экспансивные элементы изъ молодежи—и то въ послѣднее время—стали переходить границы корректности въ способахъ борьбы. Шовинистически настроенное польское студенчество во Львовѣ идетъ гораздо дальше украинскихъ студентовъ, прибѣгая къ палочнымъ избіеніямъ ихъ въ стѣнахъ университета. Въ послѣдніе годы атмосфера украинско-польскихъ отношеній стала все болѣе и болѣе сгущаться, и когда, послѣ избирательныхъ кровопролитій, въ воздухѣ сильно запахло кровью, то можно было ожидать активныхъ проявленій народнаго озлобленія противъ поляковъ. Еще выборы 1908 года въ сеймъ прошли сравнительно спокойно, даже спокойнѣе, чѣмъ обыкновенно (меньше было арестовъ, избіеній, убійствъ), что явилось результатомъ особенныхъ ста-

---

[1]) На протестъ польскихъ членовъ прусскаго сейма противъ системы „гакатизма", направленной къ онѣмеченію польской Познани, прусскій министръ Рейнбабенъ ограничился указаніемъ, въ видѣ возраженія полякамъ, на хозяйничаніе ихъ собратьевъ въ Галичинѣ: „на польскихъ скамьяхъ,—сказалъ онъ,—должны весьма осторожно выступать съ такими обвиненіями, ибо въ противномъ случаѣ я обращу всеобщее вниманіе на галицкія отношенія. Прочтите, господа, галицко-украинскихъ писателей! Тогда вы сумѣете составить себѣ понятіе объ идеальныхъ отношеніяхъ польскаго хозяйничанья и объ угнетеніи поляками другихъ. Поэтому вамъ, господа,—сказалъ министръ, обращаясь къ полякамъ,—слѣдуетъ быть крайне осторожными въ обвиненіи насъ, будто мы угнетаемъ поляковъ". По этому поводу „Slowo Polskie" писало, что украинскій народъ легко германизуется, тогда какъ, будучи ополяченнымъ, этотъ же самый народъ пріобрѣтаетъ способность мощно отражать волны германизаціи и, слѣдовательно, ополяченіе ему—во спасеніе.

раній со стороны украинскаго парламентскаго клуба. Послѣдній, полагаясь на обѣщанія министра-президента Бека и намѣстника Галиціи Потоцкаго, что злоупотребленія при выборахъ будутъ по возможности парализованы и что поэтому украинское населеніе получитъ въ сеймѣ не менѣе 30 мандатовъ, употребилъ все свое вліяніе, чтобы удержать населеніе отъ взрывовъ протеста противъ выборныхъ злоупотребленій. Понятно, что отношенія еще болѣе ухудшились, когда обѣщанія не были исполнены, и украинское населеніе лишній разъ убѣдилось въ томъ, что оно обмануто. Нужно еще замѣтить, что тогдашнимъ выборамъ придавалось особое значеніе въ виду того, что сейму предстояло разсмотрѣть чрезвычайно важный вопросъ о реформѣ мѣстнаго представительства.

Напряженная атмосфера разрядилась кровавымъ актомъ: студентъ-украинецъ Сичинскій, проникнувъ во время пріема къ намѣстнику Галиціи графу Андрею Потоцкому, застрѣлилъ его. Политическая система, создававшая атмосферу озлобленности и отчаянія,—ту атмосферу, въ которой люди теряютъ вѣру въ возможность легальной борьбы, ведущейся культурными способами,—принесла плоды крайне печальные, нетерпимые въ культурномъ обществѣ, но психологически понятные. «Съ осени 1901 г.,—говоритъ «Діло»,—видимымъ главой и фактическимъ spiritus movens et agens системы былъ гр. Потоцкій. Занимая постъ намѣстника, онъ обезпечилъ себѣ такія широкія права и прерогативы, что былъ собственно не конституціоннымъ намѣстникомъ въ предѣлахъ австрійской монархіи, а самодержавнымъ владѣтелемъ края. Такое противоконституціонное положеніе его должно было вызвать и неконституціонныя послѣдствія. Среди нашего общества, которому намѣстникъ незадолго до занятія имъ своего поста грозилъ новымъ Берестечкомъ, долженъ былъ возникнуть внутренній конфликтъ между конституціоннымъ сознаніемъ своего права и сознаніемъ невозможности использовать его. За какую бы работу—въ границахъ конституціонныхъ законовъ—ни брались русины, вездѣ встрѣчались они со всевластнымъ, самодержавнымъ veto, источникомъ котораго была власть гр. Потоцкаго». Дѣйствительно, гр. Андрей Потоцкій былъ убѣжденнымъ и настойчивымъ проводникомъ польской національной политики въ духѣ исторической Польши. Получивъ необычайныя полномочія въ Галиціи, какими

не пользуется въ странѣ самъ императоръ, онъ свою неограниченную власть использовалъ исключительно въ польскихъ интересахъ, съ прямымъ ущербомъ для другой половины населенія. Соціальныя убѣжденія и опредѣляемый ими образъ дѣйствій покойнаго намѣстника Галиціи достаточно стали очевидны изъ нашумѣвшаго у насъ дѣла, по поводу котораго готовился даже запросъ въ Думѣ: въ громадныхъ помѣстьяхъ Потоцкаго, расположенныхъ въ кіевской губерніи, были отняты Потоцкимъ у крестьянъ и вырублены замѣчательные сады, культивировавшіеся крестьянами болѣе 100 лѣтъ и составлявшіе для нихъ единственное средство къ существованію. Дѣятельность такого администратора въ Галиціи настолько переходила всѣ предѣлы допустимаго, что парламентскій украинскій клубъ вошелъ съ представленіемъ къ центральному правительству о необходимости смѣщенія гр. Потоцкаго въ виду крайне шовинистическаго и незакономѣрнаго характера его дѣятельности. Представленіе клуба не было уважено, и Потоцкій палъ жертвою и своей личной и—еще болѣе—общей польской политики въ краѣ.

Смерть гр. Потоцкаго не убѣдила поляковъ, что само польское общество въ значительной мѣрѣ виновно въ смерти своего представителя. Съ убійствомъ гр. Потоцкаго атмосфера не только не разрядилась, но сгустилась еще болѣе. Вся польская пресса, за немногими исключеніями, требуетъ мести по отношенію ко всему украинскому населенію за смерть «представителя польской государственной власти». «Истинно-польскіе патріоты» устраиваютъ погромы во Львовѣ, угрожая украинцамъ «Вареоломеевской ночью». У памятника Мицкевича произносились погромныя рѣчи, среди которыхъ слышалось: «Галиція—это польскій край, а Львовъ—польскій городъ», «позоръ русинамъ», «вѣшать русиновъ», «бить, мучить подлыхъ гайдамаковъ». Одинъ ораторъ заявилъ, что польская молодежь не допуститъ, чтобы на польской землѣ существовалъ украинскій университетъ, и употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы украинскіе студенты и профессора были выброшены изъ университета, потому что «въ стѣнахъ Львовскаго учрежденія не должна раздаваться дикая гайдамацкая рѣчь». Наэлектризованная такими рѣчами толпа разбила стекла въ монастырѣ базиліанъ, въ одной изъ уніатскихъ церквей, въ украинскихъ учрежденіяхъ «Просвіта», «Дністер», въ редакціяхъ украинскихъ газетъ, уничтожила въ книжномъ

магазинѣ «Науковаго товариства імени Шевченка» книгъ болѣе, чѣмъ на тысячу рублей. «Можно было заранѣе предвидѣть,— говоритъ «Głos» по поводу этихъ погромовъ,—что покушеніе на гр. Потоцкаго откроетъ клапанъ всѣхъ страстей реакціи и шовинизма. Вшехпольскіе политики въ своей преступной тупости не понимаютъ, что своимъ поведеніемъ они могутъ поджечь въ восточно-галицкомъ селѣ пламя жакеріи со всѣми ея ужасами. Воскресная трагедія не должна быть началомъ шовинистской оргіи, но грознымъ предостереженіемъ, что въ украинско-польскихъ отношеніяхъ долженъ наступить рѣшительный поворотъ. Успокоеніе умовъ можетъ быть достигнуто не полицейскими репрессіями, а наискорѣйшимъ и наиболѣе справедливымъ удовлетвореніемъ русинскихъ стремленій. Не будетъ въ Галичинѣ спокойствія до тѣхъ поръ, пока не наступитъ полной политической и національной равноправности украинскаго народа. Къ этой цѣли должны стремиться всѣ, кому дорога будущность края».

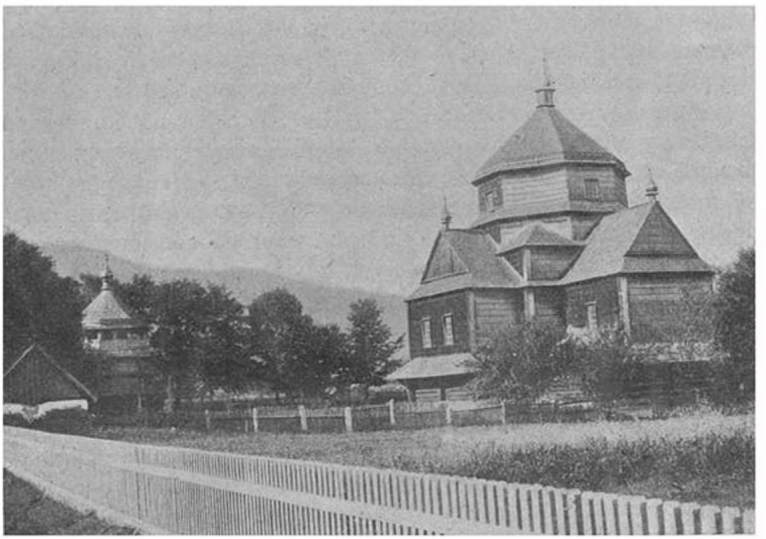
Этотъ единственный голосъ въ польской печати остался въ буквальномъ смыслѣ слова гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Подъ давленіемъ шляхетскаго польскаго коло намѣстникомъ Галиціи былъ назначенъ М. Бобржинскій,—фигура уже достаточно передъ тѣмъ знакомая на политическомъ горизонтѣ Галиціи. Онъ ранѣе занималъ постъ вице-президента Краевой Школьной Рады и заявилъ себя на этомъ посту послушнымъ орудіемъ польской шляхты и убѣжденнымъ полонизаторомъ украинской школы. Этотъ идеологъ польской шляхты (въ своемъ трудѣ по исторіи Польши) являлся несомнѣннымъ,—какъ это открыто высказалъ лидеръ людовской партіи Стапинскій,—«продолжателемъ системы Потоцкаго». Но и такой намѣстникъ уже не могъ удовлетворить чрезмѣрнымъ націоналистическимъ притязаніямъ польскаго общества, и самъ сдѣлался жертвою всепольскаго шовинизма. Какъ ни устранялось австрійское правительство отъ галицкихъ дѣлъ, предоставивъ ихъ всецѣло вѣдѣнію галицкой шляхты, но и оно въ концѣ-концовъ не могло не видѣть, что шовинистически непримиримая политика шляхты не можетъ кончиться добромъ и приняло примирительную политику между двумя враждующими сторонами, обѣщавъ нѣкоторыя уступки украинцамъ въ университетскомъ вопросѣ и въ избирательной реформѣ. И вотъ, въ виду слуховъ объ учрежденіи во Львовскомъ университетѣ двухъ новыхъ украинскихъ каѳедръ, польское студенчество во

время университетскаго диспута закидало намѣстника Бобржинскаго гнилыми яйцами, а когда Бобржинскій выработалъ проектъ новаго избирательнаго закона, хотя и совершенно непріемлемый для украинцевъ, то, по настоянію шляхты, Бобржинскій долженъ былъ оставить свой постъ.

Продолженіе полонизаторской, феодально-классовой политики въ Галиціи не только не обѣщало успокоенія, но грозило еще большими столкновеніями враждующихъ сторонъ. Тамъ, гдѣ послѣ многихъ вѣковъ безпрерывной, упорной борьбы возможны были, какъ естественный финалъ, кровавыя убійства и дикіе погромы, гдѣ та и другая стороны могутъ использовать свѣже-дымящуюся кровь лишь въ качествѣ новаго горючаго матеріала для все болѣе распаляющагося взаимнаго озлобленія, тамъ о примиреніи не могло быть и рѣчи, разъ оставался роковой источникъ исторической вражды. Источникъ этотъ—господство въ краѣ польской шляхты съ ея неизмѣнными традиціями классовой и національной исключительности, шляхты, ничему не научившейся ни изъ исторіи, ни изъ жизни. Для украинскаго населенія примириться съ непримиримой шляхтой—значило бы оставить всякую надежду на улучшеніе своей политической и соціальной участи и отказаться отъ своего національнаго «я», такъ какъ при непримиримости польской шляхты было бы непростительной наивностью разсчитывать на то, что она пойдетъ на какія-либо уступки по мотивамъ справедливости и сойдетъ со своей многовѣковой, прочно установившейся, исторической позиціи.

Такія тенденціи польской шляхты не являются только тайными ея вожделѣніями, но высказываются при всякомъ случаѣ съ откровенностью, доходящею до цинизма. Вдохновитель «народовой демократіи» по обѣимъ сторонамъ кордона Романъ Дмовскій очень опредѣленно высказался, что вся польская политика по отношенію къ украинцамъ—та политика, о которой была рѣчь выше—это, по его мнѣнію, «гуманитарная распродажа Польши», и г. Дмовскій рѣшительно рекомендуетъ пренебречь совѣтами тѣхъ политиковъ, которые стоятъ за удовлетвореніе украинскихъ домогательствъ. Мотивировка такихъ рецептовъ г. Дмовскаго такъ характерна, что мы не можемъ не привести ее. «Способные народы,—говоритъ онъ,—способные для борьбы, только въ борьбѣ вырастаютъ... Если украинцы должны стать поляками, то нужно

ихъ полонизировать; если же они имѣютъ быть самостоятельнымъ, способнымъ къ жизни и къ борьбѣ украинскимъ народомъ, нужно ихъ заставить достигать путемъ тяжелыхъ усилій того, что они желаютъ имѣть, заставлять ихъ закалять себя въ огнѣ борьбы, какой нуженъ имъ еще болѣе, чѣмъ намъ, ибо они отъ природы еще болѣе пассивны и лѣнивы, чѣмъ мы. Если мы будемъ давать имъ безъ протеста все, чего они хотятъ, и даже больше, чѣмъ хотятъ, то такимъ путемъ мы только откажемся отъ Украйны,



Церковь въ с. Микулычини.

но украинскаго народа не создадимъ. Удовлетворивъ ихъ чрезмѣрные теперь аппетиты, мы оставимъ эту прекрасную землю пассивнымъ лѣнтяямъ, самостоятельность которыхъ просуществуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь болѣе энергичный, чѣмъ мы, не наложитъ на нихъ свою руку. Вмѣсто самостоятельнаго украинскаго народа мы приготовимъ удобреніе для россійскаго народа» «Mysli novozesnego Polaka»). Весьма характерно, что галицкая шляхта старается сохранить непримиримость своей національной позиціи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ей факти-

чески приходится уступать въ силу неустранимой необходимости. Это мы и видимъ на фактахъ послѣдняго времени. Справедливость украинскихъ требованій въ концѣ-концовъ становилась слишкомъ для всѣхъ очевидною, неудовлетвореніе ихъ останавливало дѣятельность не только галицкаго сейма и всей мѣстной административной машины, но и вносило разстройство въ дѣятельность общеимперскаго парламента; становилось совершенно ясно, что безъ уступокъ не обойтись, при чемъ въ послѣднее время уступки эти уже превосходили по своимъ размѣрамъ прежнія скромныя обѣщанія: вмѣсто нѣсколькихъ каѳедръ сталъ на очередь вопросъ объ отдѣльномъ украинскомъ университетѣ; въ проектѣ сеймоваго избирательнаго закона права украинскаго населенія также намѣчались въ болѣе широкомъ объемѣ, и въ концѣ-концовъ подавляющее большинство галицкаго сейма принципіально приняло этотъ проектъ; но галицкая шляхта не могла допустить мысли, чтобы всѣ эти уступки, даже если онѣ неустранимы, могли быть приняты не по ея иниціативѣ; и вотъ происходитъ комедія удаленія намѣстника, принявшаго на себя иниціативу уступокъ, роспускъ сейма, согласившагося на эти уступки, и затѣмъ принятіе тѣхъ же уступокъ польскою шляхтою. Этимъ сохранялся престижъ шляхты, какъ всецѣлой и безконтрольной распорядительницы судьбами Галиціи.

Какъ ни печально констатировать этотъ фактъ, но дѣйствительность неопровержимо говоритъ, что гакатизмъ польской шляхты не претитъ сколько-нибудь серьезно и болѣе прогрессивнымъ слоямъ польскаго общества. Изъ среды послѣдняго не раздается не только протеста, но хотя бы и слабаго возраженія противъ политики грубаго національнаго гнета въ Галиціи. На почвѣ этого національнаго гнета единодушно сходятся всѣ польскія партіи, даже весьма существенно расходящіяся по своей политико-соціальной программѣ. Приведенный выше голосъ соціалъ-демократическаго «Glos'a» по поводу убійства гр. Потоцкаго былъ единичнымъ мнѣніемъ этого органа, безъ всякой связи съ общими взглядами партіи на украинско-польскія отношенія. Соціалъ-демократъ Діамандъ въ парламентской бюджетной комиссіи, разсматривавшей вопросъ объ украинскомъ университетѣ, былъ вполнѣ солидаренъ съ членами польскаго клуба, отнесшимися къ данному вопросу совершенно отрицательно. Отстаивая интересы городскихъ классовъ, соціалъ-демократическая партія

нерѣдко становится въ отношенія рѣзкаго конфликта съ украинскими партіями, защищающими интересы украинскаго крестьянства; такъ, напр., при распредѣленіи избирательныхъ округовъ во время парламентской избирательной реформы соціалъ-демократы, при поддержкѣ консервативныхъ польскихъ партій, отняли у украинцевъ нѣсколько лишнихъ мандатовъ. Другая, считающаяся демократическою, польская патрія—«людовцы»,—представляющая интересы польскаго крестьянства, офиціально заявила, въ лицѣ своего парламентскаго лидера Стапинскаго, что по вопросамъ національной политики въ Галиціи она во всемъ солидарна со шляхетскимъ польскимъ клубомъ. Эта солидарность фактически закрѣплена выборнымъ союзомъ шляхты и людовцевъ, при чемъ эти послѣдніе за поддержку кандидатовъ польской шляхты въ украинской части Галиціи получали здѣсь отъ нея, при помощи жандармскихъ сабель и штыковъ, мандаты за счетъ украинскаго крестьянства. Такимъ образомъ, прогрессивность и демократизмъ польскихъ партій въ Галиціи не идетъ далѣе той грани, за которою начинается польскій status possidendi (stan posiadania); начиная съ этой фатальной черты польскій демократизмъ немедленно улетучивается; пусть лучше страдаютъ принципы демократіи, пусть въ сеймѣ господствуютъ шляхтичи-аграріи,—лишь бы не попали въ него представители интересовъ украинской народной массы и лишь бы, такимъ образомъ, власть надъ украинскимъ населеніемъ въ Галиціи сохранилась въ польскихъ рукахъ. Какой послѣ этого жестокой насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ звучатъ измышленія политической дальновидности россійскихъ націоналистовъ, изо дня въ день называющихъ украинское движеніе порожденіемъ польской интриги!

Украинскіе элементы Галиціи вели борьбу не противъ польскаго н а р о д а, а противъ г н е т а, исходившаго отъ этого народа въ лицѣ руководящихъ шляхетскихъ его слоевъ, угнетающихъ также и свой народъ. Моральныя основы борьбы украинскаго и польскаго элементовъ расходились кореннымъ образомъ: съ одной стороны мы видимъ борьбу за законныя права на своей землѣ, съ другой—стремленіе удержать и усилить господство на чужой, украинской землѣ, всецѣло обратить ее въ наиболѣе удобную почву для служенія классовымъ интересамъ польской шляхты. Украинство ненавистно польской шляхтѣ не только за его рѣшительность въ національныхъ требованіяхъ, но—

и, повидимому, всего болѣе—за его демократизмъ въ политикѣ, за глубокую соціальную подкладку украинскаго національнаго движенія. Торжество этого послѣдняго означало бы прогрессъ въ политическомъ и соціальномъ освобожденіи народныхъ массъ, тогда какъ владычество шляхты, являлось вмѣстѣ съ тѣмъ и преобладаніемъ реакціонныхъ силъ въ сферѣ политической и соціальной. По исторически испытанному трафарету польская шляхта подъ національнымъ лозунгомъ устраивала въ сущности свои узкіе классовые интересы и своей угодливостью предъ центральнымъ австрійскимъ правительствомъ, своими антидемократическими услугами ему обезпечивала себѣ безконтрольное владычество въ Галиціи въ духѣ сословныхъ интересовъ. Малѣйшая опасность для этихъ послѣднихъ заставляла галицкую шляхту бить въ набатъ и спѣшно мобилизировать всѣ національныя силы края для защиты «польскаго элемента». Такъ, напр., въ дни «Освободительнаго движенія» въ Россіи львовскій органъ народовыхъ демократовъ забилъ тревогу по поводу того сочувствія, какое было имъ подмѣчено среди украинскаго общества въ Галиціи по отношенію къ предполагавшейся въ Россіи коренной аграрной реформѣ. Въ статьѣ, посвященной такимъ опаснымъ симптомамъ среди украинскаго общества, одна народовческая газета писала: «Связь нашихъ украинцевъ съ россійскими обнаружилась такъ ярко, что нужно быть готовымъ ко всякимъ послѣдствіямъ этой связи. Охранить насъ отъ печальныхъ послѣдствій ея можетъ только разумная и энергичная политика края, которая будетъ имѣть смѣлость стать опредѣленно на польской точкѣ зрѣнія и понять, что только элементъ польскій сумѣетъ въ этотъ моментъ сохранить единство и нераздѣльность края и уберечь его отъ опасности, грозящей со стороны Россіи, которая начинаетъ теперь вліять и все сильнѣе затрагивать здѣшнія отношенія подъ лозунгомъ и знаменемъ реформы...». Такимъ образомъ, вопли польской шляхты о спасеніи отечества перемѣнили только внѣшнюю марку: раньше они пугали австрійское правительство призракомъ панславистскихъ стремленій русиновъ, затѣмъ выдвигали другой жупелъ—русскую революцію, а теперь, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, пугаютъ русскую администрацію въ краѣ призракомъ революціонности украинскихъ народныхъ массъ, внутренняя же сущность—охраненіе незыблемости классовыхъ интересовъ польскихъ аграріевъ—остается неизмѣнною.

Напряженность польско - украинскихъ отношеній неоднократно выдвигала вопросъ объ урегулированіи ихъ, такъ какъ ожесточенная вражда двухъ родственныхъ народностей одинаково вредна для обѣихъ. Справедливость требуетъ сказать, что украинская сторона не была нападающей въ этой братоубійственной борьбѣ, насчитывающей уже не одну сотню лѣтъ и мѣнявшей за это время лишь внѣшнія формы, но не внутреннюю сущность. Агрессивную политику начали и до сихъ поръ ее поддерживаютъ поляки,—собственно польская шляхта, всегда смотрѣвшая на украинскій народъ, какъ на удобреніе для «высшей» польской культуры. Отношенія къ полякамъ съ украинской стороны прекрасно очерчены въ одномъ изъ стихотвореній Шевченка, гдѣ онъ, нарисовавъ яркую картину, какъ свободный украинскій народъ «братався з вольними Ляхами», говоритъ затѣмъ:

Неситиї ксьондзи, магнати
Нас порізнили, розвели;
А ми б і досі так жили.
Подай же руку козакові
І сердце чистее подай,
І знову іменем Христовим
Ми оновим наш тихий рай!

По этой украинской программѣ національныхъ отношеній направленіе польской политики должно базироваться на совершенно иныхъ, чѣмъ теперь, основаніяхъ. Вмѣсто принципа исторической Польши—stanu posiadania—по отношенію къ украинскому населенію поляки должны усвоить себѣ принципъ національнаго взаимоуваженія и равноправія, должны стать въ положеніе рядовыхъ равноправныхъ работниковъ на пользу того края, въ которомъ они живутъ, и трудиться для блага его рабочихъ массъ безъ различія ихъ національности. Это—основной взглядъ всѣхъ украинскихъ направленій, безъ различія ихъ политическихъ и соціальныхъ оттѣнковъ. Извѣстный руководитель украинскаго движенія въ Галиціи (70—90 г.г.) М. П. Драгомановъ, признавая всѣ права преобладанія польскаго элемента, съ обезпеченіемъ правъ меньшинства, въ предѣлахъ Польши этнографической, однако по отношенію къ областямъ, лежащимъ за границами этнографической Польши, считалъ польскій вопросъ «только

вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ и, мѣстами, общинъ, колоній». Практическое разрѣшеніе этого теоретическаго положенія представлено недавно скончавшимся другимъ виднымъ украинскимъ дѣятелемъ и ученымъ проф. В. Б. Антоновичемъ, который видѣлъ выходъ изъ создавшихся невозможныхъ польско-украинскихъ отношеній только въ одномъ—въ отреченіи отъ польско-шляхетской національной исключительности и въ работѣ на пользу населенія края. Современный украинскій дѣятель и ученый, проф. М. Грушевскій, такъ высказывается по вопросу объ улаженіи польско-украинскихъ отношеній: «Не возобновляя исторической тяжбы, нужно признать, однако, что національная справедливость налагаетъ на поляковъ освобожденной Россіи нелегкую, но благодарную задачу—воспользоваться тѣми матеріальными средствами, которыя собрали въ ихъ рукахъ предки-завоеватели и угнетатели, для возрожденія экономическаго и культурнаго подъема тѣхъ народностей, на счетъ которыхъ создалась сила, значеніе и привилегированное положеніе народности польской,—населенія украинскаго, бѣлорусскаго и литовскаго. Если поляки Украины, Бѣлоруссіи и Литвы станутъ на эту точку здѣнія, если они почувствуютъ себя гражданами того края, привилегированное положеніе въ которомъ создала имъ исторія,—призванными трудиться для блага его рабочихъ массъ безъ различія ихъ національности, для интересовъ края вообще,—то желательный modus vivendi тѣмъ самымъ установится».

Попытокъ урегулированія отношеній поляковъ и украинцевъ было безконечное множество—и въ болѣе отдаленныя времена, начиная съ Люблинской уніи, при Хмельницкомъ, въ періодъ такъ-называемой руины, и въ болѣе близкія къ намъ времена. Въ началѣ 80-хъ годовъ взялся за это извѣстный украинскій литературный и общественный дѣятель Кулишъ, человѣкъ, въ послѣдній періодъ эволюціи его соціально-политическихъ воззрѣній съ большимъ уваженіемъ относившійся къ польской государственности,—но попытка его оказалась совершенно безуспѣшною; въ 1890 г. украинскіе политики въ Галиціи предприняли героическую попытку заключить союзъ съ правящимъ польскимъ классомъ; но слишкомъ скоро эта такъ-называемая «угода», заключенная на крайне унизительныхъ для украинцевъ условіяхъ, лопнула какъ мыльный пузырь. Трудность соглашеній по-

слѣдняго времени по вопросамъ объ украинскомъ университетѣ и выборной реформѣ еще болѣе подтверждаетъ практическую несостоятельность какихъ бы то ни было союзовъ украинской демократіи съ польской шляхтой. Всѣ попытки въ этомъ направленіи слѣдуетъ признать безнадежно осужденными на неуспѣхъ, такъ какъ онѣ пытаются создать фактъ очевидной психологической невозможности. Если при этомъ принять во вниманіе, что польская шляхта всегда занимала въ польскомъ обществѣ руководящее положеніе и что ея принципами національной исключительности роковымъ образомъ проникались въ концѣ-концовъ и болѣе прогрессивные элементы польскаго общества, то легко понять тотъ неизбѣжный выводъ, къ которому пришли украинскіе политики, на основаніи историческаго многовѣкового опыта признавшіе, что при наличныхъ, реальныхъ отношеніяхъ украинской и польской національностей въ Галиціи имъ остается одно— территоріально размежеваться путемъ территоріальнаго административнаго раздѣленія Галичины на украинскую (восточную) и польскую (западную). Когда изъ взаимныхъ отношеній этихъ двухъ народностей будутъ совершенно исключены элементы угнетенія съ одной стороны и подчиненія съ другой, отношенія ихъ сразу потеряютъ свою настоящую напряженность, такъ какъ будутъ отсутствовать всѣ тѣ тренія, которыя насыщаютъ атмосферу польско-украинскихъ отношеній энергіей вражды и взаимнаго озлобленія. Когда не будетъ поводовъ для взаимныхъ столкновеній на почвѣ преобладанія и защиты своихъ реальныхъ интересовъ, то для отношеній между двумя родственными славянскими народностями не можетъ быть другой базы, кромѣ простого общечеловѣческаго альтруизма. Тогда окажется легко и вполнѣ практически осуществимымъ приведенный нами выше призывъ поэта къ братскому народу.

Политическая жизнь.

I.

Польско-украинская борьба рѣзко раздѣляетъ политическіе элементы края на двѣ противоположныя по своимъ національнымъ признакамъ стороны—польскую и украинскую. Національный моментъ играетъ первенствующую роль въ галицкой политической жизни и въ галицкихъ отношеніяхъ. Національнымъ флагомъ покрывается борьба за интересы, которые далеко выходятъ собственно за національныя рамки, и въ національности символизируется вся совокупность жизненныхъ интересовъ борющихся сторонъ. Украинская сторона защищаетъ и отстаиваетъ интересы украинской народной массы и представляется какъ самою этою массой, выросшей въ живую политическую силу, такъ и вышедшею изъ ея среды и сохраняющею самую близкую и непосредственную связь съ ней украинскою интеллигенціей. Это по своему соціальному составу и соціальнымъ идеаламъ—сторона демократическая. Интересы украинскаго демоса—соціальные, политическіе, культурные—въ главной мѣрѣ входятъ въ программы всѣхъ украинскихъ политическихъ партій, которыя, такимъ образомъ, всѣ стоятъ на одной общей демократической основѣ и различаются между собою не столько существомъ программныхъ задачъ, сколько собственно тактикой въ достиженіи ихъ.

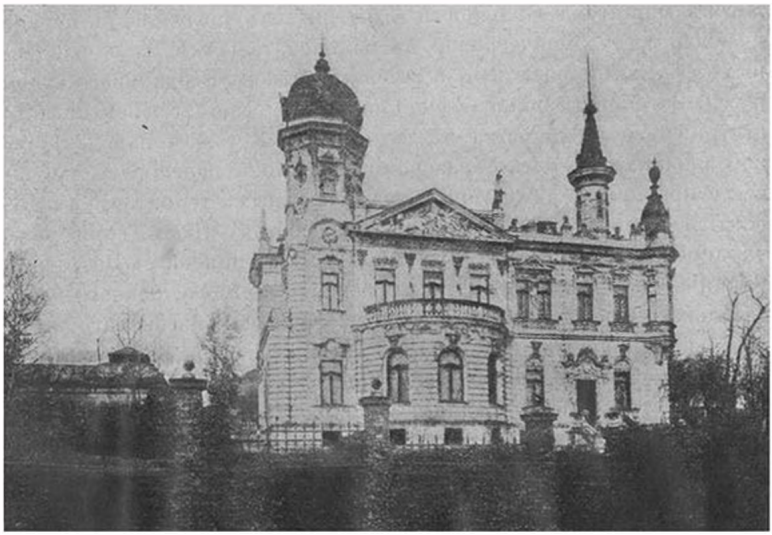
Борьба съ поляками до послѣдняго времени объединяла всѣ политическія украинскія партіи, вынуждала идти вмѣстѣ къ одной цѣли людей съ различными оттѣнками политико-соціальныхъ воззрѣній. Только со времени послѣдняго польско-украинскаго соглашенія въ вопросѣ о реформѣ выборовъ въ сеймъ, когда представилась бо́льшая возможность положительной работы въ сеймѣ, можно было ожидать и большей дифференціаціи украинскихъ политическихъ партій. До этого же времени они представляли одну компактную политическую силу, объединенную однѣми

общими національно-народными идеями. При всѣхъ несомнѣнныхъ отрицательныхъ сторонахъ такого политическаго партійнаго однообразія, это послѣднее имѣло одну главную и все искупающую положительную сторону: объединенныя въ своей дѣятельности различныя партіи создавали такую равнодѣйствующую своей политической силы, какой онѣ не имѣли бы при раздѣльной тактикѣ дѣйствій, и вслѣдствіе этого достигали максимума результатовъ, какой лишь возможенъ былъ при наличныхъ условіяхъ.

Самою сильною и наиболѣе организованною изъ украинскихъ партій является національно-демократическая партія. Эта партія образовалась въ 1899 г. изъ давней народовской партіи, принявъ въ свою программу много положеній (главнымъ образомъ экономическаго и соціальнаго характера), общихъ съ программой радикальной партіи (за исключеніемъ ярко выраженнаго соціализма и антиклерикализма), при чемъ въ составъ національно-демократической партіи вошли и нѣкоторые видные радикалы (напр., Иванъ Франко). Основное стремленіе національно-демократической партіи—демократизація политическаго строя и режима. Этой цѣли должно служить прежде всего введеніе всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія при выборахъ и установленіе пропорціональнаго представительства для меньшинства. Въ національныя требованія національно-демократической программы входитъ нормированіе національныхъ отношеній законодательнымъ путемъ, переустройство имперіи на началахъ національно-территоріальной автономіи, вмѣсто автономіи коронныхъ областей, созданіе украинской національной провинціи путемъ отдѣленія восточной Галичины отъ западной и соединенія ея съ украинской территоріей Буковины, и впредь до осуществленія такого національнаго раздѣла—созданіе національныхъ департаментовъ въ областныхъ органахъ администраціи и самоуправленія. Въ отношеніи экономическомъ требованія національно-демократической программы составляютъ: широкое аграрное законодательство, подоходный налогъ съ освобожденіемъ отъ налога минимальныхъ доходовъ и т. д. Главный литературный органъ партіи—«Діло». Національно-демократическая партія объединяетъ большинство національно-настроеннаго украинскаго общества. Удѣльный политическій вѣсъ ея опредѣляется числомъ голосовъ на послѣднихъ выборахъ въ парламентѣ, когда

націоналъ-демократы получили 76% украинскихъ голосовъ (радикалы—17%, соціалъ-демократы—7%).

Радикальная партія образовалась въ концѣ 1889 г. изъ лѣвыхъ элементовъ старой народовской партіи подъ воздѣйствіемъ М. П. Драгоманова. Въ противовѣсъ народовской партіи, развивавшей свою дѣятельность преимущественно въ сферѣ культурно-національныхъ стремленій, радикальная партія выдвинула на первый планъ вопросы и задачи соціально-экономическіе. Съ 1899 г.,



Украинскій національный музей во Львовѣ.
(Основанъ Митроп. А. Щептицкимъ).

послѣ того какъ партія народовская реформировалась въ народно-демократическую, разница между радикальною и н.-д. партіями состоитъ, главнымъ образомъ, въ тактикѣ. Въ 1904 г. программа радикальной партіи вновь была переработана. Исходя изъ того положенія, что окончательное освобожденіе украинскаго населенія отъ его общественнаго и политическаго порабощенія тѣсно связано съ общественно-экономическимъ освобожденіемъ трудящихся массъ всѣхъ культурныхъ народовъ, партія борется за обезпеченіе массамъ украинскаго народа возможности свобод-

наго пользованія всѣми плодами ихъ трудовъ и за обезпеченіе условій, необходимыхъ для свободнаго развитія всѣхъ культурныхъ силъ народа. Въ качествѣ ближайшихъ своихъ цѣлей въ границахъ Австріи партія ставитъ слѣдующіе постулаты въ области экономической: организація рабочихъ массъ въ цѣляхъ самообороны противъ эксплуатаціи, широкое аграрное и фабричное законодательство, передача частновладѣльческихъ земель крупныхъ собственниковъ въ вѣдѣніе общественныхъ управленій, прогрессивный подоходный налогъ, съ освобожденіемъ отъ налоговъ минимума доходности и предметовъ потребленія первой необходимости, уничтоженіе въ законодательствѣ и въ различныхъ формахъ общественной жизни остатковъ феодальнаго строя и т. д. Въ области политической партія домогается: реорганизаціи австрійскаго государства въ федеративный союзъ народовъ, ее населяющихъ, путемъ образованія, вмѣсто теперешнихъ коронныхъ провинцій, автономныхъ національныхъ территорій съ гарантіей меньшинству всѣхъ политическихъ правъ, при чемъ украинская часть Буковины должна быть соединена съ Восточной Галиціей въ одну территорію; всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ; пассивнаго избирательнаго права, одинаковаго для женщинъ и мужчинъ; расширенія правъ самоуправляющихся общинъ, передачи имъ судебныхъ и административныхъ функцій и сокращенія администраціи; въ области просвѣщенія и культуры радикальная партія выставляетъ рядъ требованій, гарантирующихъ свободу развитія какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлымъ народамъ. Въ практической своей дѣятельности партія стремится осуществлять преимущественно экономическую сторону своей программы, но фактически принимаетъ дѣятельное участіе въ польско-украинской борьбѣ, видя въ полонизаціи одну изъ главныхъ причинъ пониженія культурнаго, а въ связи съ этимъ, политическаго и соціально-экономическаго уровня украинскаго населенія. При сходствѣ основныхъ положеній программъ н.-д. и радикальной партій, вторую можно считать лѣвымъ крыломъ первой. Литературный органъ радикальной партіи—«Громадський Голос».

Радикальная партія имѣетъ въ виду интересы галицкаго пролетаризованнаго крестьянства и много сдѣлала въ отношеніи политическаго ея воспитанія. Интересы украинскаго фабричнаго пролетаріата обслуживаетъ соціалъ-демократическая партія

(съ 1899 г.), наиболѣе молодая и малочисленная, въ виду вообще слабаго развитія промышленности въ Галиціи. Въ послѣднее время украинскіе с.-д. начали свою агитацію въ селахъ среди сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Литературные органы ихъ—«Воля» и «Земля і Воля».

Въ послѣднее время въ средѣ галицкихъ украинскихъ партій появилась новая клерикально-консервативная партія «христіанско-соціальная». Партія эта—обломокъ старой польско-украинской «угоды» 1890 г. Какъ извѣстно, «угода» явилась результатомъ стремленій польскихъ правящихъ круговъ усыпить соціально-политическія стремленія украинскаго общества путемъ уступокъ ему въ культурно-національной области и тѣмъ парализовать болѣе широкія и активныя домогательства съ его стороны. Если «угода» могла еще въ свое время имѣть нѣкоторое практическое оправданіе для себя въ политической слабости тогдашнихъ украинскихъ силъ, то четверть вѣка спустя, при громадномъ ростѣ этихъ силъ, параллельно съ ростомъ политическаго самосознанія украинскаго населенія Галиціи, возникновеніе угодливой правительственной партіи, при общемъ оппозиціонномъ направленіи всѣхъ слоевъ украинскаго населенія, является уже анахронизмомъ. Достойно вниманія, однако, для характеристики галицкихъ національныхъ отношеній, что даже партія, столь лойяльная въ отношеніи польскихъ правящихъ круговъ, вынуждена часто переходить въ оппозицію къ нимъ по вопросамъ національнаго характера. Литературный органъ партіи—«Руслан».

II.

Указанныя партіи, при всей разницѣ программныхъ политическихъ и соціальныхъ положеній, стоятъ на одной общей національной украинской основѣ; всѣ онѣ исходятъ изъ положенія, что развитіе жизни народа можетъ быть успѣшнымъ и прочнымъ только въ томъ случаѣ, когда находится въ соотвѣтствіи съ требованіями его національной природы. Но имѣется въ средѣ украинскаго населенія Галиціи группа, отрицающая за украинскимъ народомъ право на самостоятельное національное развитіе и утверждающая, что великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы—одна національная особь, что украинскій языкъ—не языкъ,

а жаргонъ, и что литературнымъ языкомъ украинцевъ долженъ быть языкъ великорусскій; отсюда стремленіе данной группы руссифицировать галицкое крестьянство, прививъ ему преэрѣніе не только къ украинскому языку, но и вообще къ украинской національной культурѣ.

Какъ выше было указано, населеніе восточной Галиціи и Буковины говоритъ на томъ же языкѣ, какъ и населеніе русской Украины, и этнографически, и лингвистически отлично отъ великорусскаго племени, отъ котораго оно отдѣлено громадными пространствами земель, населенныхъ украинцами. Великорусскій языкъ не имѣлъ здѣсь и значенія государственнаго, какъ въ русской Украинѣ, ибо кромѣ государственнаго нѣмецкаго языка, областными языками, по австрійской конституціи, признавались въ Галиціи языки польскій и украинскій, въ Буковинѣ—румынскій и украинскій; эти языки были приняты въ администраціи, въ судѣ, въ школѣ, въ прессѣ; на этихъ же языкахъ развивалась литература и наука. Поэтому источникъ отреченія отъ родного украинскаго языка со стороны данной группы нельзя искать въ здоровомъ національномъ чувствѣ; отреченіе это—продуктъ національнаго чувства, подавленнаго многовѣковымъ чуждымъ гнетомъ, когда отдѣльнымъ элементамъ народа, прошедшаго историческій путь тяжелыхъ испытаній, постепенно прививались недовѣріе къ силамъ своего народа, чувство стыда передъ болѣе культурными націями за свою національность, за свой родной языкъ,—что въ свою очередь ослабляло силу національнаго сопротивленія передъ иными культурными вліяніями. Отсюда видимъ въ прошломъ и настоящемъ украинскаго народа ополяченіе не только верхнихъ его слоевъ, но и нѣкоторой части народныхъ его низовъ, румынизацію, мадьяризацію, а параллельно съ этимъ національнымъ ренегатствомъ и рядомъ съ упорнымъ стремленіемъ главной массы народа къ самостоятельному національному развитію пускала ростки романтически-заманчивая идея единаго великаго русскаго народа.

Идея эта, повидимому, впервые нашла себѣ выраженіе въ изданіи (1830 г.) Д. Зубрицкимъ Державинской оды «Богъ»; изданіе это не нашло, впрочемъ, ни спроса, ни подражанія. Въ 1850 г. тотъ же Зубрицкій принялъ на себя редактированіе наиболѣе важнаго въ то время органа галицкаго народнаго движенія—«Зоря Галицька», при чемъ задался цѣлью сдѣлать «мягкій»

украинскій языкъ болѣе «твердымъ» чрезъ введеніе церковно-славянскихъ и великорусскихъ словъ. Этимъ положено было начало такъ называемаго «язычія»,—гибриднаго языка, представляющаго искусственное смѣшеніе нѣсколькихъ языковъ—славянскаго, русскаго, украинскаго. Это чисто литературное теченіе пріобрѣтаетъ политическій характеръ съ 1866 г., когда, послѣ пораженія при Садовой, возникли слухи, что Австрію должна постигнуть судьба Польши и что Галиція должна достаться Россіи. «Твердоруссы» рѣшили использовать положеніе, и въ газетѣ «Слово» появилась декларація руссофильскаго характера, въ которой заявлялось, что «Русь галицкая, угорская, кіевская, московская, тобольская и т. д. представляетъ собою одно и то же въ этнографическомъ, историческомъ, языковомъ, литературномъ и обрядовомъ отношеніяхъ». Вслѣдъ затѣмъ Иванъ Наумовичъ сдѣлалъ въ концѣ того же года заявленіе въ сеймѣ, что «книжный великорусскій языкъ—это, собственно говоря, языкъ малорусскій, выработанный малороссами; принимая этотъ языкъ, мы возвращаемъ нашу собственность». Тогда же появилась брошюрка (Б. Дѣдицкаго): «Въ одинъ часъ научитися малорусину по русски».

«Одинъ часъ» растянулся на полъ-вѣка и безъ всякаго результата, конечно, потому, что для бытового усвоенія русскаго языка въ Галиціи не было почвы. Проф. А. Погодинъ, котораго нельзя заподозрить въ несочувствіи галицкимъ «твердоруссамъ», отзывается, что послѣдніе «только платонически вздыхали по русскому языку: они его не знали и не изучали, русскія книги собирались, читались и переводились по преимуществу не ими, а ихъ врагами, украинцами, у которыхъ лучшая русская библіотека въ Галиціи. Тотъ русскій языкъ, который они вводили въ свои книги, нисколько не менѣе непонятенъ русскому читателю, нежели украинскій языкъ галицкой письменности. Поймите, напримѣръ, такую фразу: «каждому подорожному заосмотренному въ билетъ» (т.-е. имѣющему билетъ) или «тотъ заказъ относится особенно до набитого оружія» («это запрещеніе касается заряженнаго оружія») и т. д. Эти фразы, взятыя изъ календаря, изданнаго Обществомъ имени Качковскаго,—общее явленіе того русскаго языка, который почему-то выдается за русскій литературный языкъ» («Моск. Еженедѣльникъ», 1909 г., № 24). Сами «твердоруссы» сознаются въ этомъ, подводя такіе итоги своей руссификаторской агитаціи: «въ теченіе этихъ 10 лѣтъ (1901—1911) нѣсколько

десятковъ интеллигентовъ и нѣсколькональцать мужиковъ изучили русскій литературный языкъ настолько, что одна часть изъ нихъ владѣетъ имъ совершенно въ письмѣ и словѣ, другая же можетъ съ полнымъ пониманіемъ читать русскую книгу... А народъ, въ своей громадной массѣ, какъ говорилъ по-малорусски, такъ говоритъ и дальше» («Галичанинъ», 1911 г., № 219). Газеты и книжки для народа, чтобы быть понятными для него, пишутся «твердоруссами» вовсе не на томъ «образованномъ» языкѣ, на какомъ издаются газеты для «нѣсколькихъ десятковъ интеллигентовъ и нѣсколькональцати мужиковъ», а на компромиссномъ языкѣ, представляющемъ смѣшеніе русскихъ и украинскихъ элементовъ и маскирующемъ непонятность русскаго языка для украинскаго крестьянства. Вотъ, напримѣръ, обращеніе къ подписчикамъ народной газеты «Русская Земля»:

Прійшла я, къ вамъ, хлѣборобы,
Въ ваши хлопски стрѣхи,
Для науки просвѣщенія,
Та и для потѣхи...
Мои братя хлѣборобы!
Пріймѣть мене въ хату,
Постарайтесь о грошики,
Пришлійте заплату.
Смѣло стану въ оборонѣ
Нашой Руси славной,
Р у с с к о й б у к в ы и я з ы к а;
Вѣры православной!
Т о л ь к о, братья хлѣборобы,
Пріймѣть мене въ хату,
Постарайтесь о грошики,
Пришлійте заплату...

Такая тактика понятна: вѣдь галицкіе руссификаторы все время твердятъ, что украинскія партіи стремятся лишить галицкое населеніе его родного языка, при чемъ тѣ темные слои галицкаго крестьянства, среди которыхъ такая пропаганда можетъ имѣть успѣхъ, въ простотѣ душевной убѣждены, что покушеніе въ данномъ случаѣ производится на тотъ именно языкъ, на которомъ они говорятъ повседневно,—на родную ихъ малорусскую

рѣчь; было бы поэтому неосмотрительно кажущимся защитникамъ этой рѣчи обращаться къ народу на непонятномъ языкѣ, какимъ, конечно, въ значительной мѣрѣ является русскій языкъ для галицкой крестьянской массы.

Политическое и соціальное міровоззрѣніе твердорусской или, какъ ее иначе называютъ, старорусской и москвофильской партіи— въ большей или меньшей степени реакціонное. Мечты о національномъ сліяніи народныхъ массъ отъ Карпатъ до Камчатки заслоняли для лицъ этого лагеря живой народъ съ его конкретными національными чертами и съ его реальными интересами, и отношеніе ихъ къ этому народу, говорящему «на языкѣ свинопасовъ и волопасовъ», всегда было по меньшей мѣрѣ пренебрежительное. Это въ сильной степени замѣтно уже во взглядахъ духовнаго вождя даннаго движенія—Д. Зубрицкаго, который, какъ выше уже упоминалось, писалъ: «есть мрачные иступленники, или скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣни доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка, употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушавшіеся только къ простонародному разговору своихъ слугъ и работниковъ и желавшіе теперь, чтобы мы писали свою исторію на областномъ нарѣчіи галичской черни. Странное и смѣшное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтиря». И затѣмъ всегда москвофильство старалось противопоставить себя украинству, какъ элементъ консервативный. Во время такихъ массовыхъ движеній, какъ аграрныя забастовки, имѣвшія въ Галиціи особый характеръ народной самозащиты отъ всесторонней эксплоатаціи крестьянскихъ массъ галицкою шляхтой, или какъ движеніе въ пользу демократической выборной реформы, представители данной партіи всегда старались демонстративно подчеркнуть свою лойяльность. Противъ чествованія Шевченка партія протестуетъ потому, во-первыхъ, что онъ былъ «безбожникъ», и, во-вторыхъ, въ своихъ произведеніяхъ посвящалъ много вниманія крѣпостному праву въ Россіи. Когда партія разбилась на два лагеря, ожесточенно враждующіе другъ съ другомъ,—на «стариковъ» и «юношей»,—то это нисколько не отразилось собственно на соціальной сторонѣ программы тѣхъ и другихъ: «старики» еще громче стали заявлять въ «Галичанинѣ» о своемъ консерватизмѣ, а «юноши» опредѣленно вывѣсили въ «Прикарпатской Руси» флагъ россійскихъ націоналистовъ.

Послѣ дѣла Бендасюка и другихъ процессовъ нѣкоторая политическая фронда москвофиловъ смѣнилась сервилистическими выступленіями передъ центральнымъ правительствомъ. Лѣтомъ 1914 г., за мѣсяцъ до войны, «старики», обеспокоенные тѣмъ, что процессы могутъ набросить на нихъ тѣнь подозрѣнія, отправили въ Вѣну депутацію, которая должна была увѣрить правительство въ ихъ лойяльности, и въ декларацiи своей они, между прочимъ, говорили: «вѣрность династіи Габсбурговъ и преданность греко-католической вѣрѣ должны служить для насъ руководящимъ свѣточемъ во всякой національной работѣ». Съ другой стороны реакціонный, антидемократическій характеръ москвофильства проложилъ путь для сближенія его съ польской шляхтой. Москвофильскіе элементы, въ большинствѣ бюрократическіе и клерикальные, не могутъ сочувствовать стремленію украинскаго «хлопа» къ своей національной культурѣ, развитію въ немъ гражданскаго и политическаго самосознанія, и это сближаетъ ихъ съ польской шляхтой—въ чувствѣ антипатіи къ общему врагу, носителю демократическаго начала. При выборахъ въ сеймъ и въ парламентъ москвофильскіе кандидаты шли объ руку съ польскими, и въ результатѣ такого выборнаго блока москвофильскій депутатъ Глѣбовицкій произнесъ въ 1908 г. въ парламентѣ рѣчь, полную похвалъ галицкой администраціи, противъ поведенія которой на выборахъ протестовали всѣ украинскіе депутаты.

Съ присоединеніемъ Галиціи къ Россіи москвофильство въ политическомъ отношеніи, безспорно, усиливаетъ кадры консервативныхъ силъ страны. Руссофильство москвофильской партіи имѣетъ специфическій характеръ: это—тяготѣніе къ реакціонной Россіи, исканіе опредѣленныхъ связей съ синодальными кругами и съ общественными элементами, представляемыми «Русскимъ Собраніемъ», «Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ», «Галицко-русскимъ Обществомъ». Этимъ характеромъ связей москвофиловъ съ русскимъ міромъ и объясняется предубѣжденіе украинской стороны къ руссофильскимъ ихъ тяготѣніямъ. Но такъ какъ русская прогрессивная печать до сихъ поръ совершенно не интересовалась галицкими дѣлами и отношеніями, и монополію въ данномъ случаѣ взяли консервативные органы прессы, информируемые близкими имъ москвофильскими кругами, то создалось представленіе, что въ Галиціи единственными элементами, не враждебными русской культурѣ, являются москвофилы. Въ

дѣйствительности это далеко не такъ. Украинская печать неоднократно заявляла, что «если бъ во главѣ руссофильскаго движенія стояли не Вергуны да Свистуны, а настоящіе поборники культуры и просвѣщенія, которые знакомили бы галичанъ съ тѣмъ, что было и есть лучшаго въ Россіи, а не кормили бы ихъ Богъ знаетъ чѣмъ, то отъ такого «москвофильства», кромѣ пользы для галичанъ, ничего другого не было бы». И это не фраза только, а констатированіе положенія, подтверждаемаго фактами самой жизни. Еще покойный Драгомановъ писалъ въ своей автобіографіи: «смѣло могу сказать, что ни одинъ московскій славянофилъ не распространилъ въ Австріи столько «московскихъ» книгъ, какъ я, «украинскій сепаратистъ». То же самое, лишь въ болѣе широкомъ масштабѣ, происходитъ и теперь. Всѣ новости русской литературы, научной и художественной, можно найти въ крупнѣйшей украинской библіотекѣ «Наукового Товариства імени Шевченка»; русскіе классики имѣются въ Галиціи также и въ переводахъ на украинскій языкъ. Всѣ русскіе литературно-научные труды въ области украиновѣдѣнія встрѣчаютъ глубокое вниманіе именно въ украинскихъ литературно-научныхъ кругахъ, и даже въ Россіи нѣтъ такого полнаго обзора русскихъ же трудовъ по исторіи, этнографіи, лингвистикѣ, праву, какой находимъ въ органѣ украинскаго научнаго Общества въ Галиціи—въ «Запискахъ Н. Т. ім. Ш.» Словомъ, русская литература не только близка украинскому обществу въ Галиціи,—она и знакома ему, чего нельзя сказать о москвофильскихъ кругахъ, не интересующихся вообще не только научной, но и художественной литературой—ни въ оригиналѣ, ни въ переводахъ.

Положительную роль старорусинство сыграло въ прошломъ, когда оно послужило ферментомъ, изъ котораго образовались національно-сознательные демократическіе элементы. Съ появленіемъ на сцену этихъ послѣднихъ оно потеряло свое значеніе и даже въ концѣ-концовъ обратилось въ отрицательную—реакціонную—общественную силу. Удѣльный вѣсъ ея, впрочемъ, все болѣе и болѣе уменьшался, такъ какъ она, въ ея настоящемъ идейномъ содержаніи, реальной почвы въ Галиціи не находила и держалась только поддержкой извнѣ, административною же со стороны польскихъ правящихъ круговъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ уже цитированный выше проф. А. Погодинъ: взоры старорусовъ «обращены на Россію, и оттуда они ждутъ прежде всего

помощи и поддержки. При этомъ жажда помощи въ этой партіи такъ сильна, что она не разбираетъ, откуда приходитъ помощь, и, говоря о своемъ родствѣ съ русскимъ народомъ, бросается въ объятія каждаго, кто сдается на эти жалобы. И въ результатѣ всѣ эти славянскія, благотворительныя, галицко-русскія и тому подобныя общества не столько благотворятъ, сколько вредятъ и разжигаютъ страсти. На экономической жизни русскаго народа въ Галиціи это отразилось крайне тяжелыми послѣдствіями: въ продолженіе многихъ лѣтъ «москвофильство» господствовало безраздѣльно, пріучая народъ къ убѣжденію, что рваться самому къ свѣту и богатству путемъ самостоятельной работы, собственно говоря, нечего, потому что придутъ русскіе и все дадутъ, что нужно. Они изображали въ яркихъ чертахъ благоденствіе крестьянина въ Россіи и воспитывали въ своемъ крестьянинѣ не жажду самодѣятельности, но только озлобленіе, озлобленіе противъ всѣхъ: противъ поляковъ, евреевъ... Но творческихъ силъ у нихъ не было и они не могли привить ихъ народу, потому что сами они общались не съ творческими, прогрессивными элементами Россіи, но находили пищу и опору въ реакціи. Учрежденія этой партіи, поглотившія крупныя суммы, отчасти русскаго происхожденія, производятъ угнетающее впечатлѣніе. И куда ни обратишься въ учрежденія старорусской партіи, повсюду чувствуешь развалъ, хаосъ, отсутствіе какой-нибудь отчетности въ расходованіи суммъ, отчетности, которая была бы всѣмъ доступна, какъ это есть въ украинскихъ учрежденіяхъ. И непрерывные жалобы и стоны. Такъ не живутъ партіи жизнеспособныя, опирающіяся на народъ; такъ не жалуются чехи или хотя бы украинцы».

Политическое значеніе старорусской партіи свелось къ минимуму. Въ австрійскомъ парламентѣ, въ результатѣ послѣднихъ выборовъ, ихъ было 2—на 29 депутатовъ изъ Галиціи и Буковины. Въ галицкій же сеймъ на выборахъ 1913 г. попалъ только одинъ москвофильскій депутатъ, да и тотъ поддержанъ украинскими голосами противъ крайне шовинистическаго польскаго кандидата, но съ условіемъ не выступать въ защиту правъ фиктивной въ Галиціи національности и голосовать за избирательную реформу.

III.

Политическая жизнь Галиціи въ послѣдніе годы отмѣчена упорной борьбой изъ-за избирательной реформы въ имперскій парламентъ и мѣстный сеймъ.

Украинское представительство въ австрійскомъ парламентѣ переживало весьма неожиданные этапы. Въ первомъ австрійскомъ парламентѣ (1848 г.) на 383 депутата приходилось 96 представителей Галичины, въ томъ числѣ 39, т.-е. болѣе трети, украинцевъ. Въ результатѣ выборовъ по конституціи 26 февраля 1861 г. въ парламентъ попадаетъ 36 представителей отъ галицкаго сейма, въ томъ числѣ украинцевъ ровно треть—12. Съ установленіемъ въ концѣ 60 гг. близкихъ отношеній между центральнымъ австрійскимъ правительствомъ и польскою шляхтою, изъ галицкаго сейма 1867 г. въ парламентъ на 38 галицкихъ депутатовъ—попадаетъ только 4 украинца. То же повторилось и при выборахъ 1870 г. Со введеніемъ въ 1873 г. непосредственныхъ выборовъ видимъ въ парламентѣ 15 украинскихъ депутатовъ, но черезъ шесть лѣтъ число это падаетъ до 3, въ 1891 г. вновь нѣсколько повышается до 7 и только въ новомъ, реформированномъ, парламентѣ 1907 г. число украинскихъ депутатовъ повышается до 27.

Это послѣднее усиленіе украинскаго представительства въ парламентѣ явилось результатомъ весьма оживленнаго движенія среди украинскаго населенія Галичины въ пользу парламентской избирательной реформы. По первому проекту этой реформы (бар. Гауча) на 455 народныхъ представителей Австріи приходилось на долю Галиціи 88 мандатовъ, въ томъ числѣ для поляковъ 61 (57%) и для украинцевъ 27 (43%). Проектъ этотъ не удовлетворилъ ни ту, ни другую стороны. Противъ него выступило прежде всего польское коло, поддерживавшее пангерманскіе планы о выдѣленіи Галиціи въ отдѣльную область съ самостоятельнымъ парламентомъ по образцу венгерскаго; всенѣмцы имѣли въ виду придать австрійскому парламенту чисто нѣмецкій характеръ, что́ и осуществилось бы, если бъ изъ числа 250 нѣмецкихъ мандатовъ австрійскаго парламента исключено было 88 польскихъ мандатовъ (нѣмцамъ по проекту назначалось 205 мѣстъ); поляки съ своей стороны опасались потерять свое значеніе въ парламентѣ при послѣдовательномъ проведеніи національной равноправности и демократическаго принципа въ парламентскомъ представительствѣ и, конечно, рады были отдѣлиться отъ имперскаго парламента, чтобы хозяйничать въ Галиціи по венгерскому образцу. Проектъ польско-нѣмецкаго альянса провалился, но польское коло выставило новыя требованія о гарантіи полякамъ преобладающаго числа мандатовъ по сравненію съ украинцами, и австрій-

ское правительство пошло навстрѣчу этимъ требованіямъ. Урѣзыванію правъ украинскаго населенія не помогли ни резолюціи многолюдныхъ украинскихъ вѣчъ, ни рѣшительные протесты въ прессѣ, безплодною также оказалась спеціальная депутація къ императору, представлявшая о томъ, чтобы «восточная Галиція и украинскій народъ въ отношеніи непосредственности выборовъ были трактованы наравнѣ съ другими областями и чтобы также получили число мандатовъ, соотвѣтствующее величинѣ области и числу населенія».

Занявшій мѣсто бар. Гауча князь Гогенлое предложилъ новый проектъ: изъ общаго числа 494 мандатовъ Галичина получала 102, изъ нихъ поляки—73,5%, украинцы—26,5%. Замѣститель кн. Гогенлое бар. Бекъ принялъ проектъ своего предшественника, и только парламентская комиссія произвела въ немъ нѣкоторыя измѣненія; между прочимъ, Галиціи къ назначеннымъ ей по проекту Гогенлое 102 мандатовъ прибавлено еще 4, въ томъ числѣ полякамъ 3, украинцамъ 1. Всѣ протесты украинскаго парламентскаго клуба не имѣли никакого успѣха. Депутатъ Романчукъ отъ имени своихъ товарищей сдѣлалъ заявленіе, что украинскіе депутаты въ дальнѣйшемъ не будутъ принимать никакого участія въ обсужденіи избирательной реформы, и отвѣтственность за ея пагубныя послѣдствія для украинскаго населенія возлагаютъ на тѣхъ, кто является виновникомъ такого нарушенія народныхъ правъ; заявленіе кончалось словами: «правительство и партіи палаты депутатовъ не приняли во вниманіе самыхъ справедливыхъ и самыхъ умѣренныхъ требованій украинцевъ, и не исполнены данныя короной обѣщанія, что въ данномъ случаѣ будетъ поступлено справедливо. Положеніе украинцевъ ни въ чемъ не измѣнилось. То, что они имѣли получить, досталось другимъ. Мы, представители украинскаго народа, не можемъ содѣйствовать нарушенію его правъ дальнѣйшимъ участіемъ въ одобреніи настоящаго законопроекта. Мы констатируемъ, что если украинскій народъ до сихъ поръ вѣрно исполнялъ свои обязанности въ отношеніи государства и короны, то они своихъ обязанностей по отношенію къ нашему народу не исполнили. Поэтому отъ имени украинскаго народа мы оглашаемъ торжественный протестъ противъ настоящаго ограбленія его правъ. Заявляемъ, что не признаемъ закономъ этихъ постановленій, какими намъ причинено насиліе и которые покрываютъ позоромъ австрійскую дер-

жаву». Въ результатѣ новаго избирательнаго закона Галичина получила 106 парламентскихъ мандатовъ, въ томъ числѣ поляки 78, украинцы 28. На одного депутата здѣсь приходится 46 тыс. польскаго населенія и 120 тыс., т.-е. почти втрое больше, украинскаго. Для иллюстраціи того, насколько данный законъ нарушилъ права украинскаго населенія, нужно принять во вниманіе, что

Каѳедральный Соборъ св. Юра во Львовѣ.
(Резиденція уніатскаго митрополита).

на украинской территоріи Галиціи полякамъ предоставлено 30 мандатовъ, украинцамъ—28, т.-е. послѣдніе являются меньшинствомъ на своей же этнографической территоріи. Къ этому нужно прибавить, что въ законъ внесена оговорка, что онъ можетъ быть измѣненъ лишь съ согласія половины представителей отъ Галиціи, а такъ какъ $^3/_4$ этихъ представителей—поляки, то оговоркою

этой, при нормальныхъ условіяхъ государственной жизни Австріи, неприкосновенность избирательныхъ нормъ въ отношеніи Галиціи была гарантирована навсегда.

Въ послѣдній передъ войною австрійскій парламентъ изъ 28 мандатовъ, на которые имѣли право украинцы по новому избирательному закону, на долю собственно украинскихъ депутатовъ пришлось 24; два мандата досталось москвофиламъ и 2—полякамъ. Польскіе аппетиты въ дѣйствительности шли гораздо дальше: поляки задались цѣлью получить по одному мандату въ каждомъ сельскомъ округѣ восточной Галиціи,—не только въ 10 смѣшанныхъ польско-украинскихъ округахъ, но и въ 9 чисто украинскихъ. Были пущены въ ходъ всѣ излюбленные галицкою администраціей избирательные пріемы, въ результатѣ которыхъ два украинскихъ мандата оказались въ польскихъ рукахъ. Кромѣ 24 галицкихъ депутатовъ, въ послѣднемъ австрійскомъ парламентѣ было еще 5 украинскихъ депутатовъ Буковины, такъ что украинское представительство здѣсь исчислялось 29 депутатами. Изъ 24 галицкихъ депутатовъ 18 принадлежатъ къ партіи нац.-демократической 5—къ радикальной и 1—къ соц.-демократической; 5 буковинскихъ пословъ — нац.-демократы. Въ предыдущемъ парламентѣ всѣ украинскіе депутаты составляли одинъ клубъ, теперь же галицкіе націоналъ-демократы, радикалы и буковинцы образовали, по соображеніямъ тактики, отдѣльные клубы, объединенные въ украинскомъ парламентскомъ союзѣ.

Не менѣе тяжелые этапы проходило украинское представительство въ мѣстномъ сеймѣ. Необходимость реформы закона о выборахъ въ сеймъ стала особенно очевидною послѣ парламентской избирательной реформы. Какъ ни несправедлива была эта послѣдняя по отношенію къ украинскому населенію, все же она давала послѣднему 28 представителей въ имперскомъ парламентѣ, тогда какъ въ мѣстномъ областномъ сеймѣ украинское представительство въ послѣдніе годы выражалось въ числѣ 15—16 депутатовъ. Такая незначительность украинскаго представительства въ сеймѣ не является, однако, результатомъ законодательнаго ограниченія избирательныхъ правъ украинскаго населенія. Какъ и во всѣхъ остальныхъ областяхъ галицкихъ правоотношеній; и въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ галицкой практикой грубаго нарушенія правъ населенія, обезпеченныхъ ему закономъ. По сеймовой конституціи 26 февраля 1861 г., сохранившейся съ

небольшими измѣненіями до послѣдняго времени, украинскому населенію предоставлена $^1/_3$ мандатовъ изъ всего числа 149. Избирательное право дается имущественнымъ цензомъ, на основаніи котораго выборщики дѣлятся на 4 куріи: крупной земельной собственности (избираетъ 44 депутата), торгово-промышленную (3 депутата), городскую (28) и сельскихъ обществъ (74); голосованіе во всѣхъ куріяхъ—явное, а въ куріи сельскихъ обществъ, кромѣ того, двустепенное (крестьяне на т. н. «правыборахъ» избираютъ выборщиковъ—одного на 500 лицъ населенія,—которые уже затѣмъ избираютъ депутата, въ первыхъ трехъ куріяхъ украинцы оказываются въ меньшинствѣ и только въ четвертой—

Фризъ братской ставропигійской церкви во Львовѣ.
Конецъ XVI и начало XVII в.

сельской—куріи имѣютъ національное большинство въ 47 округахъ восточной Галиціи. Эти 47 мандатовъ и должны бы естественно принадлежать украинцамъ, но на самомъ дѣлѣ они систематически захватывались поляками при помощи всякихъ административныхъ репрессій и злоупотребленій. Только въ первый сеймъ 1861 г. украинцы провели 49 своихъ депутатовъ, во второй сеймъ 1867 г. попало уже 30 украинцевъ, при послѣдующихъ выборахъ число ихъ все болѣе и болѣе уменьшалось: въ 1876 г. украинскихъ депутатовъ было 14, а затѣмъ доходило и до 10, такъ что украинцы фактически лишены были даже возможности вносить самостоятельныя предложенія въ сеймъ, для чего требуется 15 подписей.

Причина такого небольшого числа украинскихъ депутатовъ въ сеймѣ кроется въ злоупотребленіяхъ галицкой администраціи при производствѣ выборовъ. При двустепенныхъ выборахъ съ открытой подачей голосовъ администрація, при помощи хорошо испытанныхъ пріемовъ, достигаетъ того, что представителями украинскихъ крестьянъ въ сеймъ являются польскіе помѣщики. Пріемы эти довольно разнообразны и свидѣтельствуютъ столько же

объ изобрѣтательности, сколько и о беззастѣнчивости хозяевъ положенія. Прежде всего при выборахъ въ первой стадіи практикуется занесеніе въ списокъ выборщиковъ такихъ лицъ, которыя не пользуются избирательнымъ правомъ, но относительно которыхъ имѣется увѣренность, что они подадутъ голосъ за польскаго кандидата; на ряду съ этимъ исключаются изъ списковъ всѣ тѣ, кто, хотя и обладаетъ избирательнымъ цензомъ, но по имѣющимся свѣдѣніямъ, будетъ голосовать за украинскаго кандидата. Въ результатѣ—выборщиками уже на первой ступени оказываются не тѣ, кого хочетъ населеніе, а тѣ, кого хочетъ производящій выборы представитель администраціи или на кого укажетъ помѣщикъ. На этой почвѣ обыкновенно происходятъ очень серьезныя столкновенія между администраціей и ожесточеннымъ злоупотребленіями населеніемъ. Такъ, напр., громадѣ с. Коропца (бучацкаго повѣта) удалось неопровержимо доказать фальсификацію избирательныхъ списковъ и администрація какъ будто согласилась исправить ихъ, но въ дѣйствительности жандармы начали разгонять всѣхъ, кто добивался внесенія въ списокъ, и при этомъ закололи одного изъ такихъ обойденныхъ выборщиковъ—Марка Каганця, наиболѣе активнаго дѣятеля мѣстной «громады». Вообще всякіе протесты противъ неправильно составленныхъ списковъ оказываются совершенно безплодными, и, такимъ образомъ, уже списокъ «правыборщиковъ» имѣетъ рѣшающее значеніе для выбора того или иного кандидата. Затѣмъ происходятъ правыборы, также обставляемые всякими ухищреніями со стороны администраціи. Чиновникъ администраціи, производящій выборы, пріѣзжаетъ въ село тайно и неожиданно, передъ самымъ моментомъ производства выборовъ, при чемъ ни о времени выборовъ, ни о пріѣздѣ его не знаетъ никто, кромѣ одного какого-нибудь участвующаго въ избирательномъ заговорѣ агента мѣстной сельской власти. «Потрудитесь,—пишетъ послѣднему производитель выборовъ,—созвать довѣренныхъ людей и ждать меня по близости отъ помѣщенія. Остальное населеніе, вѣроятно, въ это время будетъ занято полевыми работами. Объявленія о срокѣ выборовъ не вывѣшивать, но держать наготовѣ, чтобы сдѣлать это тотчасъ же, когда понадобится. Пришлите вѣрнаго человѣка, чтобы проводить меня прямо къ мѣсту выборовъ, безъ разспросовъ, гдѣ оно находится. Надѣюсь, что вы представите мнѣ случай дать благопріятный отзывъ о вашей дѣятельности г. начальнику округа». И вотъ лица, не «довѣренныя» къ

производству выборовъ, не попали, выборщиками избраны желательныя лица, а въ случаѣ проявленій неудовольствія со стороны обманутаго населенія, начинаетъ свое дѣло жандармерія, и нерѣдко дѣло не ограничивается только арестами, а завершается пролитіемъ крови. Когда выборщики избраны, начинается индивидуальная обработка каждаго выборщика. Пускаются въ ходъ угрозы, обѣщанія, подкупъ,—и въ результатѣ подобныхъ пріемовъ и воздѣйствій — помѣщикъ или чиновникъ, выставляющіе свою кандидатуру, обезпечены большинствомъ голосовъ. Всѣхъ выборщиковъ, которые обѣщали свои голоса, собираютъ въ одно мѣсто, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не сбѣжалъ или не нарушилъ обѣщанія. Подача голосовъ открытая и потому горе выборщику, нарушившему данное обѣщаніе: общая администрація, податной аппаратъ, судъ, жандармерія и всякая иная мѣстная власть, находящаяся въ польскихъ рукахъ, конечно, сумѣютъ заставить его раскаяться въ такомъ коварствѣ. Когда же заранѣе нельзя обезпечить данному кандидату большинство голосовъ, то это достигается въ самый день выборовъ. Идетъ, напр., группа оппозиціонныхъ выборщиковъ къ мѣсту производства выборовъ, какъ вдругъ неожиданно подбѣгаетъ къ нимъ спеціально нанятый хулиганъ и начинаетъ ссору или драку; тотчасъ появляются жандармы, которые только этого и ждали, и арестуютъ столько выборщиковъ, сколько требуется для обезпеченія большинства польскому кандидату. Цѣлыя группы выборщиковъ просто не допускаются къ мѣсту производства выборовъ, избирательныя карточки выкрадываются изъ урнъ и замѣняются другими, выборы «исправляются» признаніемъ недѣйствительности извѣстнаго числа записокъ, словомъ, не перечесть всѣхъ административныхъ ухищреній, примѣняемыхъ при галицкихъ выборахъ, которые во всей Австріи пріобрѣли выразительную кличку «разбойничьихъ выборовъ». Можно ли удивляться, что въ результатѣ такой избирательной трагикомедіи число украинскихъ депутатовъ въ галицкомъ сеймѣ столь незначительно?

И вотъ послѣ парламентской избирательной реформы настала очередь избирательной реформы сеймовой. Но осуществить послѣднюю въ дѣйствительности оказалось еще труднѣе, потому что неизбѣжная при этомъ демократизація сейма расширяла представительство и права украинцевъ въ краѣ, лишая шляхту прежняго полнаго и безпрепятственнаго господства здѣсь, почему реформа

эта и встрѣтила чрезвычайно упорное сопротивленіе со стороны поляковъ. Проектъ польской шляхты, окрыленной завоеваніями въ парламентской реформѣ, оказался совершенно непріемлемымъ для украинской стороны, и новые сеймовые выборы въ 1908 г. произведены по старому закону, но подъ флагомъ избирательной реформы. Польская администрація, во главѣ съ намѣстникомъ гр. А. Потоцкимъ, употребляла всѣ усилія, чтобы ослабить украинское представительство, широко примѣнила на выборахъ поддержку москвофиловъ, и въ результатѣ въ сеймъ попало всего лишь 11 украинскихъ депутатовъ и 9 москвофиловъ. Несмотря на такую назначительность украинскаго представительства, украинскіе депутаты не сложили оружія и энергично повели борьбу за избирательную реформу. Численное превосходство поляковъ лишало ихъ возможности органической работы въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что господа положенія оставались совершенно глухи ко всѣмъ обращеніямъ къ чувству справедливости, къ священнымъ обязанностямъ по отношенію къ населенію. Украинскіе депутаты обратились къ обструкціи—сперва словесной, а затѣмъ—технической; примѣнялись всѣ способы производства оглушительнаго шума, не забытъ былъ ни одинъ голосистый музыкальный инструментъ, и нормальная жизнь сейма стала невозможной. Между тѣмъ на очереди стояли—разсмотрѣніе бюджета, проведеніе элементарныхъ реформъ—дорожной, школьной и др.; при прекращеніи функцій сейма Галиціи предстояла перспектива фактической отмѣны автономіи края по примѣру Чехіи. Вначалѣ сеймовое большинство старалось игнорировать обструкцію. Докладчики шевелили губами подъ невѣроятный шумъ, среди котораго не слышно было ни одного слова, и передавали стенографамъ заранѣе написанныя свои рѣчи, по знаку маршала сейма большинство вставало, изображая этимъ голосованіе, и голосуемые вопросы считались принятыми. Но пантомима не могла, конечно, быть нормальною формой сеймовой жизни, тѣмъ болѣе, что этимъ обезпокоилось и безразличное къ галицкимъ отношеніямъ центральное правительство, такъ какъ борьба за сеймовую избирательную реформу перестаетъ быть вопросомъ областной жизни, переносится въ имперскій парламентъ, пріобрѣтаетъ общегосударственное значеніе, становится предметомъ вниманія всей страны. Дѣло въ томъ, что и въ парламентѣ украинскіе депутаты также рѣшили прибѣгнуть къ мѣрамъ обструкціи съ цѣлью дезоргани-

зовать текущую работу парламента, пока онъ не возьмется за улаженіе запутаннаго національнаго спора въ Галиціи. 8 октября 1913 г. началась осенняя сессія австрійскаго парламента, и того же дня началась въ парламентѣ украинская обструкція. Внѣшнимъ поводомъ для этого послужило то обстоятельство, что правительство поставило въ первую очередь на разсмотрѣніе парламента финансовый планъ, утвержденіе котораго должно было дать средства не только государственному казначейству, но и казначействамъ отдѣльныхъ областей, въ томъ числѣ и Галиціи; но если бы галицкое областное правительство получило средства, то это упрочило бы упорство поляковъ въ противодѣйствіи избирательной реформѣ, такъ какъ они, не опасаясь уже банкротства обла-

Русины изъ окрестностей Снятына.

стныхъ финансовъ, могли бы обойтись безъ сейма, между тѣмъ украинскіе депутаты именно и разсчитывали принудить поляковъ къ уступкамъ той обструкціей въ сеймѣ, которая анулировала бы его дѣятельность, угрожая банкротствомъ областнымъ финансамъ. И вотъ началась и въ парламентѣ словесная и техническая обструкція, которая поразила и заставила отступить даже видавшій виды австрійскій парламентъ. Занятія послѣдняго были прерваны до выясненія результатовъ польско-украинскихъ переговоровъ. На поляковъ произведено давленіе не только со стороны правительства, заинтересованнаго въ правильномъ фукціонированіи представительныхъ учрежденій, но и со стороны болѣе благомыслящихъ парламентскихъ круговъ, рекомендовавшихъ полякамъ болѣе терпимую національную политику.

Большинство польскихъ сеймовыхъ партій пошло на нѣкоторыя уступки украинцамъ. Польскіе демократы и болѣе дальновидные консерваторы западной Галиціи («станчики») совмѣстно съ намѣстникомъ Бобржинскимъ выработали основы реформы, принятыя блокомъ польскихъ партій и украинской стороной. Весной 1913 г. созвана была сессія галицкаго сейма для законодательнаго утвержденія компромиссного избирательнаго законопроекта. Но заключенный «компромиссъ» оказался непрочнымъ. Противъ него выступилъ «антиблокъ», составленный изъ реакціонной шляхты восточной Галиціи («подоляки») и націоналистической партіи народовыхъ демократовъ и поддержанный польскими епископами, выпустившими по этому поводу особое воззваніе крайне шовинистическаго характера, которое оказало рѣшающее вліяніе на поколебавшіеся было, въ большинствѣ клерикальные, польскіе круги. Большинство станчиковъ перешло на сторону антиблока; къ послѣднему присоединилась и часть людовцевъ. Бобржинскій ушелъ въ отставку, сессія сейма закрыта, сеймъ распущенъ и объявлены новые выборы. Напряженіе борьбы достигло крайней степени и отразилось въ необыкновенномъ развитіи избирательной агитаціи. Несмотря на широкое примѣненіе обычныхъ пріемовъ выборной агитаціи со стороны галицкихъ властей, украинское представительство въ сеймѣ возросло почти вдвое— съ 16 до 31 депутата, такъ что съ тремя представителями національныхъ учрежденій («вирилистами») украинцы располагали въ новомъ сеймѣ 34 голосами. Провалились на выборахъ наиболѣе ожесточенные враги компромисса—подоляки гр. Скарбекъ, Цѣнскій, кн. Сапѣга, гр. Романъ Потоцкій и др. Но съ другой стороны, въ средѣ остальной части польскихъ депутатовъ сейма возросло движеніе въ пользу антиблока: ростъ силы украинской демократіи всегда имѣлъ реакціей укрѣпленіе польскаго націонализма. Въ результатѣ, несмотря на усиленіе украинскаго представительства въ сеймѣ, созванномъ въ концѣ 1913 г., число сторонниковъ компромиссного проекта уменьшилось, и дѣло съ избирательной реформой вновь стало на мертвую точку. Въ концѣ концовъ споръ свелся къ вопросамъ, не имѣвшимъ значенія для существа реформы: поляки настаивали на 16 двухмандатныхъ польско-украинскихъ округахъ въ польской куріи восточной Галиціи, украинцы—на 12; поляки требовали для себя шести мѣстъ въ областной управѣ («Виділ Краєвий») изъ всего числа

8 мѣстъ; украинцы уступали имъ 5 изъ 7 или 7 изъ 10. Весною текущаго года соглашеніе все же состоялось, и по этому соглашенію украинцы получили 62 мандата на 228 мандатовъ сейма, т.-е. 27,5% общаго числа сеймовыхъ мандатовъ.

Само собою разумѣется, такой результатъ соглашенія нельзя признать соотвѣтствующимъ числовому и территоріальному положенію въ краѣ украинской народности, не уступающей, по числу, польской народности и занимающей $^2/_3$ территоріи Галиціи. Но все же соглашеніе это имѣло и крупные положительные результаты. Число украинскихъ депутатовъ въ сеймѣ увеличилось вдвое, получалась возможность органической положительной работы съ направленіемъ на эту работу силъ всего украинскаго общества, отвлеченныхъ ранѣе почти всецѣло на избирательную польско-украинскую борьбу. Жизнь края должна была развиваться съ большимъ уклоненіемъ въ сторону демократизаціи и усиленія украинскаго элемента во всѣхъ ея отрасляхъ.

Церковныя отношенія.

I.

Церковный строй восточной, украинской, Галичины имѣетъ существенныя особенности, выросшія на почвѣ иныхъ, въ теченіе вѣковъ сложившихся, культурныхъ и вѣроисповѣдныхъ отношеній. Эта конфессіональная особенность оккупированнаго края и явилась причиной исключительнаго интереса русскаго общества къ вопросу объ устройствѣ церковныхъ дѣлъ въ Галиціи. Въ русской печати начали появляться по этому поводу сообщенія нѣсколько сенсаціоннаго характера—объ агрессивныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ уніатской паствѣ и уніатскому духовенству, въ виду чего синодальное вѣдомство выступило съ офиціальнымъ сообщеніемъ, что всѣ эти извѣстія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности: св. синодъ поручилъ лишь архіепископу волынскому Евлогію, епархія котораго находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Галиціей, имѣть архипастырское попеченіе объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей находящихся въ Галиціи православныхъ.

Синодальное разъясненіе, повидимому, должно было вызвать удовлетвореніе въ тѣмъ большей степени, что галицкая уніатская церковь представляетъ прочно сложившуюся конфессіональную организацію, пустившую глубокіе корни въ народную жизнь.

Унія въ Галиціи утвердилась нѣсколько позже, чѣмъ въ другихъ украинскихъ областяхъ: въ 1696 г. принялъ унію перемышльскій епископъ Иннокентій Винницкій и въ 1700 г.—галицко-львовскій и подольскій епископъ Іосифъ Шумлянскій. Но зато унія сохранилась здѣсь болѣе устойчиво. Въ предѣлахъ Россіи уніаты возсоединены съ православіемъ въ 1839 и въ 1875 гг.; большая часть ихъ дѣйствительно приняла православіе, а упорствующіе холмскіе уніаты при первыхъ проблескахъ религіозной свободы въ 1904—6 гг., черезъ сорокъ лѣтъ, перешли въ като-

личество. Въ Галиціи же унія сохранилась въ теченіе двухъ вѣковъ и продолжаетъ существовать до сихъ поръ въ видѣ особой конфессіи. Уніатская паства здѣсь исчисляется въ 3,540 тыс. душъ (изъ остальной части украинскаго населенія около 200 тыс. исповѣдуетъ католичество и 2,845 человѣкъ—православіе); кромѣ того, юрисдикціи галицкой уніатской церкви подлежатъ 32 тыс. уніатовъ, проживающихъ въ Буковинѣ, по большей части переселенцевъ изъ Галиціи.

Галицкая уніатская церковь признаетъ своимъ главою римскаго папу. Послѣдній утверждаетъ («преконизуетъ») галицкаго митрополита, являющагося іерархическимъ представителемъ галицкой уніатской церкви и имѣющаго такой офиціальный (въ переводѣ) титулъ: «Божіею милостію и святого апостольскаго престола благословеніемъ митрополитъ галицкій, архіепископъ львовскій, епископъ каменецкій, членъ палаты вельможъ австрійской державной думы, членъ и вице-маршалъ сейма королевства Галичины и Володимеріи съ Великимъ княжествомъ Краковскимъ». Митрополитъ преконизуетъ епископовъ перемышльскаго и станиславскаго, въ случаѣ нужды созываетъ ихъ въ качествѣ собора (провинціальный синодъ), для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ церкви, состоитъ предсѣдателемъ церковнаго суда, который является инстанціональнымъ судомъ для двухъ подчиненныхъ епархій. При каждой епископской каѳедрѣ существуютъ: капитулъ, состоящій изъ представителей духовенства каѳедральнаго города, консисторія, церковный судъ и другія епархіальныя учрежденія (комиссіи по управленію фондомъ вдовъ и сиротъ духовенства, экзаменаціонная, цензурная и др.). Вспомогательными органами епархіальнаго управленія являются деканы (благочинные) и вице-деканы. Всего въ трехъ епархіяхъ состоитъ 115 деканатовъ, въ которыхъ числится 1,873 самостоятельныхъ прихода (при нихъ имѣется свыше тысячи приписныхъ, такъ называемыхъ дочерныхъ церквей), съ 2,325 священниками. Этотъ кадръ уніатскаго духовенства руководитъ свыше $3^1/_2$-милліонною паствой.

Изъ этихъ краткихъ статистическихъ данныхъ видно, что уніатская церковь въ Галиціи представляетъ въ количественномъ отношеніи силу весьма значительную. Если же сколько-нибудь внимательно присмотрѣться къ строю и быту галицкой церкви, то увидимъ, что она представляетъ не малую и моральную силу. Такою силою является прежде всего приходское духовенство.

Матеріальное и соціальное положеніе галицкаго приходскаго священника—«пароха»—завидно и достигается путемъ продолжительнаго и серьезнаго приготовленія въ отношеніи образованія и предварительнаго служебнаго стажа.

Доступъ въ ряды галицкаго духовенства не стѣсненъ никакими сословными ограниченіями. Кандидаты священства оканчиваютъ среднее общеобразовательное учебное заведеніе и съ аттестатомъ зрѣлости («матура») поступаютъ на богословскій факультетъ львовскаго университета, гдѣ и занимаются богословскими предметами, слушая одновременно лекціи по нѣкоторымъ предметамъ и на историко-философскомъ факультетѣ. Студенты-богословы живутъ въ особомъ интернатѣ-академіи, и здѣсь особо изучаютъ въ часы, свободные отъ университетскихъ лекцій, нѣкоторые дополнительные курсы богословскихъ наукъ, которые не входятъ въ кругъ наукъ богословскаго факультета (напр.: церковный уставъ, литургика).

Нужно признать, что система университетскаго образованія ставитъ галицкаго священника на одинъ уровень съ остальнымъ образованнымъ обществомъ, даетъ ему возможность удовлетворять всѣмъ запросамъ своей паствы—отъ народной массы до наиболѣе интеллигентныхъ слоевъ общества,—въ значительной мѣрѣ ослабляетъ сословно-кастовое обособленіе духовенства, предоставляетъ ему возможность непосредственно знакомиться со всѣми сторонами жизни общества и тѣмъ самымъ вооружаетъ его всѣми средствами пастырскаго воздѣйствія въ будущей его приходской дѣятельности.

Только по окончаніи курса богословскаго факультета и послѣ спеціальнаго экзамена передъ особою комиссіей кандидатъ священства получаетъ право на рукоположеніе. Но и затѣмъ рукоположенный молодой священникъ достигаетъ самостоятельнаго служебнаго положенія со строгой постепенностью. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ служитъ въ качествѣ помощника приходскаго священника («сотрудника») или въ качествѣ его замѣстителя («заступника»). Послѣ того уже молодой священникъ получаетъ возможность испытать свои силы въ самостоятельной дѣятельности, занимая въ качествѣ «завѣдывателя» временно свободный приходъ. И только послѣ такого искуса, когда епархіальное начальство имѣло полную возможность убѣдиться въ надлежащихъ качествахъ священника, послѣдній получаетъ самостоятельный

приходъ, достигая, наконецъ, желаннаго положенія «приходника».

Вступивъ въ духовную среду полноправнымъ членомъ, каждый священникъ получаетъ здѣсь большую моральную и даже практическую поддержку въ тѣсномъ взаимообщеніи этой среды. Деканальные соборики и вѣча священническія—наиболѣе обычныя формы такого взаимоотношенія. «Нынѣшній митрополитъ Андрей Шептицкій,—по словамъ одного наблюдателя церковной жизни въ Галиціи послѣднихъ лѣтъ,—самъ сторонникъ возможно большаго общенія между священниками. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ началъ и словомъ, и дѣломъ покровительствовать развитію общенія и солидарности среди галицко-русскаго духовенства. Во время такъ называемыхъ каноничныхъ визитацій церквей (посѣщеніе приходовъ) онъ обыкновенно собираетъ въ извѣстные пункты окрестное духовенство, и старается, по возможности, объединить его, держитъ предъ нимъ пространныя краснорѣчивыя рѣчи о задачахъ современнаго пастырства, входитъ въ положеніе духовенства, ближайшимъ образомъ знакомится съ интересами, его занимающими, и т. п. Кромѣ того, у себя въ архіепископскомъ дворцѣ во Львовѣ онъ каждую недѣлю по вторникамъ устраиваетъ вечеринки или «конференціи». Онѣ начинаются въ 6 час. вечера и оканчиваются въ $9^1/_2$ час. вечера». («Русское духовенство въ Галиціи» свящ. Ѳ. Титова). Взаимообщеніе между митрополитомъ и рядовымъ духовенствомъ самое тѣсное. «Вы—мои друзья-товарищи,—говоритъ митрополитъ въ своемъ посланіи къ священникамъ Галиціи,—и за истинное счастье почитаю я считаться другомъ каждой священнической семьи».

Окладъ евангелія XVIII в. (въ Креховскомъ монастырѣ).

Къ самостоятельной приходской дѣятельности священникъ приступаетъ уже въ качествѣ вполнѣ сложившагося и опытнаго

человѣка, обезпеченный нравственной поддержкой и своихъ ближайшихъ товарищей, и своего высшаго церковнаго начальства. Это тѣмъ болѣе для него необходимо, что условія приходской жизни въ Галиціи требуютъ отъ него самой разносторонней и отвѣтственной дѣятельности. Галиція—это край, ни на одну минуту не остывающей борьбы политической, національной, соціально-экономической; борьба эта ведется по всей линіи и во всѣхъ направленіяхъ мѣстныхъ, весьма сложныхъ и напряженныхъ отношеній, и основныя позиціи этой борьбы лежатъ въ украинскихъ селахъ, въ этихъ ячейкахъ разнообразныхъ народныхъ организацій. Этимъ и опредѣляется роль священника въ галицкомъ селѣ: ограничитъ онъ свою дѣятельность исполненіемъ однѣхъ профессіональныхъ обязанностей,—останется чуждымъ для пробужденнаго къ жизни народа; окажется онъ наиболѣе интеллигентною и активною силою въ приходѣ,—въ его рукахъ вся жизнь его пасомыхъ. И галицкое духовенство предпочло роль дѣятельную, вошло въ разнообразные интересы своей паствы, окунулось въ глубины народной жизни. Такая позиція—не результатъ только единичнаго, личнаго рѣшенія того или иного приходскаго пароха, а своего рода profession de foi нынѣшняго священническаго института въ Галиціи, диктуемое при томъ свыше епархіальною властью. «Мы, всечестные отцы,—обращается въ одномъ изъ своихъ посланій къ духовенству митрополитъ,—должны во всемъ сблизится съ народомъ, должны любовью, снисходительностью и самоотверженіемъ заполнять ту пропасть, которая, вслѣдствіе различія въ соціальномъ положеніи, могла бы отдѣлять священника отъ вѣрныхъ. Сближаясь съ народомъ, мы должны, какъ граждане, а тѣмъ болѣе, какъ пастыри, поддержать всякое культурно-экономическое стремленіе, къ которому наши люди рвутся». Каждый священникъ, по словамъ посланія, кромѣ обычнаго требоисправленія и проповѣдничества, обязанъ хорошо знать, сколько зарабатываетъ каждый изъ его прихожанъ, какъ зарабатываетъ, чѣмъ живетъ и питается, каковы его развлеченія, каковы радости и горести, и въ соотвѣтствіи съ этимъ долженъ помогать своему прихожанину не только словомъ, но и дѣломъ, своимъ вліяніемъ и всѣми доступными средствами. Кто не можетъ удовлетворить этимъ требованіямъ, тотъ, по выраженію пастырскаго посланія, «хай ліпше священником не буде» (пусть лучше не идетъ во священники).

И этотъ призывъ не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ личности пароха, какъ въ фокусѣ, обычно сконцентрирована вся жизнь галицкаго села. Вотъ какъ одинъ русскій туристъ описываетъ свои путевыя впечатлѣнія въ этомъ селѣ: «Большая свѣтлая комната съ рѣшетчатой перегородкой, какъ въ деревенскихъ почтовыхъ конторахъ. За перегородкой столы, сундуки, несгораемый шкафъ. Это—«касса», сельское банковое учрежденіе. По сосѣдству съ «кассой»—комната, имѣющая видъ мастерской, наполненная запахомъ молочныхъ продуктовъ. Сепараторы, ведра, бочки, подлѣ которыхъ работаетъ нѣсколько женщинъ. Тутъ же контора для пріема и записи приносимаго крестьянами молока. Это—«молочарня», общественная, молочная ферма, продукты которой доставляются въ лучшіе магазины Вѣны, Праги и Львова. Руководитъ «молочарней», какъ и «кассой», какъ и общественной потребительской лавкой, приходскій парохъ. Ему же принадлежитъ руководство читальней «Просвіты» и группирующимися подлѣ ея сельскими политическими кружками,.. Крестьянинъ на вопросъ о парохѣ всегда почти отвѣчаетъ въ такомъ духѣ, что, молъ, «егомость у нас геть скрізь голова: і в церкві, і пова церквою» (батюшка у насъ рѣшительно вездѣ голова: и въ церкви, и внѣ церкви)». Тотъ же туристъ такъ описываетъ свое посѣщеніе священническаго дома: «Придя въ домъ пароха, я поразился, увидѣвъ въ обширной гостиной и на террасѣ многочисленное общество дѣвицъ и молодыхъ людей... Не на праздникъ ли, не на именины ли попалъ я? Оказалось, что дѣвицы—дочери пароха, а молодые люди—сыновья люшневскихъ крестьянъ, въ настоящее время—каникулирующіе львовскіе и вѣнскіе академики(студенты). «Все мои воспитанники!—шопотомъ хвастаетъ парохъ.—Самолично тянулъ изъ народной школы въ гимназію, изъ гимназіи—въ университетъ; мои мужички всѣ, прихожане» («Украинское духовенство въ Галиціи» Ю. С. Стрыжавскаго—«Украинская жизнь», 1913 г., № 1).

Духовенство чутко относится къ потребностямъ своей паствы и идетъ навстрѣчу этимъ народнымъ потребностямъ. Какъ тонко и глубоко можетъ понимать галицкій священникъ народную душу, можно видѣть изъ прелестныхъ новеллъ галицкаго беллетриста-священника Т. Бордуляка. Эта общественная чуткость галицкаго духовенства тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, по своей, такъ сказать, классовой идеологіи, оно вовсе не

чуждо тѣхъ идей и того настроенія, какія вообще свойственны духовной средѣ. Когда дѣло идетъ о церковно-религіозныхъ интересахъ, интересы эти нерѣдко гипертрофируются до границъ антиобщественнаго явленія, и міровоззрѣніе галицкаго священника въ этихъ случаяхъ обнаруживаетъ толстые налеты самаго реакціоннаго клерикализма. И тогда близкое участіе духовенства въ общественно-политической жизни вызываетъ крайне прискорбныя тренія, создаетъ тяжелые конфликты. Но, въ концѣ концовъ, условія самой жизни выводятъ его изъ сословно-конфессіональнаго тупика и неудержимо влекутъ на путь той широкой народно-демократической дѣятельности, о которой говорилось выше.

Эта-то дѣятельность галицкаго духовенства спаяла его съ народомъ, создала ему огромное вліяніе на народную массу и сдѣлала его настолько незамѣнимымъ для послѣдней, что трудно даже представить, что дѣлалъ бы въ галицкомъ приходѣ священникъ, смотрящій иначе на задачи пастырскаго служенія, и какъ бы отнеслась къ нему галицкая паства, привыкшая предъявлять къ своему пароху требованія самой разносторонней и отвѣтственной дѣятельности.

II.

Украинское населеніе въ Галиціи въ подавляющей своей части принадлежитъ къ уніи: уніатовъ здѣсь, какъ было указано, числится 3.540 тыс., католиковъ около 200 тыс.; это—такъ называемые «латынники», русины, принявшіе латинство. Католическій прозелитизмъ среди уніатовъ—явленіе постоянное, преимущественно въ городахъ и главнымъ образомъ среди рабочихъ, прислуги и вообще въ средѣ лицъ, экономически и соціально зависимыхъ отъ преобладающаго въ крупныхъ городскихъ центрахъ польско-католическаго элемента. Въ послѣдніе годы въ одномъ Львовѣ ежегодно переходитъ изъ уніи въ католичество свыше $2^1/_2$ тыс. душъ. Къ этому,—въ цѣляхъ, конечно, больше полонизаторскихъ, чѣмъ конфессіональныхъ,—направлена вся галицкая административная машина, находящаяся въ рукахъ поляковъ.

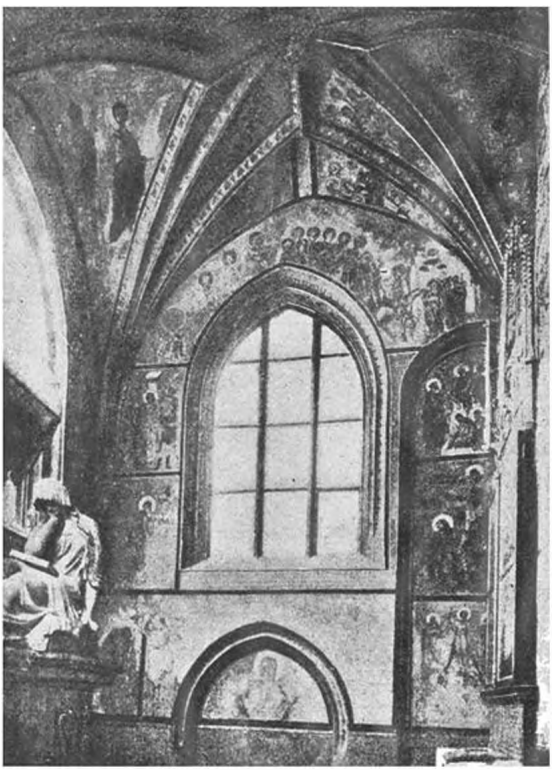
Православныхъ въ Галиціи — по офиціальной статистикѣ менѣе 3.000 душъ. Это, по большей части, пріѣзжіе изъ Россіи или изъ сосѣдней православной Буковины. Для православнаго населенія имѣется одна церковь во Львовѣ и, кромѣ того, домовая

православная церковь при станиславовской тюрьмѣ для отбывающихъ наказаніе буковинскихъ арестантовъ; обѣ эти церкви со своими священниками подлежатъ юрисдикціи православнаго буковинскаго митрополита, резиденція котораго находится въ Черновцахъ.

Изъ недавнихъ процессовъ общество узнало и о начавшемся въ послѣдніе годы православномъ миссіонерствѣ среди уніатовъ. Движеніе это исходило главнымъ образомъ изъ почаевской лавры и холмскихъ монастырей. Зарожденіе его въ сосѣднемъ государствѣ, подъ покровительствомъ галицко-русскаго общества и въ особенности при близкомъ участіи гр. В. Бобринскаго и архіеп. Антонія Волынскаго, давало поводъ австрійскимъ властямъ видѣть въ православномъ движеніи въ Галиціи искусственную пропаганду съ цѣлями, имѣющими мало общаго съ религіей. Въ результатѣ—возникъ рядъ нашумѣвшихъ въ послѣднее время процессовъ (мармарошъ-сигетскій, Бендасюка и др.)

Основные законы Австріи не содержатъ запрещенія для православной вѣры въ австрійской имперіи. По ст. 14 основныхъ законовъ всякому обезпечивается полная свобода вѣры и совѣсти, и пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ вѣроисповѣданія. Согласно же ст. 15 тѣхъ законовъ всякая церковь и всякое религіозное общество, признанныя закономъ, имѣютъ право публично исповѣдывать свою вѣру, самостоятельно распоряжаться и управлять своими внутренними дѣлами, но подлежатъ, какъ и всякія другія общества, общимъ государственнымъ законамъ. Этими положеніями санкціонируется свободное исповѣданіе православія въ предѣлахъ имперіи, что практически и осуществляется существованіемъ буковинской православной митрополіи. Допускается австрійскими законами и свободный переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. По закону 25 мая 1867 г. каждому, по достиженіи 14-лѣтняго возраста, безъ различія пола, предоставлена свобода выбрать вѣроисповѣданіе по собственному убѣжденію, съ соблюденіемъ извѣстныхъ требованій, или даже объявить (законъ 9 апрѣля 1870 г.) о своей непринадлежности ни къ какому исповѣдованію. Таковъ законъ. Практика, какъ это слишкомъ часто бываетъ въ Австріи, нерѣдко расходится съ закономъ. Извѣстны случаи, когда гимназистамъ угрожали увольненіемъ за переходъ изъ католичества въ протестантство. Во Львовѣ нѣсколько лѣтъ

тому назадъ поднялся большой шумъ по поводу опасности, грозившей католической вѣрѣ вслѣдствіе того, что еврейка-выкрестка, по смерти своего мужа-католика, вернулась въ іудейскую вѣру и воспитала въ этой вѣрѣ своего крещенаго ребенка. Кто же имѣетъ смѣлость объявить о своей безконфессіональности, тому на каждомъ шагу приходится выдерживать борьбу за элементарное право свободы совѣсти.



Свято-Духовская капелла въ Краковскомъ соборѣ (1470 г.).

То же несоотвѣтствіе между закономъ и практикой видимъ и въ отношеніи къ распространенію православія въ Галиціи. Къ обычной своеобразности взглядовъ галицкой администраціи

на законность примѣшался въ данномъ случаѣ моментъ политическій: австрійское правительство очень косо смотрѣло на пропаганду православія изъ Россіи, опасаясь въ этомъ случаѣ политической ирреденты. И хотя исповѣданіе православія и переходъ въ него ограждены австрійскими законами отъ стѣсненій и отъ ограниченія въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, но противодѣйствіе пропагандѣ православія было вызвано подозрѣніями въ политическомъ характерѣ этой пропаганды, внѣшній же поводъ для такого противодѣйствія дали сами новые адепты православія. Они игнорировали то положеніе, въ силу котораго главою православной церкви въ Австріи является буковинскій митрополитъ, которому одному въ предѣлахъ австрійской имперіи принадлежитъ власть допускать православныхъ священниковъ къ пастырской дѣятельности; кромѣ того, лица, перешедшія въ православіе, не исполняли тѣхъ требованій, какія установлены закономъ при учрежденіи новыхъ религіозныхъ общинъ: предварительное утвержденіе властями—свѣтскою и духовною—какъ новыхъ церковныхъ единицъ, такъ и ихъ священниковъ, обязательство обезпечить духовенство и постройку храма, извѣстныя техническія и санитарныя правила при устройствѣ храмовъ и т. п. Все это были только формальные поводы, и въ правовомъ государствѣ граждане не испытывали бы стѣсненій въ дѣлѣ религіозной совѣсти по такимъ поводамъ, тѣмъ болѣе, что, какъ это достаточно выяснилось изъ процессовъ, сами-то прозелиты православія въ простотѣ души своей были далеки отъ политики и, какъ люди малокультурные, вообще не могли быть отвѣтственными за сокровенныя цѣли своихъ руководителей. Процессы производили вообще подавляющее впечатлѣніе и въ сущности были даже безцѣльны для ихъ иниціаторовъ, такъ какъ давали основаніе преслѣдуемымъ смотрѣть на себя, какъ на мучениковъ за вѣру, окружали ихъ ореоломъ мученичества въ глазахъ другихъ, а послѣдованіе новому ученію возводили на степень мученическаго подвига.

Въ дѣйствительности однако движеніе это не имѣло сколько-нибудь широкаго распространенія. Религія вообще принадлежитъ къ наиболѣе консервативнымъ проявленіямъ человѣческаго духа и мѣняется не легко. Къ тому же въ данномъ случаѣ православное движеніе поддерживалось миссіонерами со стороны, даже не изъ православной Буковины, гдѣ имѣется православная іерархиче-

ская организація и православный богословскій факультетъ для подготовки священниковъ, и не могло широко поддерживаться даже руссофильскими кругами въ Галиціи, такъ какъ послѣдніе въ большинствѣ состоятъ изъ уніатскаго духовенства, и для нихъ въ данномъ вопросѣ политическія симпатіи вступали въ конфликтъ съ конфессіональными воззрѣніями. Все дѣло, такимъ образомъ, ограничилось выступленіями четырехъ священниковъ, которые частью вскорѣ же привлечены были къ политическому процессу, частью должны были уйти изъ предѣловъ Австріи.

Еще меньше значенія въ интересахъ православія въ Галиціи могли имѣть переходы въ православіе нѣсколькихъ приходовъ, предпринимавшіеся въ видѣ тактическаго пріема по отношенію къ уніатской духовной власти. Такъ, приходъ Залуче станиславовской епархіи заявилъ о своемъ переходѣ въ православіе въ виду отказа консисторіи назначить настоятелемъ любимаго и уважаемаго приходомъ священника; когда священникъ этотъ былъ назначенъ, приходъ изъ 3.000 душъ остался въ уніи, за исключеніемъ 10—15 лицъ. Въ с. Теляжѣ, перемышльской еп., переходъ вызванъ былъ отказомъ консисторіи назначить сюда особаго священника, въ виду бѣдности прихода; въ это время явился въ Теляжъ одинъ изъ четырехъ православныхъ священниковъ (о. Илечко) и предложилъ совершать всѣ требы безплатно, съ назначеніемъ же особаго уніатскаго священника—въ приходѣ осталось православныхъ 4 двора. Въ с. Черномъ всѣ прихожане, перешедшіе было въ православіе въ виду перевода любимаго священника, остались въ уніи, когда священникъ этотъ былъ возвращенъ имъ. Переходы въ православіе во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣли характеръ демонстративный и продиктованы были побужденіями практическаго свойства,—какъ наиболѣе дѣйствительное средство принудить духовную власть дать того, а не иного священника. Очевидно, рѣчь здѣсь можетъ быть скорѣе о религіозномъ индифферентизмѣ, чѣмъ объ увлеченіи новымъ религіознымъ ученіемъ.

Въ послѣднее время въ газетахъ появились сообщенія о томъ, что нѣкоторые уніатскіе священники приняли православіе. Фактъ этотъ едва ли можетъ кого удивить, такъ какъ въ средѣ $2^1/_2$ тысячнаго кадра уніатскихъ священниковъ и среди $3^1/_2$ милліонной массы уніатскаго населенія Галиціи, конечно, имѣются элементы, тяготѣющіе къ инымъ конфессіямъ, и, что слабо держалось въ уніи, то и уходитъ изъ нея въ моментъ, наиболѣе благопріятный

для такого ухода. Тѣмъ менѣе фактъ этотъ можетъ дать основанія для какихъ-либо широкихъ обобщеній. Какъ бы принудительно въ свое время ни навязывалась унія населенію, теперь, послѣ 200 слишкомъ лѣтъ ея существованія, она является уже для современнаго галицкаго населенія вѣрою отцовъ и дѣдовъ, пустила глубокіе корни въ народную жизнь и всякая ломка въ отношеніи вѣры не можетъ дать успѣшныхъ результатовъ. На сколько вообще не легко мѣняется вѣра, въ особенности по мотивамъ внѣшняго характера, показываетъ примѣръ холмскихъ уніатовъ; эта темная, забитая масса десятки лѣтъ «упорствовала» въ своей вѣрѣ, пока, наконецъ, при первомъ благопріятномъ случаѣ не ушла—только не въ православіе, а въ католицизмъ, потерявъ при этомъ не только вѣру, но и народность.

Хозяйственныя отношенія.

Матеріалъ, характеризующій хозяйственныя отношенія въ Галичанѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, основанный на офиціальныхъ статистическихъ данныхъ, въ большинствѣ случаевъ пріуроченъ къ существующимъ въ этихъ странахъ административнымъ дѣленіямъ; а такъ какъ территорія, заселенная украинскимъ народомъ въ Австро-Венгріи, разбита между тремя областями, то выдѣленіе данныхъ, касающихся только украинской территоріи, не всегда представляется возможнымъ. Затѣмъ, если относительно Галиціи имѣемъ сравнительно богатую литературу по данному вопросу, то для Буковины—источниковъ меньше, и, наконецъ, они почти отсутствуютъ для Угорской Руси. Тѣмъ не менѣе, административныя дѣленія, при однообразныхъ въ общемъ и цѣломъ экономическихъ условіяхъ территоріи, слишкомъ невелики, чтобы могли измѣнить общій характеръ картины. Если данныя эти не удовлетворятъ статистика, ищущаго точныхъ абсолютныхъ цифръ, то для задачъ экономическаго очерка, для обрисовки экономическаго строя края онѣ могутъ считаться достаточными.

По характеру и строю своей экономической жизни, Прикарпатская Украйна представляетъ картину, напоминающую отношенія, господствующія въ русской Украйнѣ и Россіи, и рѣзко отличную отъ западно-европейскихъ отношеній, съ характернымъ для нихъ господствомъ въ экономической жизни промышленности и города. Прикарпатская Украйна—край сельско-хозяйственнаго производства съ незначительно развитой промышленностью, съ торговлей, строй которой приспособленъ къ обслуживанію интересовъ сельскаго производителя, край, въ сельско-хозяйственномъ производствѣ котораго господствуютъ главнымъ образомъ отсталыя формы хозяйства. Соотвѣтственно съ этимъ роль города и

городского населенія въ Прикарпатской Украйнѣ, какъ и въ русской Украйнѣ, является до сихъ поръ второстепенной и отнюдь не господствующей.

Населеніе и его профессіональный составъ. Останавливаясь прежде всего на наиболѣе значительной части украинской территоріи—Галиціи, отмѣтимъ, что въ ней, по даннымъ д-ра Вейнфельда, процентъ сельскаго населенія (1910 г.) составляетъ 80,2,—норма, приближающаяся къ отношеніямъ въ русской Украйнѣ. При этомъ для украинской части Галиціи этотъ процентъ долженъ быть нѣсколько увеличенъ, въ виду наблюдаемаго менѣе значительнаго роста городовъ въ восточной украинской Галиціи, сравнительно съ западной, польской ея частью.

Но этотъ процентъ городского населенія не характеренъ для выясненія количества городского украинскаго населенія. Выясняя экономическую структуру того края, въ которомъ украинское населеніе составляетъ большинство, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ достаточныхъ данныхъ для разрѣшенія вопроса о разселеніи украинскаго населенія.

При преобладающемъ еврейско-польскомъ характерѣ городскихъ поселеній въ Галиціи, этотъ процентъ городского населенія, общій для всѣхъ національностей, для украинцевъ будетъ значительно ниже; это подтверждается слѣдующей таблицей, приводимой В. Охримовичемъ («З поля національної статистики Галичини»—данныя 1900 г.):

Жило въ восточной Галиціи на каждые 100 человѣкъ:	Въ общинахъ съ населеніемъ свыше 50 тыс.	Въ общинахъ съ населеніемъ ниже 50 тыс.	Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (дворскихъ обшарахъ).
Изъ всѣхъ греко-католиковъ (украинцевъ)	7,1%	90,8%	2,1%
» » р.-католиковъ (поляковъ) . . .	24,0%	68,5%	7,5%
» » евреевъ	46,2%	46,5%	7,3%
» всего населенія	16,1%	79,8%	4,1%

Сообразно съ незначительнымъ процентомъ городского населенія распредѣленіе населенія по профессіямъ указываетъ на преимущественно деревенскій, земледѣльческій характеръ страны.

Для всей Галиціи процентное отношеніе лицъ, занятыхъ въ

отдѣльныхъ профессіяхъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ (1900 г.):

Названіе профессій:	%%
Земледѣліе	76,82
Промышленность	9,01
Торговля	7,81
Свободныя профессіи	6,36

Для украинскаго населенія это распредѣленіе нѣсколько измѣняется въ сторону еще большаго увеличенія процента земледѣльческаго населенія. По нѣсколько устарѣлымъ даннымъ Бузека распредѣленіе населенія по профессіямъ между двумя главнѣйшими національностями въ краѣ предоставляетъ слѣдующую картину:

Названіе профессій:	% у поляковъ	% у украинц.
Земледѣліе	81,5	94,4
Промышленность	5,7	1,4
Торговля	3,0	0,4
Прислуга	3,7	1,4
Общественная служба и либеральныя профессіи.	1,6	0,5
Военная служба	1,8	1,00
Рентьеры, лица безъ опред. проф. и лица, пользующіяся обществ. помощью	2,7	0,9

При тѣхъ тенденціяхъ, какія намѣтились въ ростѣ населенія въ нашу эпоху во всѣхъ странахъ въ связи съ распредѣленіемъ его между городомъ и деревней, въ Галиціи, какъ и слѣдовало это предполагать, дѣйствительный приростъ населенія значительно ниже естественнаго.

Вслѣдствіе громаднаго процента сельскаго населенія, въ связи съ условіями развитія сельскаго хозяйства въ Галиціи, въ деревнѣ создался избытокъ земледѣльческаго населенія; выходомъ изъ создавшагося положенія является эмиграція, которая началась въ восточной Галиціи около 1900 г.; за десятилѣтіе съ 1900 по 1910 г. изъ всей Галиціи эмигрировало около 478 тыс. чел., въ томъ числѣ украинцевъ 224,331 чел.; райономъ эмиграціи въ восточной Галиціи являются уѣзды Галицкой Подоліи (Залищики, Борщовъ, Гусятинъ, Скалатъ, Теребовля, Збаражъ и Чортковъ).

Странами, куда направляется эмиграціонный потокъ изъ Галиціи, являются Канада и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, отчасти Бразилія.

Относительно характера размѣщенія населенія на территоріи Буковины приведемъ слѣдующія данныя (1910 г.):

Населеніе въ поселеніяхъ съ общимъ количествомъ:

		Поселеній.	Жит. въ нихъ.
менѣе 500	жит.	44	14,346
отъ 500— 2,000	»	198	238,729
» 2,000— 5,000	»	97	292,477
» 5,000—10,000	»	21	128,924
» 10,000—20,000	»	3	38,494
свыше 20,000	»	1	87.124
Всего.		364	800,098

Угорская Русь, состоящая изъ четырехъ расположенныхъ въ горахъ комитатовъ (уѣздовъ), не имѣющая ни одного сколько-нибудь значительнаго города, представляетъ еще болѣе отчетливую картину господства сельскаго населенія надъ городскимъ и преимущественной роли сельско-хозяйственнаго производства.

Сельское хозяйство. При томъ громадномъ перевѣсѣ сельскаго населенія въ Прикарпатской Украйнѣ, который нами выясненъ и подчеркнутъ, ясна та громадная роль, какую играетъ въ экономической жизни края сельское хозяйство.

Это требуетъ отъ насъ болѣе детальнаго и подробнаго изслѣдованія отношеній въ данной области.

Для выясненія распредѣленія земельной площади въ Галиціи между отдѣльными видами угодій у насъ имѣются данныя, основанныя на распредѣленіи земельнаго налога въ 1902 г. По этимъ даннымъ въ восточной Галиціи приходилось:

на пашню	2,596,259	гкт.	47,0%
» луга	695,634	»	12,6%
» огороды	91,217	»	1,6%
» пастбища, необработанныя пространства и пустоши.	499,530	»	9,1%

Всего земледѣльческой площади. . . .	3.882,640	гкт.	70,3%
на лѣса	1.450,301	»	26,2%
» пруды и болота	24,942	»	0,4%
Всего на земли, обложенныя налогомъ.	5.351,047	»	96,9%
» » » свободныя отъ налога .	179,829	»	3,1%

Это распредѣленіе по видамъ угодій въ отдѣльныхъ уѣздахъ Галиціи измѣняется довольно значительно въ зависимости отъ положенія уѣздовъ по отношенію къ Карпатамъ; въ горныхъ уѣздахъ (Косовъ, Долина, Надвирня) процентъ пашни равенъ только 10%, въ трехъ уѣздахъ (Богородчаны, Калушъ, Стрый) этотъ процентъ колеблется между 20 и 30; съ другой стороны, въ пяти уѣздахъ Галицкой Подоліи (Збаражъ, Тарнополь, Теребовля, Скалатъ, Городенка) процентъ пашни поднимается до 75—80.

Распредѣленіе сельско-хозяйственной площади въ восточной Галиціи между отдѣльнымъ категоріями хозяйствъ указываетъ, что въ земледѣліи преобладаетъ мелкое крестьянское хозяйство. По даннымъ 1902 года процентное отношеніе количества хозяйствъ и принадлежащей каждому разряду хозяйствъ земельной площади представлялось слѣдующимъ образомъ:

Размѣръ хозяйствъ въ гкт.	% количества хозяйствъ.	% земельной площади.
до 0,5 гкт.	6, 5	0,25
0,5— 1 »	12, 6	1,22
1— 2 »	23, 5	4, 5
2— 5 »	37, 2	17, 0
5— 10 »	14, 4	14, 5
10— 20 »	3, 7	7, 5
20— 50 »	0, 7	3, 8
50—100 »	0, 2	2, 5
свыше 100 »	0,34	37, 0

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что крестьянское хозяйство, притомъ хозяйство карликовое и несамостоятельное, въ Галиціи рѣшительно преобладаетъ; при степени развитія сельско-хозяйственной культуры въ Галиціи для использованія силъ средней рабочей семьи необходимо 3—6 гектаровъ; при такомъ положеніи необходимо отнести къ несамостоятельнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ свыше 42 процентовъ всѣхъ хозяйствъ въ Гали-

ціи; среднее крестьянское хозяйство почти отсутствуетъ; карликовому крестьянскому хозяйству противустоятъ земельныя латифундіи; посредствующихъ звеньевъ, въ видѣ крѣпкихъ среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ, почти не имѣется.

Останавливаясь на крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, необходимо отмѣтить то юридическое положеніе, въ которомъ находится крупная и мелкая земельная собственность. Какъ пережитокъ крѣпостного права въ Галиціи, существуетъ раздѣленіе земельной собственности на два разряда: земли доминикальныя (табулярныя) и нетабулярныя. Къ первымъ землямъ относятся тѣ, которыя принадлежали при крѣпостномъ правѣ помѣщикамъ; до сихъ поръ, какъ остатокъ крѣпостнаго права, существуетъ для этихъ земель особое положеніе въ административномъ отношеніи; онѣ не входятъ въ общинную связь и стоятъ отъ нея особо, вслѣдствіе этого онѣ подлежатъ обложенію на нужды общинъ только въ очень незначительныхъ предѣлахъ.

Между отдѣльными категоріями владѣльцевъ крупная (табулярная) земельная собственность въ восточной Галиціи распредѣлялась слѣдующимъ образомъ (1902 г.)

	% табулярныхъ земель.
Публичная собственность	17,3
Христіанская собственность	71,5
Еврейская собственность	10,3
Собственность юридич. лицъ.	0,9

Табулярной земельной собственности принадлежатъ отдѣльные роды земель очень неравномѣрно; если площадь пашни, принадлежащая крупной земельной собственности, немного болѣе $^1/_4$ всей пахотной земли (27, 2%), то въ ея владѣніи состоитъ свыше $^4/_5$ всѣхъ лѣсовъ (84,7%).

Распредѣленіе земли между отдѣльными категоріями хозяйствъ до извѣстной степени предуказываетъ ту систему хозяйства, которая господствуетъ въ Галиціи. Громадное количество карликовыхъ хозяйствъ создаетъ избытокъ рабочихъ рукъ, понижающій заработную плату и влечетъ за собой усиленную погоню за землей, повышающую арендныя цѣны и вздувающую продажную цѣнность земли. Оба эти обстоятельства создаютъ условія, препятствующія интенсификаціи крупнаго земледѣльческаго хозяйства, ибо для него, при дешевизнѣ рабочихъ рукъ, является

невыгоднымъ примѣненіе машинъ, какъ подчасъ невыгодно и веденіе собственнаго хозяйства при возможности эксплуатаціи земли путемъ сдачи ея въ аренду по вздутымъ цѣнамъ сосѣднимъ крестьянамъ.

Степень интенсивности крупнаго земледѣльческаго хозяйства вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ невысока. Интенсификація мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ при отсутствіи рынковъ сбыта въ видѣ мѣстныхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, при отсутствіи капитала и оборотныхъ средствъ, точно такъ же крайне затруднена.

Эта низкая степень интенсивности сельскаго хозяйства въ Галиціи рѣзко проявляется въ распредѣленіи отдѣльныхъ культуръ и урожайности отдѣльныхъ культивируемыхъ злаковъ.

Взаимное отношеніе культуръ въ Галиціи представлялось слѣдующимъ образомъ:

	среднее съ 1896 по 1905 г. % с.-х. площ.	среднее съ 1883—1894 г. % с.-х. площ.
Зерновые хлѣба (включая кукурузу, гречиху и просо)	56,4	64,6
Стручковыя растенія	3,7	3,6
Масличныя растенія	0,3	0,4
Торговыя растенія	1,3	1,5
Бураки, капуста и пр.	13,0	12,1
Кормовыя растенія	9,1	7,9
Огородныя растенія	0,2	
Пастбища и прочія земли	16,0	12,8

Болѣе подробное представленіе о распредѣленіи отдѣльныхъ культуръ даетъ слѣдующая таблица, касающаяся только Восточной Галиціи.

Отношеніе отдѣльныхъ культуръ въ 1906 г. было таково.

	% с.-х. пл.
Пшеница	14,4
Рожь	17,3
Ячмень	9,0
Овесъ	16,5
Кукуруза	3,1
Гречиха	2,2
Просо	0,9

	% с.-х. пл.
Стручковыя	3,0
Макъ, анисъ, рапсъ	0,5
Ленъ и конопля	1,2
Табакъ	0,1
Хмель	0,1
Картофель	13,6
Сахарная свекла	0,2
Кормовая свекла и морковь	0,7
Капуста	0,6
Клеверъ	7,4
Кормовыя травы	2,0
Ярица	0,4
Пастбища и нераспр. земли	5,3

Средняя урожайность для восточной Галиціи равнялась въ метрическихъ центнерахъ на одинъ гектаръ:

	въ 1906 г.	въ 1912 г.
для пшеницы	11,9	12,2
» ржи	9,8	12,2
» ячменя	9,5	13,3
» овса	9,3	12,5
» кукурузы	13,9	—
» картофеля	110,0	135,9
» сахарн. свеклы	212,0	—

Рядъ приведенныхъ цифръ наглядно обрисовываетъ низкую степень интенсивности сельскаго хозяйства Галиціи. Характерное для интенсивнаго земледѣлія развитіе культуры корнеплодовъ, стручковыхъ и промышленныхъ растеній въ галицкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ находитъ незначительное мѣсто; хозяйство носитъ примитивный зерновой характеръ; обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что при сопоставленіи данныхъ о развитіи отдѣльныхъ культуръ за два періода 1884—1893 г.г. и 1896—1905 г.г. прогрессъ сельскаго хозяйства въ смыслѣ перехода отъ примитивныхъ зерновыхъ къ культурамъ высшимъ можно отмѣтить только въ очень незначительной степени.

Средняя урожайность является невысокой; она ниже среднихъ данныхъ по всей Австріи и несравненно ниже урожайности въ такихъ областяхъ интенсивной земледѣльческой культуры, какъ

Чехія или Германія. Низкая степень земледѣльческой культуры наглядно и рельефно проявляется въ сильныхъ колебаніяхъ урожаевъ изъ года въ годъ въ зависимости отъ погоды; Галиція знаетъ сильныя колебанія урожайности, напоминающія собой такъ знакомые намъ русскіе неурожаи. Всѣ эти обстоятельства въ суммѣ создаютъ то положеніе, что Галиція, этотъ par excellence земледѣльческій край, не можетъ прокормить себя и не только не вывозитъ хлѣбъ, но принуждена его ввозить. Галиція потребляетъ около четверти привознаго хлѣба.

Въ высокой степени характерными данными для уясненія положенія сельскаго хозяйства въ Галиціи, являются господствующія въ краѣ арендныя отношенія. Аренда въ краѣ является очень распространенной, къ ней прибѣгаютъ около 10% всѣхъ хозяйствъ въ Галиціи; при этомъ господствуетъ аренда въ видѣ приарендованія земли въ количествѣ не превышающемъ собственнаго участка. Цѣны мелкой аренды подняты до крайнихъ предѣловъ, аренда существуетъ въ формѣ такъ называемой голодной аренды русскихъ центральныхъ земледѣльческихъ губерній.

Примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ края очень незначительно. Распространены главнымъ образомъ такія примитивныя машины, какъ соломорѣзки (ручныя) и вѣялки; употребленіе болѣе сложныхъ машинъ, какъ жнеекъ, косилокъ очень невелико; число хозяйствъ, владѣющихъ машинами, включая и примитивныя, едва равняется четверти всѣхъ хозяйствъ.

Машина не примѣняется, такъ какъ она невыгодна. Предложеніе рабочихъ рукъ въ количествѣ, значительно превышающемъ потребность хозяйствъ, дѣлаетъ нецѣлесообразнымъ употребленіе сельскохозяйственныхъ машинъ. Галиція располагаетъ почти 1.200.000 рабочихъ рукъ, излишнихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. При подобномъ превышеніи предложенія надъ спросомъ цѣны на рабочія руки въ Галиціи стоятъ очень низко; при этомъ значительно распространена натуральная форма оплаты труда. Для иллюстраціи высоты оплаты сельскохозяйственнаго труда приводимъ цифры для восточной Галиціи, относящіяся къ 1905 г.; плата натурой въ жнива составляла 10—12 часть каждой нажатой копы (60 сноповъ); денежная плата за копу равнялась 0,60—1,0 кр.

Положеніе скотоводства въ Галиціи представляется болѣе благопріятнымъ сравнительно съ положеніемъ земледѣлія. Коли-

чество скота въ общемъ и цѣломъ растетъ; при уменьшеніи количества рогатаго скота и овецъ, число лошадей, а особенно количество мелкаго скота, возрастаетъ въ очень значительныхъ размѣрахъ; свиноводство за послѣдніе годы сдѣлалось опредѣленнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но при значительномъ количествѣ скота качество его невысоко; преобладаютъ мелкія и простыя породы; стремленіе къ улучшенію породъ проводится въ незначительной степени.

Количество скота въ 1910 г. во всей Галиціи выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ:

лошадей	905,272
рогатаго скота	2.505,079
овецъ	354,953
свиней	1.835,464

Прибыль и убыль скота для восточной Галиціи въ періодъ времени съ 1900 по 1910 г. выражалась въ процентахъ такъ:

лошадей	+ 4,1
рогатаго скота	— 9,2
овецъ	—18 (для всей Галиціи)
свиней	+43,2

Количество скота, приходящееся въ 1910 г. на одинъ кв. километръ земледѣльческаго пространства, для восточной Галиціи таково:

лошадей	рогатаго скота	овецъ	свиней
13,7	40,9	8,1	34,7

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ положеніемъ сельскаго хозяйства въ восточной Галиціи, мы должны отмѣтить также тѣ мѣры, которыя предпринимаются для улучшенія положенія мелкаго крестьянскаго хозяйства. Мѣропріятія эти можно разбить на два разряда. Съ одной стороны, мы имѣемъ рядъ организацій и мѣръ, направленныхъ къ улучшенію положенія сельскаго хозяйства, основанныхъ на самостоятельности и активномъ творчествѣ самого населенія. Съ другой стороны, необходимо остановиться на дѣятельности въ этомъ направленіи краевого правительства. Большее и преимущественное значеніе въ экономической жизни края имѣетъ дѣятельность въ этомъ направленіи

самого населенія, создавшаго, правда, при нѣкоторомъ содѣйствіи краевой власти, рядъ многочисленныхъ экономическихъ и кооперативныхъ организацій. Въ виду важности этихъ организацій въ жизни края очеркъ ихъ положенія мы выдѣлимъ особо въ дальнѣйшемъ изложеніи; здѣсь же остановимся на землеустроительной и аграрной политикѣ краевого и центральнаго правительства.

Въ этой области заслуживаютъ вниманіе мѣры, направленныя противъ дробленія мелкой земельной собственности съ одной стороны и мѣры, содѣйствующія увеличенію площади земли, находящейся въ собственности мелкихъ производителей—съ другой; особое мѣсто занимаютъ мѣропріятія, содѣйствующія болѣе раціональному использованію земельной площади, находящейся въ обладаніи мелкихъ хозяйствъ.

Къ мѣропріятіямъ перваго рода необходимо прежде всего отнести парцеляцію крупныхъ земельныхъ владѣній въ цѣляхъ передачи ихъ мелкимъ собственникамъ. Дробленіе крупныхъ владѣній и продажа ихъ крестьянамъ, притомъ преимущественно сосѣднимъ, въ Галиціи наблюдается уже давно, почти непосредственно со времени уничтоженія крѣпостного права. Но до недавняго времени производство парцеляціи находилось въ частныхъ рукахъ, въ рукахъ всякихъ спекулянтовъ, которые, выступая какъ посредники и капиталисты, значительно удорожали цѣнность земли къ невыгодѣ крестьянъ; заработокъ этихъ предпринимателей, покупавшихъ землю у помѣщика и затѣмъ отъ своего имени продававшихъ ее крестьянамъ, нерѣдко достигалъ 25—50%. Лишь въ 1897 г. при областномъ банкѣ былъ основанъ парцеляціонный отдѣлъ, реформированный въ 1899 г. въ отдѣльный парцеляціонный банкъ; капиталы этого банка незначительны и поэтому его дѣятельность не имѣетъ болѣе широкихъ размѣровъ; кромѣ того банкъ проводитъ польскія націоналистическія тенденціи и избѣгаетъ парцелировать имѣнія для продажи ихъ украинскимъ крестьянамъ; о размѣрахъ дѣятельности банка у насъ имѣются данныя лишь за первыя восемь лѣтъ; до 1906 г. имъ было парцелировано 44 имѣнія размѣромъ около 11,000 гект., стоимостью 16 мил. кронъ.

Производство парцеляціи въ цѣляхъ ея нормированія въ интересахъ мелкихъ собственниковъ сеймомъ не урегулировано; хотя къ тому дѣлались неоднократныя попытки, но ни одинъ

изъ предложенныхъ законопроектовъ не пріобрѣлъ силы закона.

Дѣятельность краевого правительства въ дѣлѣ парцеляціи дополняется дѣятельностью общественныхъ организацій; въ частности для обслуживанія интересовъ украинскаго крестьянства въ 1907 г. было организовано парцеляціонное товарищество «З е м л я». За годы 1907—1912 при его содѣйствіи парцелировано 4,523 морга земли; принимаютъ въ этомъ дѣлѣ участіе и другія украинскія финансовыя учрежденія; по приблизительному подсчету до 1913 г. при содѣйствіи украинскихъ финансовыхъ организацій парцелировано 22,197 морговъ земли.

Своеобразнымъ средствомъ, направленнымъ противъ дробленія земельной собственности, является проведенный въ сеймѣ въ 1906 г. законъ о рентовыхъ хозяйствахъ (wlosc'яхъ rentow'ыхъ). На основаніи этого закона при областномъ правительствѣ была выдѣлена особая комиссія, которая ставитъ своей цѣлью кредитованіе среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ размѣрами отъ 5 до 60 гк.; однимъ изъ условій пользованія кредитомъ является запрещеніе раздѣла хозяйства безъ разрѣшенія комиссіи.

Изъ другихъ мѣропріятій аграрной политики необходимо отмѣтить такъ называемую комассацію, т.-е. проведеніе межеванія крестьянскихъ земель въ цѣляхъ устраненія черезполосицы, отъ которой мелкое хозяйство страдаетъ очень сильно. Законъ о комассаціи проведенъ въ сеймѣ въ 1898 г., фактически же проводится въ дѣйствіе съ 1904 г.

Дренированіе почвъ—очень важный для галицкихъ условій вопросъ—поставленъ въ Галиціи на очередь сеймомъ въ 1878 г.; однако болѣе значительные размѣры работы въ этомъ направленіи приняли лишь съ 1906—1907 г.; въ настоящее время въ Галиціи ежегодно дренируется около 2,500—4,000 гектаровъ.

Переходя къ положенію сельскаго хозяйства въ другихъ частяхъ Прикарпатской Украйны, мы должны отмѣтить, что въ общемъ и цѣломъ по типу хозяйственныя отношенія, господствующія въ Буковинѣ и Угорской Руси, повторяютъ собой отношенія украинской Галиціи; въ частности украинскіе уѣзды Буковины близки по характеру сельскохозяйственныхъ отношеній къ земледѣльческимъ уѣздамъ Галиціи; Угорщина же напоминаетъ отношенія въ горныхъ уѣздахъ Галиціи, съ той лишь разницей, что въ послѣдней положеніе мелкихъ несамостоятельныхъ

хозяйствъ значительно хуже положенія ихъ въ Галиціи, вслѣдствіе тѣхъ тяжелыхъ политическихъ и бытовыхъ условій, въ которыхъ находится Угорщина.

Тѣ прогрессивныя явленія, которыя все-таки намѣчаются въ галицкомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ Угорской Руси отсутствуютъ вполнѣ и совершенно; населеніе, стѣсненное малоземельемъ, отсутствіемъ дешеваго кредита, единственный выходъ изъ своего тяжелаго положенія находитъ въ эмиграціи, которая принимаетъ все болѣе угрожающіе размѣры. Приведемъ нѣсколько цифръ.

Распредѣленіе земельной площади во всей Буковинѣ, по даннымъ 1897 г., представлялось слѣдующимъ образомъ:

Пашни	288,184	гкт.
Садовъ	8,121	»
Луговъ и пастбищъ	260,937	»
Лѣсовъ	451,230	»
Болотъ, озеръ и прудовъ	942	»
Земли свободн. отъ обложенія	34,776	»
Всего	1,044,132	»

Урожайность въ 1912 г. для главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Буковинѣ выражалась такъ:

Пшеница	12,7	метр. цент.
Рожь	12,7	» »
Ячмень	10,4	» »
Овесъ	14,4	» »
Кукуруза	13,2	» »
Картофель	81,2	» »

Площадь, занятая болѣе распространенными хлѣбами въ % къ общей земледѣльческой площади края въ Буковинѣ въ 1912 г. даетъ слѣдующія цифры:

Пшеница	7,1%
Рожь	10,0%
Ячмень	10,7%
Овесъ	14,8%
Кукуруза	20,1%
Картофель	12,0%

Положеніе скотоводства въ Буковинѣ характеризуется слѣдующею таблицею, составленною на основаніи данныхъ 1910 г.:

	лошадей	рогат. скота	овецъ	свиней
общее число	70,041	227,906	189,489	219,298
на 1 кв. кил. сельск.-хоз. площади	12,57	40,90	34,00	39,35
прибыль или убыль за послѣднее десятилѣтіе въ %%.	+15,2	—5,6	+28,3	+19,6

Относительно Угорской Руси мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ соотвѣтствующими статистическими данными.

Промышленность Прикарпатской Украйны въ экономической жизни края сравнительно съ сельскимъ хозяйствомъ играетъ подчиненную роль. Выше мы приводили данныя о профессіональномъ составѣ населенія, изъ которыхъ видно было, насколько незначительна та часть населенія, которая занята въ промышленности.

Въ степени развитія промышленности первое мѣсто занимаетъ Галиція, гдѣ въ настоящіе годы индустріализація края подвинулась впередъ довольно значительно; промышленность Буковины развита значительно слабѣе; въ Угорщинѣ промышленность въ капиталистической формѣ отсутствуетъ почти совершенно.

По даннымъ промышленной переписи 1902 года въ восточной Галиціи и Буковинѣ число промышленныхъ заведеній, исключая изъ этого числа мелкія предпріятія ремесленнаго типа, равнялось:

	Восточн. Галиція	Буковина
число промышл. зав. . .	3,660	810
» занятыхъ раб. . .	38,749	7,370
» двигат. силъ . . .	50,513	11,356

Число же всѣхъ промышленныхъ заведеній по тѣмъ же даннымъ равняется въ восточной Галиціи 249,977 съ 482,400 рабочими и въ Буковинѣ 18,836 съ 43,300 рабочими.

Въ 1912 г. во всей Галиціи было 4,363 фабрично-заводскихъ предпріятія съ106,546 рабочими. Цѣнность промышленной и горной производительности Галиціи равна 607 милл. кронъ. Приведенныя данныя, хотя и являются нѣсколько устарѣвшими, тѣмъ не менѣе достаточны для того, чтобы дать представленіе о характерѣ и сте-

пени развитія промышленности въ краѣ. Промышленность, поскольку она существуетъ, носитъ характеръ мелкихъ предпріятій; формы крупнаго производства почти отсутствуютъ.

По развитію отдѣльныхъ отраслей производства въ восточной Галиціи на первомъ мѣстѣ стоятъ производства по обработкѣ питательныхъ веществъ: мукомольное дѣло, производство пива, спирта и водки и т. д. Горная промышленность въ краѣ занимаетъ второе мѣсто, хотя Прикарпатская Украйна имѣетъ достаточное количество минеральныхъ богатствъ и условія для развитія ея въ краѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ существуютъ.

Въ восточной Галиціи имѣются залежи каменнаго угля (бураго). По склонамъ Карпатъ отъ границы западной Галиціи до Дуная находятся богатые залежи каменной соли и нефти, при чемъ нефть добывается здѣсь очень высокаго качества. Въ районѣ Борыслава и Дрогобыча находятся залежи земного воска. Кромѣ того встрѣчаются въ краѣ залежи желѣзной руды. Но эксплоатація минеральныхъ богатствъ производится въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ.

Стоимость производительности горной промышленности равнялась въ1910г. во всей Галиціи 63 милл. кронъ; число предпріятій 372 съ 17,067 раб.

Развиты въ Галиціи кромѣ того производства по обработкѣ дерева. Изъ другихъ отраслей промышленности болѣе развиты промыслы по обработкѣ камня, глины и выработкѣ стекла и химическія производства.

Необходимо отмѣтить кустарные промыслы, носящіе національный украинскій характеръ, промыслы по обработкѣ дерева, распространенные главнымъ образомъ среди гуцуловъ, и ткацкій промыселъ.

Торговля. Торговля въ Прикарпатской Украйнѣ развита очень значительно. По даннымъ 1902 г. число торговыхъ предпріятій въ осѣдлой и бродячей торговлѣ во всей Галиціи равно 84,088; лицъ занятыхъ въ торговлѣ было 121,901. Число торговыхъ предпріятій превышаетъ въ Галиціи число промышленныхъ предпріятій. Данныя о количествѣ и родѣ продуктовъ, составляющихъ предметъ торговли не могутъ быть представлены въ видѣ точныхъ и опредѣленныхъ цифръ. Мы должны ограничиться указаніемъ на главные роды ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ и на главные рынки сбыта. Прикарпатская Украйна

вывозитъ главнымъ образомъ сырые и полуобработанные продукты, ввозитъ же предметы фабричнаго производства.

Изъ Галиціи главнымъ предметомъ вывоза является нефть, идущая на рынки Австріи и Германіи; довольно значителенъ вывозъ дерева въ Германію, въ Левантъ черезъ Россію и въ Румынію; вывозится кромѣ того скотъ, преимущественно свиньи и продукты скотоводства. Предметами ввоза являются хлѣбъ (въ Галиціи и Угорской Руси) и фабрикаты—мануфактурный, галантерейный товаръ, металлическія издѣлія и т. д. Поставщикомъ фабрикатовъ кромѣ Австріи является Германія. Необходимо отмѣтить, что участіе въ товарообмѣнѣ Угорщины, вслѣдствіе бѣдности края, очень незначительно.

Внутренняя распредѣлительная торговля сосредоточена почти исключительно въ рукахъ мелкихъ торговцевъ-евреевъ. Роль ихъ не ограничивается собственно торговыми функціями; сплошь и рядомъ, особенно въ деревняхъ, она соединена съ ролью скупщика с.-х. продуктовъ и съ кредитованіемъ мѣстнаго населенія. Въ торговлѣ очень развита продажа въ кредитъ.

Участіе украинскаго населенія въ торговлѣ въ роли активныхъ дѣятелей торговаго класса очень незначительно.

Финансы. Для сужденій объ экономическомъ строѣ края являются характерными данныя о налоговомъ положеніи области. Въ виду этого мы приводимъ ниже нѣкоторыя цифры для выясненія этого вопроса. Въ нашемъ распоряженіи имѣются данныя, касающіяся одной лишь Галиціи.

По приблизительному подсчету въ Галиціи въ 1911 г. доходы государства представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

доходы отъ государственныхъ имуществъ и предпріятій	123,384,270	кр.
административные приходы	4,577,856	»
пошлины и налоги на обращеніе	33,657,510	»
прямые налоги и налоги на право торговли виномъ	34,153,800	»
косвенные налоги и монополіи	115,224,310	»
Итого	311,597,746	кр.

Расходы государства въ Галиціи за тотъ же годъ по приблизительному подсчету равны 283,889,856 кр.

Любопытны данныя о распредѣленіи доходовъ въ Галиціи по даннымъ личнаго подоходнаго налога:

Лицъ, платящихъ личный подоходный налогъ въ 1910 г. было:

съ доходомъ	1200 кр.	278
»	1200— 2400	62,915
»	2400— 4000	26,235
»	4000— 12000	15,294
»	12000— 20000	1,574
»	20000— 40000	718
»	40000—100000	257
»	100000—200000	53
»	болѣе 200000	2

Автономный областной бюджетъ Галиціи въ 1911 г. равнялся:

приходы	58,874,945 кр.
расходы	63,356,178 »
при дефицитѣ въ	4,481,233 »

Распредѣленіе расходовъ въ областномъ бюджетѣ было слѣдующее:

народное образованіе	40,05%
хозяйственныя цѣли	22,39 »
медицина и обществ. призрѣніе	10,71 »
дороги	9,60 »
проценты и погашеніе займовъ	5,98 »
областное управленіе и представительство	4,71 »
общественная безопасность	1,83 »
поддержка историч. памятниковъ	0,58 »
различные расходы	4,15 »

Бюджетъ уѣздовъ и гминъ Галиціи, исключая столичные города Краковъ и Львовъ, въ 1907 г. равнялся: 51,075,466 кр.; бюджетъ Львова въ 1911 г. равнялся: расходы 8,293,955 кр., доходы 8,300,206 кр.

Экономическая самопомощь населенія. При тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится масса населенія въ Прикарпатской Украйнѣ, развитіе экономической самопомощи населенія является однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ дальнѣйшаго хозяйственнаго прогресса края и его обитателей. Особенно важенъ этотъ вопросъ для украинскаго

населенія, въ сплошной своей массѣ принадлежащаго къ неимущимъ классамъ.

Необходимо сказать, что въ этой области мѣстнымъ населеніемъ достигнуты значительные успѣхи и въ Галиціи и въ Буковинѣ, исключеніе представляетъ въ этомъ отношеніи лишь Угорщина. По развитію экономическихъ организацій на первомъ мѣстѣ стоитъ Буковина: изъ 152 деревень, заселенныхъ украинцами, въ 142 (1910 г.) имѣются кооперативныя учрежденія. Во всей Галиціи въ 1911 г. было кооперативныхъ организацій 3,788; одно кооперативное товарищество приходилось на 20 кв. кил. и 2119 душъ населенія.

Въ Галиціи, какъ и во всей Австріи, различаютъ двѣ главныя формы кооперативныхъ организацій—чисто кооперативныя организаціи, основанныя по закону 1873 г. и сельско-хозяйственныя товарищества, созданныя на основаніи закона объ обществахъ 1867 г.

Изъ сельско-хозяйственныхъ организацій въ Галиціи наиболѣе значительнымъ является Галицкое Сельско-хозяйственное Общество, одно изъ старѣйшихъ обществъ въ краѣ, получающее крупныя субсидіи отъ краевого правительства; это Общество является представителемъ интересовъ крупнаго консервативнаго польскаго землевладѣнія. Мелкое польское землевладѣніе въ восточной Галиціи объединено въ Обществѣ земледѣльческихъ кружковъ.

Тождественной украинской организаціей является общество: «Сельскій хозяинъ» (Сільський господарь). Это Общество было основано въ 1898 г., но болѣе широкую дѣятельность начало развивать съ 1908 г. Въ концѣ 1912 г. Общество насчитывало 90 отдѣленій, 1151 земледѣльческихъ кружковъ и 26,612 членовъ; задачей Общества является способствовать поднятію сельскаго хозяйства и домашнихъ промысловъ среди украинскаго населенія. Общество устраиваетъ для достиженія этихъ цѣлей с.-х. библіотеки, курсы, съѣзды, издаетъ с.-х. журналы и книги, устраиваетъ опытныя поля, распространяетъ улучшенныя сѣмена и удобренія, оказываетъ помощь при организаціи новыхъ с.-х. обществъ и т. д. Годовой бюджетъ общества свыше 200 т. кронъ.

Кромѣ «Сільского господаря» задачи подъема с.-х. культуры преслѣдуетъ въ послѣдніе годы старѣйшее украинское просвѣтительное общество «Просвіта»; въ 1912 г. «Просвітой» израсходовано на осуществленіе этихъ задачъ 37 т. кронъ; Общество издаетъ

с.-х. литературу, содержитъ с.-х. и торговую школы, устраиваетъ кооперативные курсы; при читальняхъ «Просвіты» во многихъ мѣстахъ находятся кооперативныя лавки.

Число экономическихъ кооперативныхъ организацій въ Галиціи, зарегистрированныхъ на украинскомъ языкѣ въ 1911 г., равнялось 1116; изъ нихъ къ центральной украинской кооперативной организаціи принадлежало 511, около 400 украинскихъ организацій принадлежатъ къ областной кооперативной организаціи, состоящей при краевомъ правительствѣ.

По численности организацій на первомъ мѣстѣ стоятъ кредитные кооперативы; интенсивно развиваются также молочныя товарищества и товарищества по совмѣстной закупкѣ и продажѣ с.-х. продуктовъ. Потребительная кооперація развита слабѣе. Характерной особенностью украинскихъ кооперативныхъ организацій является то, что многіе изъ нихъ ведутъ одновременно свою дѣятельность въ нѣсколькихъ направленіяхъ (такъ назыв. универсальныя общества).

Кредитныхъ организацій въ Галиціи свыше 1000; въ это число входятъ кассы при читальняхъ «Просвіты» и зарегистрированные кредитные кооперативы; кассъ при читальняхъ «Просвіты» въ 1911 г. было 257; дѣятельность этихъ организацій сводится къ доставленію населенію краткосрочнаго мелкаго кредита и не носитъ широкихъ размѣровъ; основу кредитной коопераціи составляютъ зарегистрированные кредитныя товарищества. Центральной организаціей для кредитной коопераціи является «Областной Кредитный Союзъ» (Краєвий Союз Кредитовий). Къ 1913 г. въ немъ состояло 889 членовъ; изъ нихъ 412 кооперативовъ, 153 прочихъ товариществъ и 424 отдѣльныхъ лицъ; собственный капиталъ Союза достигалъ къ 1913 г. 1,081,409. 62 кр.; вкладовъ союзъ имѣлъ на сумму 2,098,081. 17 кр.

Для полноты представленія о положеніи кредита среди украинскаго населенія необходимо отмѣтить общества, не относящіяся къ учрежденіямъ мелкаго кредита въ виду ихъ тѣсной связи съ организаціями мелкаго кредита и оказываемой имъ поддержки. Къ нимъ принадлежатъ и Общество взаимнаго кредита «Днѣстръ» (Дністер), «Украинская сберегательная касса въ Перемышлѣ» (Українська щадниця) и Украинскій гипотечный банкъ (Земельний Банк гіпотечний).

Молочныя товарищества въ Галиціи начали развиваться

съ 1901 г.; къ 1912 г. было 81 молочныхъ товариществъ; въ нихъ переработано молока 6,277,237 литровъ, выработано масла 250,014 килограммовъ, уплачено за молоко 537,665. 50 кр.

Въ 1907 г. организованъ центральный союзъ молочныхъ товариществъ «Областной молочный союзъ въ Стрыѣ» (Краевий Союз господарсько-молочарський в Стрию). Въ союзѣ въ 1911 г. было 264 члена; товарный оборотъ его равнялся 1,161,881. 97 кр. Союзъ имѣетъ въ краѣ 7 лавокъ и холодильникъ для масла.

Кооперативовъ для сбыта скота въ 1912 г. было 57; эти кооперативы начали развиваться лишь въ послѣдніе годы; точно также недавно начали организоваться товарищества для совмѣстной покупки и продажи предметовъ сельскаго хозяйства. Центральной организаціей для товариществъ по сбыту скота является: «Союзъ товариществъ по сбыту скота» (Союз спілок для збуту худоби); оборотъ его въ 1912 г. равнялся 6,070,882 кр. Для объединенія кооперативовъ для совмѣстной покупки и продажи существуетъ «Областной Союзъ сельско-хозяйственныхъ торговыхъ организацій» (Краевий Союз господарьско-торговельних спілок) съ оборотомъ въ 1912 г. въ 2,041,574 кр.

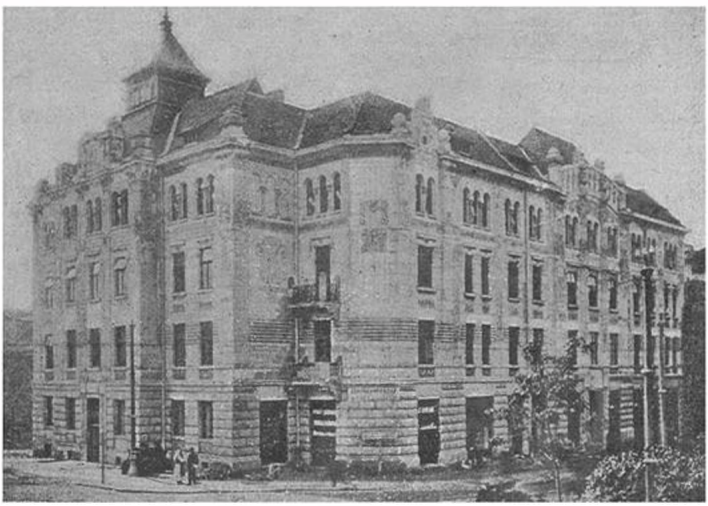
Потребительная кооперація въ Галиціи представлена старѣйшимъ кооперативнымъ украинскимъ т-вомъ «Народна Торговля»; это Общество, основанное въ 1883 г., долгое время оставалось единственнымъ потребительнымъ кооперативомъ; въ настоящее время «Народна Торговля» имѣетъ отдѣленія во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ Галиціи; оборотъ ея въ 1912 г. равнялся 2,461,447. 92 кр. Съ 1908 г. «Народна Торговля» приняла на себя функціи центральной организаціи потребительныхъ обществъ. Самостоятельныхъ потребительныхъ обществъ до послѣдняго десятилѣтія не было; но въ послѣдніе годы положеніе измѣнилось и къ 1912 г. зарегистрированныхъ потребительныхъ обществъ было 37 съ числомъ 3,488 членовъ и товарнымъ оборотомъ 1,442,769. 41 кр.

До нѣкоторой степени потребительныя общества замѣняютъ товарищескія лавки при читальняхъ «Просвіти»; число ихъ въ 1912 г. равнялось 540.

Кромѣ указанныхъ выше видовъ кооперативовъ существовало въ 1912 г. въ Галиціи 56 универсальныхъ товариществъ; среди нихъ были кредитно-потребительныя общества, кредитно-молочныя, товарищества по выработкѣ черепицы и кредитныя потребительно-молочныя товарищества по арендѣ земли и пр.; въ этихъ товарище-

ствахъ насчитывалось 9489 чл.; оборотъ ихъ равнялся 1,366,546. 03 кр.

Необходимо отмѣтить кромѣ того товарищество взаимнаго страхованія «Днѣстръ» (Дністер), распространяющее свою дѣятельность на Галицію и Буковину; товарищество это существуетъ съ 1892 г. и въ настоящее время развило широкую дѣятельность; оно производитъ страхованіе отъ огня; къ 1912 г. было заключено въ немъ 272,204 страхованія; сумма его фондовъ въ 1912 г. равнялась 3,353,304. 81 кр. Кромѣ того съ 1911 г. основано товарищество для страхованія жизни «Карпатія»; въ первомъ административномъ году 1911/12 г. было произведено 1260 застрахованій на сумму 3,972,500 кр.



„Дністер". Товарищество взаимнаго страхованія.

Инструктированіе и ревизія всѣхъ кооперативныхъ товариществъ производятся центральной украинской кооперативной организаціей «Областнымъ ревизіоннымъ Союзомъ» (Краєвий Союз ревізійний); онъ объединяетъ всѣ кооперативы и всѣ центральныя организаціи отдѣльныхъ видовъ кооперативовъ; въ 1911 г. въ союзъ входили 511 товариществъ съ числомъ членовъ 165,293 съ кассовымъ оборотомъ въ 283,316,235 кр. и товарнымъ оборотомъ въ

24,060,972 кр. Изъ числа членовъ товариществъ 125,511, т.-е. 77,14%, были крестьяне.

Въ Буковинѣ развита почти исключительно кредитная кооперація; господствующій типъ кредитныхъ организацій—кассы системы Райфейзена.

Начало кооперативнаго движенія въ украинской Буковинѣ относится къ 1899 г., когда Смаль-Стоцкимъ была основана первая касса Райфейзена. Развитію коопераціи въ значительной степени способствовалъ мѣстный ландтагъ, который съ 1898 г. каждому вновь возникающему кредитному товариществу выдавалъ пособія въ размѣрѣ до 300 гульденовъ на первоначальные расходы; кромѣ того ландтагъ выдавалъ кооперативамъ ссуды для развитія ихъ операцій; сумма кредита на одно товарищество до 100 тыс. гульденовъ; условіе пользованія кооперативовъ поддержкой ландтага—подчиненіе ихъ ревизіи ландтага.

Число кооперативныхъ украинскихъ организацій въ Буковинѣ нами приведено выше. Центральной организаціей украинскихъ кооперативныхъ организацій является союзъ ихъ подъ названіемъ: «Крестьянская Касса» (Селянська каса). Балансъ союза въ 1908 г. былъ свыше 3 милл. кронъ. Балансъ украинскихъ кредитныхъ обществъ (140) въ 1908 г. равнялся 2,418,000 кронъ.

Приведенныя выше данныя рисуютъ значительную хозяйственную отсталость Прикарпатской Украйны, отсутствіе въ ней интенсивной хозяйственной жизни и хозяйственнаго прогресса. Но если разсматривать хозяйственныя отношенія въ краѣ въ связи съ его экономическимъ прошлымъ, въ связи съ тѣми условіями, въ которыхъ развивалась хозяйственная жизнь въ немъ, необходимо признать, что его хозяйственное развитіе, исключая Угорщину, значительно подвинулось впередъ. Если Прикарпатская Украйна является отсталымъ краемъ въ сравненіи съ другими областями Австріи, то развитіе ея въ послѣдніе годы все-таки шло достаточно интенсивно, чтобы можно было считать ея хозяйственную будущность обезпеченной. Наличность благопріятныхъ естественныхъ условій и достаточно развитая экономическая самодѣятельность населенія, проявленію которой австрійскія общественно-политическія условія не ставили препятствій,—являлись достаточно вѣскими предпосылками для оптимистическихъ выводовъ относительно хозяйственной будущности края.

Культурная жизнь.

Просвѣщеніе.

Мы видѣли выше, въ какія трудныя политическія условія было поставлено украинское населеніе восточной Галиціи и Прикарпатскаго края. Преобладаніе болѣе сильныхъ національностей, обостренная, въ связи съ этимъ, національная борьба, сравнительная недостаточность интеллигентныхъ силъ, экономическое порабощеніе народныхъ массъ—вотъ та обстановка, въ которой вынуждены были галицкіе украинцы работать для лучшаго будущаго. Если принять во вниманіе ту сумму энергіи, которую надлежало затратить галичанамъ на преодолѣніе различнаго рода препятствій, загораживавшихъ имъ прямую дорогу, то достигнутые успѣхи придется признать блестящимъ оправданіемъ затраченныхъ силъ и убѣдительнымъ доказательствомъ правильности пути, избраннаго украинскою интеллигенціею.

Исходною точкою этого пути, какъ мы видѣли, было національное возрожденіе галичанъ, которымъ одновременно полагались основы ихъ культурнаго и экономическаго подъема. Проникновеніе національнаго самосознанія во всѣ сферы народной жизни явилось могучимъ орудіемъ духовнаго роста галицкихъ русинъ, отъ котораго, въ концѣ-концовъ, зависѣло не только ихъ благосостояніе, но и измѣненіе къ лучшему политическихъ условій ихъ края. Важнѣйшимъ въ этомъ смыслѣ факторомъ являлась для восточной Галиціи національная школа, ради которой галицкой интеллигенціи пришлось вынести особенно напряженную борьбу съ враждебными вліяніями и силами, при чемъ всѣ преимущества въ этой борьбѣ до самаго послѣдняго времени были на сторонѣ именно этихъ враждебныхъ силъ.

Въ моментъ перехода подъ власть Австріи украинское населеніе Галиціи вовсе не имѣло правильно организованной народной школы; австрійскому правительству предстояло извлечь народныя

массы украинской Галиціи изъ глубокой темноты и духовнаго упадка, до котораго онѣ были доведены польскимъ управленіемъ. Въ 1774 г. въ Галиціи были учреждены народныя школы трехъ типовъ: 1) приходскія, одноклассныя—для сельскаго населенія; 2) «тривіальныя», трехклассныя—въ мѣстечкахъ и 3)—нормальныя, четырехклассныя—въ городахъ. Школы двухъ высшихъ типовъ вели обученіе на нѣмецкомъ языкѣ и не играли видной роли въ народномъ образованіи, тѣмъ болѣе, что и число ихъ было незначительно; развитіе же приходскихъ школъ, гдѣ обученіе по закону должно было вестись на родномъ языкѣ учащихся, встрѣчало упорное противодѣйствіе со стороны польскихъ помѣщиковъ и находившихся подъ ихъ вліяніемъ органовъ низшей администраціи. Вліяніе это сказывалось и на отношеніи центральной власти къ украинской школѣ. Въ 1791 г. было издано ограничительное распоряженіе, въ силу котораго украинскія приходскія школы могли открываться лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ восточной Галиціи, гдѣ не имѣлось ни польской ни нѣмецкой школы. Въ 1805 году завѣдываніе украинскими школами было передано польско-католическимъ консисторіямъ, въ рукахъ которыхъ оно находилось до 1815 г. Типъ приходской школы того времени приблизительно соотвѣтствовалъ нашимъ школамъ грамоты: дѣти обучались лишь чтенію, письму и счету, при чемъ фактически преподавалась грамота церковно-славянская; ясно, какъ мало могла дать такая офиціальная школа украинскому населенію.

Въ 1815 г. греко-уніатскій митрополитъ Михаилъ Левицкій возбудилъ ходатайство о введеніи въ сельскихъ школахъ преподаванія на украинскомъ языкѣ, но областная администрація отнеслась къ этому предположенію отрицательно, а образованная по этому вопросу комиссія постановила, что въ Галиціи языкомъ преподаванія въ народныхъ школахъ долженъ быть польскій, украинскія же школы могутъ открываться лишь на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній [1]). Протестъ митрополита противъ такого рѣшенія комиссіи вызвалъ императорское постановленіе

---

[1]) Любопытно, что однимъ изъ мотивовъ, высказанныхъ комиссіею въ своемъ отзывѣ центральному правительству, было указаніе на политическую опасность украинскаго языка, какъ одного изъ діалектовъ языка русскаго. Въ другихъ случаяхъ поляки, наоборотъ, въ своей враждѣ къ украинскому движенію исходили, какъ извѣстно, изъ утвержденія, что украинскій языкъ есть одно изъ нарѣчій польскаго языка, въ виду чего украинцы не должны стремиться къ созданію своей литературы, а должны довольствоваться польскою.

1818 г., которымъ украинскій народный языкъ введенъ въ школы Галиціи и Буковины для преподаванія Закона Божія; для прочихъ предметовъ украинскій языкъ сдѣланъ языкомъ преподаванія лишь въ школахъ, посѣщаемыхъ исключительно дѣтьми украинскаго населенія; въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ преподавательскимъ языкомъ утвержденъ польскій, но дѣтей-украинцевъ предложено обучать и украинской грамотѣ. На практикѣ, однако, императорскій декретъ мало улучшилъ положеніе украинской школы, такъ какъ черезъ 30 лѣтъ, въ 1848 г., «Руськой Радѣ» пришлось обращаться къ императору съ новой петиціей, чтобы въ округахъ съ украинскимъ населеніемъ преподаваніе въ начальныхъ и высшихъ школахъ велось на украинскомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на эту петицію вѣнскимъ правительствомъ было разрѣшено вводить украинскій языкъ въ народныя школы; для высшаго образованія этотъ языкъ въ тогдашней стадіи развитія былъ признанъ непригоднымъ. Послѣдній законъ, регулирующій начальное обученіе въ школахъ восточной Галиціи, относится къ 1867 г. Въ силу этого закона, въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ польско-украинскимъ населеніемъ, польскій языкъ является обязательнымъ предметомъ обученія, а такъ какъ офиціальная статистика причисляетъ всѣхъ римо-католиковъ и евреевъ къ польской народности, то въ результатѣ польскій языкъ занялъ доминирующее положеніе даже въ тѣхъ начальныхъ школахъ, гдѣ преподаваніе шло по-украински. Какъ общее правило, такимъ образомъ, правительственная украинская школа въ Галиціи, въ сущности, была утраквистической и въ значительной степени выполняла полонизаторскія задачи, отвѣчавшія тенденціямъ областного школьнаго совѣта, въ вѣдѣніи котораго съ 1868 г. находилось дѣло народнаго образованія въ Галиціи.

Каковы были эти тенденціи показываютъ нижеслѣдующія офиціальныя статистическія данныя о соотношеніи украинскихъ и польскихъ начальныхъ школъ съ населеніемъ. Во всей Галиціи въ 1911 г. числилось польскаго населенія 3.801 т. душъ, а украинскаго—3.208 т. д. Низшихъ школъ разныхъ типовъ съ польскимъ языкомъ преподаванія было 3.231, а съ украинскимъ—2514; такимъ образомъ, одна польская школа приходилась на 1176 человѣкъ, а одна украинская на 1276. Но изъ 2540 школъ съ преподаваніемъ не на польскомъ языкѣ (т.-е. въ томъ числѣ и въ украинскихъ) въ 2537 изученіе польскаго языка было обяза-

тельно; а изъ неукраинскихъ школъ восточной Галиціи украинскій языкъ былъ обязательнымъ предметомъ только въ 1042 школахъ. Эта разница будетъ еще ярче, если принять во вниманіе, что украинскія школы въ большинствѣ принадлежатъ къ типу одноклассныхъ, а польскія—обычно четырехъ, пяти и шестиклассныя, такъ что число польскихъ классовъ и учителей слѣдуетъ принимать, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза больше, чѣмъ украинскихъ. Это отчасти подтверждается статистикою учащихся: въ школахъ съ польскимъ преподавательскимъ языкомъ обучалось въ 1911 г. 782,379 учениковъ, а въ украинскихъ школахъ—457,971. Такимъ образомъ, при небольшомъ перевѣсѣ польскаго населенія Галиціи надъ украинскимъ, соотношеніе числа низшихъ школъ таково, что на каждую 1000 человѣкъ польскаго населенія школу посѣщаютъ 97 дѣтей, а на каждую 1000 украинскаго населенія всего 57. При такой постановкѣ начальнаго образованія дѣйствующій въ Австріи законъ объ обязательномъ обученіи фактически не можетъ примѣняться во многихъ мѣстностяхъ восточной Галиціи, вовсе лишенныхъ школъ и учителей. Неудивительно, что именно среди русинъ уровень грамотности стоитъ особенно низко.

Въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ находится школьное дѣло на Буковинѣ. Въ первое время по присоединеніи Буковины къ Австріи, правда, сказывалось преобладающее вліяніе румынскаго элемента, стремившагося использовать народную школу въ цѣляхъ румынизаціи украинскаго населенія; затѣмъ—въ 1805 г.—завѣдываніе буковинскими школами перешло въ руки львовской польской консисторіи, которая привела дѣло народнаго просвѣщенія на Буковинѣ къ полному упадку: въ 1770 г. Буковина вовсе не имѣла правительственныхъ школъ, въ 1788 ихъ было 12, въ 1792 уже 32, а по переходѣ надзора къ польской консисторіи вскорѣ число школъ вновь сократилось до 15. Улучшеніе въ школьномъ дѣлѣ началось съ 1850 г., когда школы были переданы въ вѣдѣніе буковинской православной консисторіи, а школьный законъ 1868 г. окончательно упорядочилъ постановку начальнаго образованія. Въ 1873 г. Буковина насчитывала уже 173 народныхъ школы, въ 1882 г.—213, въ томъ числѣ чисто украинскихъ 74 и утраквистическихъ 48; въ 1896 г.—335, изъ нихъ чисто украинскихъ 131, а утраквистическихъ 34. По позднѣйшимъ даннымъ, въ 1911 г. общее число низшихъ школъ въ Буковинѣ составляло 531, въ томъ числѣ украинскихъ 216,

румынскихъ 179, нѣмецкихъ 82, польскихъ 12 и смѣшанныхъ 15. При этомъ, въ качествѣ второго мѣстнаго языка нѣмецкій языкъ обязателенъ въ 408 школахъ, украинскій—въ 23, румынскій—въ 16, польскій—въ 2. Учащихся числилось: въ школахъ съ румынскимъ языкомъ преподаванія 40.512, съ украинскимъ—39.796, съ нѣмецкимъ—14.489, съ польскимъ—897. Сопоставленіе этихъ цифръ съ таковыми же по отношенію къ Галиціи, приводитъ къ слѣдующему выводу: въ то время какъ въ Галиціи есть около 500 селъ, не имѣющихъ вовсе школъ, на Буковинѣ такихъ селъ уже нѣтъ. Еще нагляднѣе выражается сравнительно благопріятный характеръ буковинской школьной политики въ количествѣ школъ высшихъ типовъ: по даннымъ 1873 г. въ Буковинѣ было 12 трехклассныхъ школъ, 17 четырехклассныхъ, 2 пятиклассныхъ, 3 шестиклассныхъ, остальныя же школы располагали только однимъ или двумя классами; въ общей сложности, число классовъ составляло 696,—въ томъ числѣ украинскихъ было немногимъ менѣе половины—313, т.-е. вполнѣ соотвѣтственно проценту украинскаго населенія.

Хуже всего обстоитъ дѣло начальной школы въ Угорской Руси. Здѣсь издавна существовали приходскія школы, содержавшіяся на счетъ вѣроисповѣдныхъ общинъ, съ обученіемъ на родномъ языкѣ,—но подчиненіе Венгріи открыло для угорскихъ русинъ періодъ настойчивой мадьяризаціи чрезъ правительственную народную школу. Въ мадьярскихъ школахъ украинскій языкъ являлся предметомъ преподаванія, но преподаваніе шло по-мадьярски. Такъ какъ учрежденіе правительственной школы освобождало крестьянъ отъ обязанности содержать приходскую, то число послѣднихъ стало быстро падать: въ 1881 г. число украинскихъ школъ было 353, а утраквистичныхъ, т.-е. по существу мадьярскихъ—265; въ 1883 г. украинскихъ школъ было уже только 282, а мадьярскихъ—313; въ послѣдніе годы, когда мадьярскій языкъ сталъ примѣняться и къ преподаванію Закона Божія, украинская школа на Угорщинѣ стала окончательно глохнуть.

Въ отношеніи средней школы украинская Галиція испытывала не меньшее давленіе полонизаторской политики, какъ и въ области начальнаго образованія. Въ моментъ присоединенія къ Австріи, въ восточной Галиціи было 10 шестиклассныхъ гимназій и 4 лицея, для подготовки къ высшему образованію; большинство этихъ школъ находилось въ вѣдѣніи духовныхъ орденовъ, и образованіе

въ нихъ давалось польско-латинское. При австрійскомъ управленіи была открыта одна реальная школа и три учительскія семинаріи, при чемъ языкомъ преподаванія во всѣхъ среднихъ школахъ сдѣланъ нѣмецкій, но польскій языкъ оставался обязательнымъ предметомъ. Въ 1848 г., въ отвѣтъ на ходатайства русинъ, министерство ввело, въ качествѣ обязательнаго предмета, и украинскій языкъ, но языкомъ преподаванія оставило нѣмецкій—«временно», до подготовки достаточнаго количества преподавателей на украинскомъ языкѣ. Между тѣмъ въ 1867 г. всѣ гимназіи восточной Галиціи, кромѣ трехъ, были преобразованы въ польскія; украинскій языкъ остался обязательнымъ предметомъ только для украинцевъ; что касается преподаванія на украинскомъ языкѣ, то было разрѣшено ввести украинское обученіе въ одной львовской академической гимназіи, начиная съ перваго класса, и только черезъ 10 лѣтъ, въ 1878 г., произведены были въ этой гимназіи на украинскомъ языкѣ первыя выпускныя испытанія. Дальнѣйшее открытіе въ восточной Галиціи украинскихъ среднихъ школъ встрѣчало большія затрудненія со стороны областного школьнаго совѣта и сейма. Проведенный поляками школьный законъ 1867 г. ставилъ открытіе среднихъ учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ въ зависимость отъ особаго постановленія сейма, которому долженъ предшествовать благопріятный отзывъ «повѣтовой рады» (уѣздной земской управы). При такихъ условіяхъ требовались долгіе годы агитаціи, компромиссовъ, настояній, пока польское большинство сейма убѣждалось въ необходимости пойти на уступки русинамъ и давало согласіе на новую украинскую гимназію. Такимъ способомъ было завоевано послѣдовательно еще четыре гимназіи—въ Перемышлѣ, Коломыѣ, Тарнополѣ и Станиславовѣ. Но эти завоеванія стоили русинамъ очень дорого: борьба въ сеймѣ за перемышльскую гимназію длилась четыре года (1884—1887) и увѣнчалась успѣхомъ только благодаря содѣйствію центральнаго правительства; гимназія въ Коломыѣ была получена цѣною соглашенія съ поляками (памятная ugoda) о поддержкѣ ихъ гегемоніи въ Галиціи; тернопольская гимназія была «уступлена» поляками русинамъ въ видѣ компенсаціи за вотированіе крупныхъ средствъ на юбилейную реставрацію краковскаго королевскаго замка; станиславовская гимназія обошлась русинамъ въ шесть лѣтъ упорной парламентской борьбы, и только желаніе смягчить украинскую оппозицію въ сеймѣ при

проведеніи ряда важныхъ для поляковъ законопроектовъ (въ томъ числѣ закона о рентовыхъ хозяйствахъ, имѣвшаго цѣлью содѣйствіе польской колонизаціи восточной Галиціи) побудило поляковъ пойти, наконецъ, на уступки; между тѣмъ, въ теченіе этихъ шести лѣтъ простыми административными распоряженіями было учреждено въ Галиціи 14 новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ польскимъ преподаваніемъ. Кромѣ перечисленныхъ полныхъ гимназій, при двухъ польскихъ гимназіяхъ—въ Бережанахъ и Стрыѣ—имѣются параллельные классы съ частичнымъ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ. Ни одной правительственной реальной школы и ни одной учительской семинаріи съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ восточная Галиція не имѣетъ; во всѣхъ мѣстныхъ учительскихъ семинаріяхъ (номинально утраквистичныхъ) преподаваніе идетъ на польскомъ языкѣ, но украинскій языкъ является обязательнымъ предметомъ преподаванія; кромѣ того, на этомъ языкѣ преподается только Законъ Божій для греко-уніатовъ.

Вотъ нѣкоторыя цифры, характеризующія положеніе средней школы въ Галиціи. Въ 1903—1904 учебномъ году на всю Галицію числилось 49 гимназій и реальныхъ училищъ, въ томъ числѣ съ польскимъ преподаваніемъ 43, съ украинскимъ 4 и съ нѣмецкимъ 2; при этомъ на восточную Галицію приходилось польскихъ школъ 25, такъ что украинское населеніе восточной Галиціи, составляющее 70% общаго числа жителей, имѣло среднихъ школъ въ шесть разъ меньше, чѣмъ поляки, составляющіе всего 16% населенія. Иными словами, одна польская средняя школа приходилась приблизительно на 30.000 польскаго населенія, а одна украинская—на 820.000 украинскаго населенія.

При такихъ условіяхъ, около 55% всѣхъ русинъ, учащихся въ среднихъ школахъ Галиціи, обучалось на чужомъ языкѣ, преимущественно польскомъ, тогда какъ изъ числа учениковъ поляковъ только 2% посѣщало среднія школы съ преподаваніемъ не на польскомъ языкѣ.

По даннымъ 1911 г. среднихъ учебныхъ заведеній съ польскимъ языкомъ числилось уже 76, тогда какъ число украинскихъ школъ возросло только до 7. Кромѣ того, три школы было утраквистичныхъ, польско-украинскихъ. Учительскихъ семинарій числилось 31, въ томъ числѣ польскихъ 20, а польско-украинскихъ 7. Торговыхъ школъ разныхъ типовъ числилось 20, промышленныхъ

163,—но всѣ эти спеціальныя школы только польскія, украинской правительственной школы указанной категоріи нѣтъ ни одной.

Соотношеніе числа учениковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по даннымъ 1911 г. характеризуется слѣдующими цифрами:

	Число учащихся. Поляковъ.	Русинъ.
Въ гимназіяхъ	19,101	6,681
» реальныхъ школахъ	2,647	295
» учительскихъ семинаріяхъ	5,127	1,240
» торговыхъ школахъ	719	54
» промышленныхъ школахъ	8,422	1,474

По отношенію къ общему числу польскаго и украинскаго населенія эти цифры распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	На 10,000 душъ населенія приходится учащихся Поляковъ.	Русинъ.
Въ гимназіяхъ	50,5	20,9
» реальныхъ школахъ	7,0	0,9
» учительскихъ семинаріяхъ	13,5	3,8
» торговыхъ школахъ	1,9	0,1
» промышленныхъ школахъ	22,2	4,6

Комментаріевъ эти цифры, очевидно, не требуютъ. Трудно нагляднѣе освѣтить тѣ неблагопріятныя условія, которыми обставленъ былъ въ Галиціи для украинскаго населенія путь къ среднему образованію, какъ общему, такъ особенно къ профессіональному.

Буковина получила среднюю школу только при австрійскомъ управленіи. Первая гимназія была открыта въ Черновцахъ въ 1808 г., реальная школа тамъ же—въ 1862 г., мужская учительская семинарія—въ 1871 г., женская—въ 1872 г. Преподаваніе всюду велось на нѣмецкомъ языкѣ, но въ 1851 г. въ гимназіи введено обученіе украинскому языку; съ 1872 г. преподается на украинскомъ языкѣ Законъ Божій, а затѣмъ стали появляться какъ утраквистическія, такъ и чисто украинскія школы. Въ настоящее время имѣются двѣ украинско-нѣмецкія гимназіи (въ Черновцахъ и Кицманѣ) и одна чисто украинская—въ Выжницѣ. Въ 1910 г. открыта самостоятельная украинская

учительская семинарія въ Черновцахъ. Учащихся русинъ числилось по даннымъ 1911 г. въ гимназіяхъ—1381, въ реальныхъ школахъ 71, въ учительскихъ семинаріяхъ 201, въ торговыхъ школахъ 1, въ промышленныхъ 153.

Угорская Русь вовсе лишена средней школы; въ 50—60-хъ годахъ прошлаго столѣтія дѣлались попытки ввести украинскій языкъ въ унгварской гимназіи, но прочнаго успѣха онѣ не имѣли; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ украинскій языкъ номинально входитъ въ программу, какъ предметъ преподаванія, но фактически обученіе ему сводится къ чтенію церковно-славянскихъ текстовъ.

При упорномъ стремленіи поляковъ всѣми способами поддерживать фикцію «польскости» восточной Галиціи, на правительственную поддержку въ дѣлѣ народнаго образованія галицкимъ русинамъ, какъ мы видѣли, трудно было разсчитывать; русинскому населенію, вмѣсто единственно раціональной украинской школы, предлагался ея польскій суррогатъ, безсильный удовлетворить духовной жаждѣ народныхъ массъ и только загораживавшій имъ путь къ истинному просвѣщенію. Несмотря на предоставленное австрійскою конституціею право каждой народности государства получать образованіе на родномъ языкѣ, украинская народность могла лишь въ той мѣрѣ пользоваться этимъ формальнымъ правомъ, въ какомъ это допускали интересы властнаго польскаго большинства въ краѣ.

Логическимъ выводомъ изъ тяжелаго положенія низшей и средней украинской школы въ Галиціи было усиленіе частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія. При недостаткѣ капиталовъ, слабомъ ростѣ національной буржуазіи эта задача была очень тяжела для украинскаго населенія. Но упорная настойчивость и закаленная въ борьбѣ энергія украинской интеллигенціи превозмогла всѣ трудности. Въ буквальномъ смыслѣ на народныя деньги были собраны, путемъ самообложенія и копѣечныхъ пожертвованій, суммы, на которыя въ послѣднее время существовало шесть частныхъ классическихъ гимназій (мужскія—въ Яворовѣ, Рогатынѣ, Копычинцахъ, Городенкѣ, Збаражѣ и женская—во Львовѣ), одна реальная школа въ Бускѣ, женскій лицей въ Перемышлѣ, четыре женскихъ учительскихъ семинаріи и нѣсколько городскихъ и народныхъ школъ. Но и въ этой области русины встрѣчали не мало противодѣйствія со стороны враждебной имъ польской администраціи и польскаго большинства въ

сеймѣ. Въ то время какъ польскія частныя учебныя заведенія весьма легко получали права правительственныхъ, украинскія школы добивались этого права съ большими затрудненіями; изъ перечисленныхъ частныхъ школъ пользуются правами правительственныхъ только женская гимназія во Львовѣ, перемышльскій лицей, мужская гимназія въ Рогатынѣ и двѣ городскихъ школы—во Львовѣ и Яворовѣ. Такимъ образомъ, отмѣчаемые въ восточной Галиціи успѣхи просвѣщенія достигнуты исключительно энергіей и упорной настойчивостью всѣхъ слоевъ украинскаго населенія, отъ интеллигентныхъ верховъ его до самыхъ низовъ экономически обездоленнаго, но рвущагося къ лучшей участи крестьянства.

Наиболѣе острыя формы приняла борьба за украинскую школу въ Галиціи—въ университетскомъ вопросѣ. Львовскій университетъ первоначально былъ открытъ (1784 г.) съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія, кромѣ нѣкоторыхъ предметовъ богословскаго факультета, читавшихся на латинскомъ языкѣ. Но уже въ 1786—1787 г.г. императоръ Іосифъ II, по ходатайству львовскаго епископа Петра Бѣлянскаго, ввелъ на богословскомъ и философскомъ факультетахъ украинское преподаваніе. Фактически, однако, эти лекціи читались на тогдашнемъ книжномъ языкѣ, мало понятномъ для аудиторіи, и потому не обезпечили себѣ успѣха ни въ ученой средѣ, ни у слушателей. Послѣ временнаго закрытія Львовскаго университета—съ 1805 по 1817 годъ, вновобновленіе его состоялось уже безъ богословскаго факультета и безъ украинскаго преподаванія. Только въ 1848 г. въ университетѣ была учреждена каѳедра украинскаго языка и литературы, первымъ профессоромъ которой былъ извѣстный Яковъ Головацкій. Въ этомъ году вѣнское правительство опредѣленно высказалось, что Львовскій университетъ, какъ находящійся въ русинской части Галиціи, предназначенъ служить нуждамъ русинскаго населенія и что преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ сохраняется въ университетѣ,—какъ и въ гимназіяхъ,—лишь временно, пока не найдутся профессора, способные преподавать по-украински. Но враждебное украинскому элементу польское вліяніе успѣло парализовать добрыя намѣренія центральнаго правительства, и преобразованіе Львовскаго университета въ украинскій осталось въ проектѣ. Кромѣ каѳедры Головацкаго, замѣщена была лишь одна украинская каѳедра,—на вновь учре-

жденномъ богословскомъ факультетѣ. Въ 1871 г. было отмѣнено нѣмецкое преподаваніе, но взамѣнъ этого университету приданъ утраквистическій характеръ: право преподаванія получили лица, владѣющія однимъ изъ языковъ края, т.-е. украинскимъ или польскимъ. На дѣлѣ это правило привело къ полному господству въ университетѣ польскаго элемента, при которомъ замѣщеніе украинскихъ каѳедръ обставлялось почти непреодолимыми трудностями. За долгій рядъ лѣтъ, несмотря на наличность хорошо подготовленныхъ научныхъ силъ, украинцамъ удалось обезпечить за собою только шесть каѳедръ: украинскаго языка, церковнославянскаго языка съ церковной литературой, гражданскаго права, уголовнаго права и процесса, всеобщей исторіи и пастырскаго богословія.

Съ ростомъ интеллигенціи, съ увеличеніемъ числа русинъ-студентовъ, все острѣе ощущало украинское населеніе Галиціи потребность въ національной высшей школѣ. Сознаніе безнадежности создавшагося положенія выдвинуло на очередь вопросъ объ учрежденіи, на ряду съ существующимъ университетомъ во Львовѣ, новаго—исключительно для украинской науки. Обостреніе отношеній между украинскою молодежью и университетскою администраціей, на почвѣ отстаиванія студентами правъ украинскаго языка въ университетѣ, повело къ ряду эксцессовъ, свидѣтельствовавшихъ о неотложности разрѣшенія университетскаго вопроса: массовой уходъ студентовъ-украинцевъ изъ Львова въ 1901 г., кровавыя стычки между студентами украинцами и поляками въ 1906 г.; убійство намѣстника Потоцкаго студентомъ-украинцемъ Сичинскимъ—все это указывало на крайнюю напряженность политической и общественной атмосферы около вопроса объ украинскомъ университетѣ во Львовѣ. Болѣе благопріятная для украинцевъ конъюнктура послѣ выборовъ въ парламентъ 1907 года позволила украинскимъ депутатамъ перенести университетскій вопросъ на почву парламентской борьбы,—но и здѣсь украинцы встрѣтились съ упорной оппозиціей со стороны польской группы депутатовъ. Только при посредничествѣ центральнаго правительства, послѣ ряда протестовъ со стороны украинцевъ—въ формѣ парламентской обструкціи—въ послѣднее время стали намѣчаться пути для соглашенія между русинами и поляками. Вопросъ объ украинскомъ университетѣ сдѣлался государственнымъ. Правительственная власть была серьезно обез-

покоена польско-украинскою распрей, которая грозила затормозить ходъ законодательной машины въ самыхъ важныхъ для правительства вопросахъ. И вотъ, пока обѣ спорящія стороны въ своихъ парламентскихъ клубахъ вырабатывали формулы соглашенія, украинскія стремленія получили вѣскую моральную поддержку въ рескриптѣ императора Франца-Іосифа, отъ 18 Іюня 1913 г., съ выраженіемъ полнаго сочувствія осуществленію украинскаго университета. Конкретныхъ формъ соглашеніе объ университетѣ все же не приняло. Поляки, при видимой склонности къ уступкамъ, назначали слишкомъ отдаленные сроки для окончательнаго рѣшенія вопроса и не останавливались даже предъ агитаціей за предѣлами государства, лишь бы не допустить рѣшающихъ шаговъ въ смыслѣ осуществленія украинскихъ пожеланій. Роспускъ парламента фактически пріостановилъ движеніе университетскаго вопроса, оставивъ его въ неопредѣленномъ положеніи.

Въ Буковинѣ высшая школа сохранила нѣмецкій характеръ. До 1875 г. здѣсь были учебныя заведенія лишь богословскаго типа, а въ 1875 г. въ Черновцахъ учрежденъ университетъ съ тремя факультетами, при чемъ на философскомъ факультетѣ была открыта каѳедра украинскаго языка и литературы. Вмѣстѣ съ двумя каѳедрами на богословскомъ факультетѣ, Черновицкій университетъ имѣетъ, такимъ образомъ, три украинскія каѳедры.

Угорская Русь лишена высшей школы; ея суррогатъ —богословскіе лицеи—совершенно мадьяризованы и играютъ денаціоналиэирующую роль въ средѣ мѣстной интеллигенціи; достаточно сказать, что среди мѣстнаго православнаго духовенства пользуется значительною популярностью идея замѣны церковнославянскаго языка въ богослуженіи мадьярскимъ, какъ болѣе понятнымъ населенію и духовенству.

Наука.

При ненормальной постановкѣ народнаго образованія въ Галичинѣ, въ особенности при той неспокойной обстановкѣ, въ которой проходитъ тамъ жизнь высшей школы, трудно было бы ожидать значительнаго роста научныхъ силъ и развитія ученой дѣятельности въ средѣ галицкой украинской интеллигенціи. И, тѣмъ не менѣе, научная работа въ краѣ ведется весьма интенсивно: общественная энергія восполняетъ то, чего не даетъ руси-

намъ центральное правительство и мѣстное управленіе. Начавшись съ маленькаго зерна, галицко-украинская наука въ короткое время развилась до очень высокаго уровня, создавъ въ различныхъ сферахъ знанія рядъ крупнаго значенія трудовъ. Этимъ зерномъ послужило львовское украинское научное общество («Наукове товариство імени Шевченка»), существующее съ 1873 г., но преобразованное въ его нынѣшнюю организацію въ 1892 г.

Основанное по иниціативѣ группы украинцевъ изъ Россіи, собравшихъ для этой цѣли небольшой основной капиталъ, «общество имени Шевченка» первоначально носило характеръ литературнаго общества, имѣя задачей «способствовать развитію украинской литературы»,—но въ своихъ изданіяхъ общество и въ то время уже отводило видное мѣсто научнымъ работамъ. Такъ, имъ было издано изслѣдованіе проф. Огоновскаго «Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache», а на украинскомъ языкѣ—его же полная исторія украинской литературы. Все болѣе ощущаемая потребность въ планомѣрной научной работѣ на украинскомъ языкѣ привела къ преобразованію «общества имени Шевченка» въ чисто научное, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ устава. И въ этомъ преобразованіи видная роль принадлежитъ россійскимъ украинцамъ (А. Конисскій, М. Грушевскій, особенно послѣдній), но, мало-по-малу, общество сгруппировало около себя кадры галицко-украинскихъ ученыхъ силъ, при содѣй-

Проф. М. С. Грушевскій.

ствіи которыхъ было положено прочное начало развитію и разработкѣ украинской науки. Успѣшными результатами своей дѣятельности общество во многомъ обязано организаторскому таланту и рѣдкой энергіи проф. М. Грушевскаго, почти четверть столѣтія занимавшаго постъ предсѣдателя общества и редактора его «Записокъ». Изъ галицкихъ ученыхъ, участвовавшихъ въ интенсивной работѣ общества, особенно выдѣляются—Иванъ Франко, извѣстный писатель и изслѣдователь въ области языка, литературы, фольклора, удостоенный за свои труды избранія въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ и званія доктора honoris causa отъ Харьковскаго университета; профессора-юристы С. Днистрянскій и П. Стебельскій, историки С. Томашевскій, С. Рудницкій, М. Кордуба, историки литературы—проф. К. Студинскій, В. Щуратъ, проф. А. Колесса, О. Маковей, М. Вознякъ, фольклористы-этнографы В. Гнатюкъ— членъ корреспондентъ Импер. Академіи Наукъ, Ф. Колесса, В. Шухевичъ, естествоиспытатели И. Пулюй, (проф. Пражскаго политехникума), В. Верхратскій, И. Горбачевскій (проф. Пражскаго университета) и др. Создалась цѣлая школа молодыхъ украинскихъ ученыхъ, труды которыхъ, какъ мы видимъ, получили высокую оцѣнку со стороны ученыхъ организацій иныхъ странъ. Неудивительно, если «Наукове товариство імени Шевченка», при такихъ силахъ, за короткое время заняло видное мѣсто въ ряду ученыхъ учрежденій Европы и трактовалось авторитетными учеными, какъ будущая украинская академія наукъ (отзывъ акад. Ягича въ Archiv für Slavische Philologie). Особенно крупный вкладъ въ міровую науку общество сдѣлало въ области исторіи украинскаго народа и его земель, украинскаго языка, литературы, этнографіи, что и было вполнѣ естественно, въ виду крупнаго значенія украинскихъ дисциплинъ для основной задачи общества. Перечень изданныхъ обществомъ трудовъ производитъ внушительное впечатлѣніе однимъ количествомъ собраннаго матеріала, что же касается его научной цѣнности, то не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ настоящее время, при изслѣдованіи вопросовъ, касающихся украиновѣдѣнія, безъ изданій «Наукового Товариства» обойтись невозможно. Вотъ главнѣйшія изданія львовскаго научнаго общества за 20-лѣтній періодъ (съ 1892 по 1911 г.): 98 томовъ «Записокъ»[1]),

---

[1]) «Записки Наукового Товариства імени Шевченка».

посвященныхъ, главнымъ образомъ, украинской исторіи, исторіи литературы и этнографіи; 29 томовъ «Этнографическаго сборника», съ цѣннымъ фольклорнымъ матеріаломъ, собраннымъ преимущественно въ Галиціи и Угорщинѣ; 11 томовъ «Этнографическихъ матеріаловъ»[1]), посвященныхъ преимущественно описательной этнографіи; 13 томовъ «Сборника историко-философскаго отдѣленія»[2]); столько же томовъ «Сборника филологическаго отдѣленія»; 7 томовъ «Источниковъ по украинской исторіи»,[3]) въ видѣ актовыхъ матеріаловъ разнаго рода; 6 томовъ «Памятниковъ по исторіи украинской литературы и языка»[4]); 7 томовъ «Украинскаго архива», съ мелкими документами, описаніемъ рукописей и пр.; 8 томовъ «Украинской библіотеки», предназначенной для критическаго изданія классиковъ новой украинской литературы (въ первой очереди вышли сочиненія Федьковича и Шевченка); 2 тома «Сборника по обществовѣдѣнію»[5]); посвященнаго вопросамъ соціально-экономическимъ; 3 тома «Матеріаловъ по украинской библіографіи»; 14 томовъ «Сборника естественно-историческаго и математическаго отдѣленія»[6]). Всѣ эти изданія,—къ которымъ еще надо причислить «Хронику» текущей работы общества (48 нумеровъ), выходили до послѣдняго времени. Кромѣ того, нельзя оставить безъ вниманія и тѣхъ изданій общества, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ были пріостановлены, но успѣли помѣстить цѣнный научный матеріалъ; таковы—«Юридическій журналъ»[7]), выходившій въ 1894—1900 г.г. подъ редакціей д-ра К. Левицкаго; «Журналъ права и экономіи»[8]), выходившій въ 1900—1906 г.г. подъ редакціей проф. Днистрянскаго; «Юридическая библіотека»[9]) (1901—1902 г.г.), посвященная крупнымъ работамъ по австрійскому праву; «Историческая библіотека»[10]); литературные журналы—еженедѣльная «Зоря»(1885—1898) и ежемѣсячный «Літературно-науковий Вістник» (1898—1905). Наконецъ, общество издавало также учебники и пособія для средней школы.

---

[1]) «Матеріяли до української етнольогії».
[2]) «Збірник історично-фільософичної секції».
[3]) «Жерела до історії України-Руси».
[4]) «Памятки україньско-руської мови і літератури».
[5]) «Студії з поля суспільних наук і статистики».
[6]) «Збірник математично-природописно-лікарської секції».
[7]) «Часопись правнича».
[8]) «Часопись правнича і економічна».
[9]) «Правнича бібліотека».
[10]) «Історична бібліотека».

Изъ отдѣльныхъ ученыхъ трудовъ, опубликованныхъ въ изданіяхъ «Наукового Товариства»,—кромѣ уже отмѣченныхъ выше, достаточно упомянуть такія фундаментальныя произведенія, какъ семитомная «Історія України-Руси» проф. М. Грушевскаго, оригинальностью и широтою трактовки вопроса успѣвшая оказать немалое вниманіе на установившіеся въ этой области взгляды; цѣнныя изслѣдованія И. Франка надъ произведеніями старинной драматической литературы и украинскими текстами апокрифовъ; записи фольклорнаго матеріала, произведенныя

Украинское научное общество им. Шевченка во Львовѣ.

В. Гнатюкомъ на территоріи Угорщины; работы проф. Студинскаго въ области украинской церковно - полемической литературы XVI—XVII вв.; четырехтомная «Гуцульщина» В. Шухевича,—сборникъ цѣннаго этнографическаго матеріала; рядъ работъ молодыхъ историковъ,изслѣдовавшихъ отдѣльные періоды украинской исторіи (Ив. Джиджора—по исторіи гетманщины XVIII в., Ив. Кревецкій и И. Крипякевичъ—по исторіи Галиціи, Ф. Срибный—о Львовской Ставропигіи, Б. Бучинскій—о церковной уніи). Если принять во вниманіе изложенныя выше условія, какими обставлена научная работа въ Галиціи для украинской интелли-

генціи, то придется признать перечисленные итоги дѣятельности «Наукового Товариства» выдающимися; несомнѣнно, если бы Львовскій университетъ не представлялъ собою въ то же время цитадели польской культуры, то контингентъ украинскихъ ученыхъ силъ росъ бы гораздо болѣе интенсивно, а соотвѣтственно этому ширились бы и рамки работы «Наукового Товариства».

Для полноты характеристики «Товариства», необходимо упомянуть о состоящихъ при немъ вспомогательныхъ учрежденіяхъ— научныхъ и техническихъ. Библіотека общества насчитываетъ свыше 65 тысячъ томовъ и представляетъ собою весьма цѣнное книгохранилище, особенно замѣчательное богатствомъ и полнотою своего украинскаго отдѣла и иноязычныхъ изданій на украинскія темы; при библіотекѣ имѣется архивъ, собраніе рукописей, старопечатныхъ книгъ—и историко-археологическій музей, содержащій до 15,000 предметовъ. Спеціально для наблюденія за украинскою книжною продукціей при обществѣ организовано библіографическое бюро, на обязанности котораго лежитъ содѣйствіе библіотекѣ въ комплектованіи украинскаго отдѣла. Далѣе, общество имѣетъ свой книжный магазинъ, типографію и переплетную мастерскую, которыя являются въ извѣстной степени и доходными статьями общества, особенно типографія, пользующаяся привилегіей печатанія всѣхъ офиціальныхъ изданій на украинскомъ языкѣ для народныхъ школъ. Общество имѣетъ во Львовѣ два большихъ дома, въ которыхъ и размѣщены всѣ его учрежденія.

Бюджетъ общества достигаетъ 400 тысячъ кронъ въ годъ. Источниками средствъ общества являются его доходныя статьи (типографія, магазинъ, дома), пожертвованія, членскіе взносы и правительственныя субсидіи. Эта послѣдняя статья занимаетъ въ бюджетѣ общества гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ бы слѣдовало, принимая во вниманіе крупное культурное значеніе общества для украинскаго населенія Галиціи. Въ общей сложности разныхъ субсидій общество получало на сумму всего около 40,000 кронъ, въ томъ числѣ отъ Галицкаго сейма 17 т. кр. и отъ министерства народнаго просвѣщенія—22 т. кр. Для покрытія остальной части бюджета общество вынуждено изыскивать средства въ разнаго рода хозяйственныхъ предпріятіяхъ,—какъ это ни ненормально для ученаго учрежденія, обслуживающаго половину территоріи и населенія края. Развитіе научной работы общества, такимъ образомъ, не мало тормозится недостаткомъ

правительственныхъ ассигнованій, соотвѣтствующихъ его достоинству и значенію. Въ той же Галиціи Краковская академія наукъ получала субсидію въ суммѣ 112 т. кр., въ то время какъ «Наукове Товариство», стоящее по своимъ работамъ также не ниже многихъ славянскихъ академій,—всего около 40 т. кр. и всегда находилось подъ страхомъ лишенія субсидіи сейма, при обостреніи польско-украинскихъ отношеній. При такихъ скудныхъ средствахъ «Наукового Товариства», его энергія представляется еще болѣе замѣчательной, а если вспомнить, что Товариство, помимо непосредственной научной работы, выполняетъ еще рядъ добавочныхъ функцій, какъ устройство публичныхъ чтеній, организація экспедицій и командировокъ, выдача стипендій молодымъ ученымъ, выдача пособій нуждающимся литераторамъ участіе въ научныхъ конгрессахъ и т. п., то безъ преувеличенія можно сказать, что фактически «Наукове товариство имени Шевченка» во Львовѣ и въ настоящее время является вольною академіею наукъ, созданной энергіею маленькой отрасли украинскаго народа.

Буковина мало дала украинской наукѣ. Все же Черновицкій университетъ можетъ похвалиться такимъ крупнымъ именемъ, какъ проф. Смаль-Стоцкій, который пріобрѣлъ научными трудами не меньшую популярность, чѣмъ общественно-политическою дѣятельностью; особенно цѣнны его изслѣдованія въ области языка, но заслуживаютъ большого вниманія и его историко-публицистическіе очерки. Другіе ученые буковинскаго происхожденія группируются около львовскаго «Наукового Товариства».

Въ Угорской Руси, гдѣ, какъ мы видѣли, коренное украинское населеніе почти вовсе лишено путей къ просвѣщенію, нѣтъ, конечно, ни науки, ни ученыхъ; можно отмѣтить лишь зародыши научной работы въ видѣ случайныхъ изслѣдованій въ области фольклора («Угро-руски спѣванки» Врабеля). Здѣсь есть просторъ только для мадьярской науки, которую и культивируютъ денаціонализованные угорскіе русины, порвавъ всякія связи съ роднымъ народомъ.

Къ научнымъ учрежденіямъ Галичины нельзя не причислить «Національнаго музея», съ которымъ связалъ свое имя бывшій уніатскій митрополитъ галицкій, гр. Андрей Шептицкій. Изъ музея церковной археологіи, основаннаго митрополитомъ въ 1905 г., постепенно выросло обширное хранилище цѣнныхъ коллекцій

рукописей, старинныхъ актовъ, древне-печатныхъ изданій, предметовъ искусства, этнографіи и пр., которое уже въ 1909 г. оцѣнивалось не менѣе, чѣмъ въ милліонъ кронъ. Еще черезъ 5 лѣтъ основатель музея придалъ его организаціи общественный характеръ, обезпечилъ его содержаніе крупными пожертвованіями, въ томъ числѣ спеціально для музея выстроеннымъ зданіемъ, и предоставилъ новое учрежденіе украинскому народу, какъ неоцѣнимый по значенію національный даръ.

Литература.

Литературное движеніе въ Галичинѣ находится въ тѣсной связи съ общественнымъ и національнымъ движеніемъ и въ сущности было даже однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ этого послѣдняго движенія. Въ своемъ мѣстѣ упоминалось уже, что національное возрожденіе въ Галичинѣ началось подъ вліяніемъ литературныхъ фактовъ и литературными же путями выразилось въ дѣятельности Шашкевича и его товарищей. И въ дальнѣйшемъ, вплоть до послѣдняго времени, литература всегда стояла на стражѣ національныхъ интересовъ, была однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей національнаго движенія, выразителемъ національной мысли, народныхъ требованій, чаяній и упованій. Естественно, что украинская литература въ Галичинѣ представляетъ наиболѣе полный и надежный комментарій къ фактамъ общественнаго возрожденія. Составляя неотъемлемую часть общеукраинской литературы и, съ другой стороны, объединяя на одной почвѣ дѣятелей пера изъ россійской Украины и Буковины (Угорщина, какъ знаемъ, осталась въ сторонѣ отъ общаго теченія), галицкая отрасль украинской литературы имѣла и свои собственныя задачи, выдвигая болѣе или менѣе яркихъ представителей литературнаго воплощенія этихъ задачъ. Мы остановимся на главнѣйшихъ литературныхъ дѣятеляхъ закордонной Украины, не производя болѣе детальнаго различія между уроженцами Галичины и Буковины, такъ какъ они всегда шли рука объ руку, совокупными силами работая надъ однимъ общимъ дѣломъ развитія родной литературы.

Возрожденіе украинской литературы въ Галичинѣ, какъ мы знаемъ, произошло на почвѣ романтическаго увлеченія народностью и подъ знаменемъ пріобщенія народа къ цѣнностямъ обще-

человѣческой культуры путемъ литературной разработки его языка. Шашкевичъ, и какъ издатель «Русалки Днiстровой», и какъ лирическiй поэтъ, былъ первымъ выразителемъ этого народническаго направленiя; его простыя, подкупающiя своей искренностью стихотворенiя («Веснiвка», «Туга за милою», «Днiстрованка» и др.) проникнуты грустью о славномъ быломъ родины и ея неприглядной современности. Рядомъ съ Шашкевичемъ стоятъ Головацкiй, Вагилевичъ, Устiяновичъ и Могильницкiй, въ первомъ перiодѣ ихъ дѣятельности. Въ поэзiи и въ беллетристикѣ названные писатели не вышли пока изъ стадiи нацiональной романтики, обрабатывая преимущественно темы изъ области народныхъ вѣрованiй и преданiй. Первые опыты въ этомъ направленiи заставляли предполагать, что развитiе литературныхъ формъ и направленiй пойдетъ правильнымъ темпомъ и въ опредѣленномъ направленiи.

Къ сожалѣнiю, уже на первыхъ порахъ этому неокрѣпшему теченiю пришлось столкнуться съ непреодолимыми препятствiями. Сначала преграды ставила цензура, допускавшая лишь изрѣдка новыя изданiя (главнѣйшее—сборники Головацкаго «Вiнок русинам на обжинки», 1845 и 1847 г.), а затѣмъ, когда цензура съ 1848 г. пала, народническое движенiе въ литературѣ встрѣчается съ сильной реакцiей внутри самаго галицко-украинскаго общества. Права народнаго языка на разработку и развитiе были взяты подъ подоврѣнiе, самъ народъ трактовался, какъ грубая чернь, недостойная литературнаго изображенiя; литераторы искали героевъ среди высшаго сословiя и, за неимѣнiемъ таковаго въ современности, обращались ко временамъ давно прошедшимъ, не обладая для художественнаго изображенiя ихъ ни достаточными знанiями, ни художественнымъ чутьемъ. Напыщенными, ходульными, мертвыми и по языку, и по прiемамъ, произведенiями наполняются изданiя 50-хъ годовъ. Реакцiя захватила даже сподвижниковъ Шашкевича (Головацкаго, Устiяновича, Могильницкаго) и выдвинула новыхъ дѣятелей (Гушалевича, Дидыцкаго, Шеховича и др.), у которыхъ напрасно было бы искать хотя бы проблеска искренняго чувства, хотя бы искры таланта. Литература и литераторы этого мрачнаго времени могутъ служить лишь памятникомъ уклоненiя литературы отъ своихъ прямыхъ задачъ служенiя жизни и зеркаломъ чудовищнаго извращенiя литературныхъ вкусовъ, своего рода кладбищемъ невѣжества и близо-

рукости, полагавшихъ, что возможно литературное развитіе внѣ національной обстановки, вопреки народнымъ особенностямъ. Вотъ почему изъ всего литературнаго поколѣнія 50-хъ годовъ нѣтъ имени, на которомъ можно было бы остановиться, и слѣдующему поколѣнію 60-хъ годовъ пришлось начать съ того, чтобы связать себя, черезъ голову ближайшихъ предшественниковъ, съ традиціями 30-хъ годовъ и дѣятельностью М. Шашкевича.

Осипъ Федьковичъ.

Вліяніе Шевченка и новѣйшей украинской литературы въ особенности помогло этому процессу. Народническое направленіе и демократическія идеи украинской литературы вызвали сильный откликъ среди литературнаго поколѣнія 60-хъ годовъ въ Галичинѣ и призвали къ литературной дѣятельности рядъ писателей (Вл. Шашкевичъ, Климковичъ, братья Воробкевичи изъ Буковины, Згарскій, Заревичъ, В. Барвинскій, Свѣнцицкій и др.), для которыхъ права народной рѣчи на развитіе уже не возбуждаютъ сомнѣній и которые народную жизнь и потребности поставили во главу угла своей дѣятельности. Среди писателей молодого поколѣнія появляется, наконецъ, и выдающійся талантъ общеукраинскаго значенія, въ лицѣ Осипа Федьковича. Буковинецъ по происхожденію и связямъ, Федьковичъ вдвинулъ въ русло украинскаго движенія свою родину, Буковину, до того времени покоившуюся мирнымъ сномъ на лонѣ все того же «словено-русскаго словосочиненія», и связалъ ее прежде всего съ литературными теченіями, уже пріобрѣтавшими господство на галицкой почвѣ. Въ своихъ стихотвореніяхъ и разсказахъ онъ выступаетъ преимущественно пѣвцомъ оторваннаго отъ родины «жовніра» (солдата), изо-

бражая изнанку боевой жизни, и бытописателемъ родной Гуцульщины съ ея оригинальными формами быта и отношеній. Гуманитарное содержаніе, прекрасный народный языкъ, знаніе народной жизни, умѣніе перевоплощать результаты своихъ наблюденій въ высокохудожественныя картины — все это снискало автору широкую популярность и заслужило восторженный отзывъ такого мастера слова, какъ Тургеневъ. Въ произведеніяхъ Федьковича находитъ особо яркое выраженіе то народническое направленіе, которое было привито въ Галичинѣ произведеніями украинскихъ писателей, и Федьковичъ былъ первымъ изъ закордонныхъ художниковъ, сочиненія котораго получили распространеніе и въ русской Украинѣ (кіевское изданіе съ предисловіемъ Драгоманова 1876 г.).

Поколѣніе 70-хъ годовъ продвинулось еще дальше по пути идейнаго единенія съ Украиной и усвоенія европейскихъ литературныхъ формъ. Воспитанное подъ реалистическимъ вліяніемъ Драгоманова, оно уже не удовлетворяется неопредѣленнымъ народническимъ настроеніемъ, а стремится проникнуть въ глубь народной жизни, вложить персты свои въ язвы ея и содѣйствовать всестороннему освобожденію личности въ родной обстановкѣ. Соціалистическія ноты звучатъ уже въ реальныхъ по формѣ произведеніяхъ бодраго поколѣнія 70-хъ годовъ, лучшимъ представителемъ котораго является такой популярный и за предѣлами Галичины писатель, какъ Иванъ Франко.

Выдающійся художникъ, чуткій критикъ и отзывчивый публицистъ, талантливый изслѣдователь своей родины, неутомимый популяризаторъ—Франко повелъ своихъ земляковъ въ ту дверь смѣлаго анализа и борьбы, которую широко распахнулъ Драгомановъ. Въ Галичинѣ создается настроеніе, родственное тому, которое въ то же время завладѣло общественнымъ вниманіемъ въ Россіи. «Будучи сыномъ украинскаго мужика,—такъ впослѣдствіи формулировалъ это настроеніе Франко,—вскормленный чернымъ мужицкимъ хлѣбомъ и трудомъ мозолистыхъ мужицкихъ рукъ, я обязанъ трудомъ всей своей жизни заплатить за тѣ гроши, которые были истрачены мужицкой рукой, чтобы я могъ взобраться на вершины, откуда разливается ясный свѣтъ, вѣяніе свободы и человѣческихъ идеаловъ». Эти настроенія проходятъ красной нитью черезъ всю литературную дѣятельность какъ самого Франка, такъ и литературной группы, образовавшейся

подъ его непосредственнымъ вліяніемъ (Павликъ, Кобринская, Ковалевъ, Цеглинскій, Коцовскій и др.). Главной чертой упомянутой группы и даже послѣдующихъ теченій въ галицкой литературѣ является любовь къ народу, вѣра въ человѣка, въ конечную побѣду его стремленій къ возрожденію не только внѣшнему, но и внутреннему и, соотвѣтственно съ этимъ, упорные поиски «цѣльной личности», гармонически сочетавшей внутреннія убѣжденія съ правилами внѣшняго поведенія, путемъ смѣлой и непрестанной борьбы, завоевывающей свое счастье. Что касается литературныхъ пріемовъ, то Франко окончательно утвердилъ на галицкой почвѣ знамя литературнаго реализма и далъ яркія картины изъ народной жизни (сборникъ, переведенный и на русскій языкъ, «В поті чола», «З вершин і низин», «Бориславські оповідання», рядъ повѣстей изъ жизни крестьянъ и рабочихъ), а также проникнутыя необыкновеннымъ лиризмомъ и высотой настроенія циклы стихотвореній и поэмы («Зівяле листя», «Мій ізмарагд», «Із днів журби», «Моисей» и др.). Во всѣхъ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ Франко является предъ нами великимъ печальникомъ за человѣка, борцомъ за его счастье, пѣвцомъ его возрожденія и проповѣдникомъ братства и любви —

Иванъ Франко.

«До всіх, що ллють свій піт і кров,
«До всіх, котрих гнетуть окови.»

(ко всѣмъ, кто проливаетъ свой потъ и кровь, кого опутали оковы).

Новѣйшія литературныя поколѣнія въ Галичинѣ (послѣ Франка) находятся въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи съ украинскими литературными силами. Благодаря запрещенію украин-

ской литературы въ предѣлахъ Россіи (съ 1876 г.), украинскіе писатели должны были перенести свою дѣятельность на галицкую почву, и здѣсь мы встрѣчаемъ самое широкое сотрудничество ихъ рядомъ съ галицкими и буковинскими товарищами во всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ (журналы—«Зоря», «Правда», «Житє і Слово», «Літературно-Науковий Вістник» и др.). Галицкая литература послѣдняго времени въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей (Ольга Кобылянская, Маковей, Чайковскій, Н. Кобринская, Бордулякъ, Стефаникъ, Яцковъ, Семанюкъ, Мартовичъ, Лукіяновичъ, Щуратъ, Лепкій, Карманскій, Пачовскій и многіе др.), касается всѣхъ проявленій человѣческой жизни, всѣхъ проблемъ человѣческаго духа въ родной обстановкѣ, и какъ въ поэзіи, такъ и въ беллетристикѣ даетъ яркіе образцы истинно художественнаго творчества. Такіе выдающіеся художники, какъ глубокая символистка О. Кобылянская или несравненный новелистъ В. Стефаникъ, давно уже вышли за предѣлы своей тѣснѣйшей родины и не только хорошо извѣстны читающей публикѣ на Украинѣ, но въ переводахъ проникаютъ въ среду европейскаго образованнаго общества, занимая тамъ почетное мѣсто среди извѣстныхъ европейскихъ писателей. Идя рука объ руку со всей украинской литературой, какъ органическая и неотъемлемая ея часть, галицкіе писатели даютъ въ то же время столько мѣстныхъ оригинальныхъ красокъ, сообщающихъ ихъ произведеніямъ своеобразный колоритъ, что чтеніе ихъ можетъ служить надежнѣйшимъ источникомъ для изученія мало извѣстнаго края и своеобразныхъ бытовыхъ отношеній. Примыкая въ послѣднее время главнымъ образомъ къ западнымъ литературнымъ теченіямъ, галицкіе писатели естественно дополняютъ самовыраженіе украинскаго народа въ его литературѣ, обогащая ее идеями, заимствованными непосредственно или чрезъ посредство польской литературы съ запада, служа своего рода идейнымъ мостомъ, прямо соединяющимъ Украину съ Западной Европой. Въ сокровищницу общеукраинской литературы они внесли свою собственную литературную манеру, обогатили языкъ галицкими народными оборотами, дали болѣе или менѣе полное и выпуклое изображеніе мѣстнаго быта и его особенностей. Въ исторіи новѣйшей украинской литературы представители закордонной Украины образуютъ свою отдѣльную страницу, которая, конечно, не можетъ быть игнорирована при

обозрѣніи судебъ украинскаго слова. По крайней мѣрѣ, рядомъ съ Гринченкомъ, Коцюбинскимъ, Л. Украинкой и Винниченкомъ— Франко, Кобылянская, Стефапикъ и Бордулякъ также дороги сердцу украинскаго читателя, какъ выразители его стремленій, его горестей и радостей. Они давно уже пріобрѣли значеніе общеукраинскихъ писателей, и у насъ, на Украинѣ, они такъ же дома, какъ и у себя, въ Галичинѣ и Буковинѣ. Ибо въ нихъ и ихъ произведеніяхъ столь же могущественно проявляетъ себя единство, вопреки бывшимъ доселѣ политическимъ границамъ, всего украинскаго народа, тожественность національныхъ задачъ раздѣленныхъ до послѣдняго времени частей одной страны и неистребимость народнаго духа, уже осознавшаго себя и въ этомъ сознаніи неуклонно идущаго по пути развитія къ лучшему будущему...

Пресса.

Выше, въ очеркахъ политической жизни галичанъ, уже были отмѣчены наиболѣе видные органы украинской печати въ Галиціи. Но сама по себѣ галицкая пресса является такимъ яркимъ показателемъ уровня общественности мѣстнаго украинскаго населенія, что заслуживаетъ болѣе подробнаго ознакомленія.

Начать съ того, что въ шести украинскихъ губерніяхъ Россіи (Кіевская, Волынская, Подольская, Полтавская, Черниговская, Харьковская) въ 1912 г. издавалось въ общей сложности 223 періодическихъ изданія на русскомъ и иныхъ языкахъ; считая въ этомъ районѣ приблизительно 20 мил. населенія, мы получимъ на каждый милліонъ жителей 11 изданій. Въ восточной Галиціи, на $3^1/_2$ милліона украинскаго населенія въ томъ же 1912 г. выходило 45 періодическихъ изданій только на украинскомъ языкѣ. Въ Буковинѣ на 305,000 украинскаго населенія періодическихъ изданій было 20. Такимъ образомъ, около 4 милл. украинской народности имѣло въ своемъ распоряженіи 65 газетъ и журналовъ, т.-е. 16 изданій на каждый милліонъ. Уже это одно указываетъ на большую интенсивность національной жизни въ Галичинѣ, на высокій уровень общественныхъ запросовъ. Если же принять во вниманіе, что большая часть украинскихъ періодическихъ изданій въ Галиціи имѣетъ въ виду читателя демократическаго—широкія народныя массы,—то значеніе прессы въ общемъ строѣ національной жизни галичанъ станетъ еще яснѣе.

Начало украинской прессы въ Галиціи относится къ 1848 г., когда появился первый органъ національной политической мысли—«Зоря Галицька», опредѣленно выдвинувшая лозунгъ національной особности отъ поляковъ. Дальнѣйшее развитіе прессы шло параллельно съ эволюціей общественной жизни и политическаго міровоззрѣнія въ средѣ галицко-украинской интеллигенціи. Главнѣйшія общественныя теченія получали выраженіе въ особыхъ органахъ печати, большею частью недолговѣчныхъ. Болѣе замѣтную роль въ культурной жизни Галиціи ранняго періода сыграла упомянутая уже «Зоря Галицька», которая, съ нѣсколько измѣненнымъ характеромъ, какъ органъ преимущественно литературно-информаціонный, просуществовала до 1859 г. Съ раздѣленіемъ галицкой интеллигенціи на два рѣвко-очерченные лагеря—народный и москвофильскій — галицкая пресса также раскололась на двѣ группы, отличающіяся другъ отъ друга не только направленіемъ, но и языкомъ. Изъ органовъ москвофильской прессы заслуживаетъ упоминанія, основанная Наумовичемъ популярная газета «Наука», которая въ первые годы (1872—76) составлялась на довольно чистомъ народномъ языкѣ, благодаря чему пріобрѣла значительную популярность среди крестьянства и оказала извѣстное содѣйствіе подъему его самосознанія и усиленію его интереса къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ; впослѣдствіи «Наука» окрасилась яркою москвофильскою краскою и постепенно пришла въ полный упадокъ. Въ 1871 г. Наумовичъ основалъ въ Коломыѣ газету «Русская Рада», которая существуетъ и до сихъ поръ. Самымъ вліятельнымъ политическимъ органомъ того же направленія была газета «Слово», основанная въ 1861 г. Б. Дидыцкимъ и въ первые годы также предпочитавшая живой народный языкъ, но затѣмъ перешедшая къ уродливому «язычію»; благодаря матеріальной поддержкѣ со стороны богатыхъ учрежденій москвофильской партіи, газета эта продержалась до 1887 г. Въ 1889 г. возникъ еженедѣльникъ «Русское Слово», продолжавшій выходить до послѣдняго времени. Далѣе, отмѣтимъ юмористическій журналъ «Страхопудъ», основанный въ 1864 г. Ливчакомъ; съ небольшими перерывами, подъ разными редакціями, онъ выходилъ до 90-хъ годовъ. Изъ менѣе долговѣчныхъ изданій оставили слѣдъ въ политической жизни Галиціи: «Рускій Сіонъ» — клерикальный органъ (1871—1880); «Другъ» (1874—1877) — органъ моло-

дежи, изъ среды которой вышли впослѣдствіи выдающіеся дѣятели радикальнаго направленія—Франко и Павликъ; «Проломъ»—Добрянскаго (1881—1882 г.)—органъ политическаго руссофильства; не меньше десятка можно насчитать москвофильскихъ изданій, существовавшихъ отъ года до трехъ лѣтъ. Съ усиленіемъ народнаго направленія москвофильская пресса мало-по-малу хирѣла.

Въ послѣдніе годы, кромѣ упомянутыхъ выше «Русской Рады» и «Русскаго Слова», москвофильская партія располагала еще слѣдующими періодическими изданіями: «Библіотека для руской молодежи» въ Коломыѣ, «Голосъ народа» во Львовѣ, «Голосъ труда» тамъ же, «Листокъ» общества имени Качковскаго и нѣсколько церковныхъ изданій. Всѣ эти изданія, при значительныхъ отличіяхъ въ правописаніи, все же пользуются народнымъ украинскимъ языкомъ, лишь съ нѣкоторымъ налетомъ великорусскихъ формъ. Кромѣ нихъ, выходила еще газета «Галичанинъ», но ее къ украинской прессѣ отнести трудно, въ виду того, якобы, русскаго литературнаго языка, на которомъ она печаталась для своихъ немногочисленныхъ подписчиковъ и читателей.

Первыя изданія народнаго украинскаго направленія основывались преимущественно кружками молодежи, а потому не отличались долговѣчностью. Таковы были «Вечерниці» (1862—63 г.), сгруппировавшія около себя довольно талантливыхъ поэтовъ и публицистовъ; «Мета», «Нива», «Русалка», «Русь» выходили одна за другою въ промежуткѣ 1863—1868 г. Болѣе солиднымъ органомъ національнаго движенія явилась «Правда», возникшая въ 1867 г., повидимому, по иниціативѣ Кулиша и при участіи Партицкаго и Вахнянина. Редакція «Правды» сумѣла привлечь лучшія литературныя силы не только изъ галицкой интеллигенціи, но и изъ дѣятелей русской Украины (Драгомановъ, Старицкій, Нечуй, Кониссiй и др.), благодаря чему и художественная и публицистическая часть этого изданія стояли на довольно высокомъ уровнѣ. Существовала «Правда» до 1880 г. и за это время успѣла помѣстить немало цѣнныхъ произведеній; затѣмъ въ 90-хъ годахъ, во время «угоды», опять возобновилась, но не надолго. Конецъ 70-хъ годовъ и 80-е годы отмѣчены значительнымъ ростомъ украинской прессы. Въ 1879 г. возникла популярная газета Романчука «Батьківщина», имѣвшая большое вліяніе на

крестьянство. Въ 1880 г. кружокъ львовскихъ народовцевъ началъ издавать политическую газету «Діло», быстро занявшую положеніе наиболѣе вліятельнаго органа національной партіи и существовавшую до самаго послѣдняго времени. Въ томъ же 1880 г. начала выходить «Зоря»—литературно-научный еженедѣльникъ, въ теченіе 17 лѣтъ талантливо и съ достоинствомъ обслуживавшій украинскую интеллигенцію не только Галиціи, но и россійской Украины, литературные работники которой также принимали участіе въ «Зорѣ». Въ 1881 г. возникъ ежемѣсячникъ «Світ», служившій выраженіемъ идей радикальной партіи. Въ томъ же направленіи редактировались съ 1888 г. «Товариш» и съ 1895 г.—«Громадський Голос», существовавшій до послѣдняго времени. Наконецъ, отмѣтимъ ежемѣсячный «Літературно-науковий Вістникъ», съ 1897 г. замѣнившій «Зорю», изданіе котораго впослѣдствіи было перенесено въ Кіевъ.

Изъ выходившихъ въ послѣдніе годы органовъ украинской прессы, кромѣ «Діла» и «Громадського Голоса», заслуживаютъ упоминанія: «Воля»—популярный органъ украинскихъ соціалъ-демократовъ, для крестьянъ и рабочихъ [1]); «Господар»—сельско-хозяйственная популярная газета (въ Перемышлѣ); «Господарь і промисловець»—органъ «Краевого союза господарсько-молочарского» (въ Стрыѣ); «Господарська часопись»—органъ сельско-хозяйственнаго товарищества «Сільський Господарь»; «Економіст»—органъ «Краевого союза ревизійного»; «Земля і воля»—органъ соціалъ-демократической партіи для рабочихъ; «Наш Голос»—соціалъ-демократическій журналъ для интеллигенціи; «Зоря»—популярно-радикальная газета (въ Коломыѣ); «Перемиський Вістник»—органъ мѣстной организаціи національно-демократической партіи (въ Перемышлѣ); «Подільське слово»—національно-демократическая газета (въ Тернополѣ); «Провідник рільничих кружків»—сельско-хозяйственная газета; «Рільничі відомости»—земледѣльческая газета; «Самопоміч»—популярная газета, посвященная экономическимъ вопросамъ, изданіе «Краевого союза ревизійного»; «Часопись для спілок рільничих»—газета, посвященная вопросамъ земледѣлія, изданіе патроната при областной управѣ («Краевий Виділ»); «Свобода»—популярный органъ національно-демократической партіи. Количество изданій, посвя-

[1]) Органы печати, при которыхъ не обозначено въ скобкахъ мѣсто изданія, выходятъ во Львовѣ.

щенныхъ соціально-экономическимъ интересамъ края и предназначенныхъ для народа, само говоритъ за себя; тѣсная связь національнаго украинскаго движенія со всестороннимъ, культурнымъ и экономическимъ, подъемомъ широкихъ народныхъ массъ иллюстрируется приведеннымъ перечнемъ періодическихъ изданій какъ нельзя ярче.

Изъ профессіональныхъ и спеціальныхъ органовъ отмѣтимъ «Голос галицьких дяків»; «Робітник в фабриках тютюну»—органъ табачныхъ рабочихъ (въ Вѣнѣ); «Зелізничник» (органъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ); «Наша школа»—органъ общества преподавателей «Учительська громада»; «Учитель»—органъ «Товариства педагогічного»; «Прапор»—органъ народныхъ учителей (въ Коломыѣ); «Правничий Вістник»—органъ юридическаго общества.

Для полноты списка, остается добавить «Еміграпт»—газету, посвященную интересамъ украинскихъ переселенцевъ; «Дзвінок»—иллюстрированная газета для юношества; «Молода Україна»—органъ «Українського студентського союза»; «Нове зеркало»—иллюстрированный сатирическій журналъ; «Записки» и «Хроніка» «Наукового товариства імени Шевченка»; офиціозы — «Руслан» и «Народна Часопись»; офиціальный — «Вістник Законів і розпоряджень краевих» и нѣсколько епархіальныхъ изданій церковной администраціи.

Въ Буковинѣ пресса возникла сравнительно поздно, только съ оживленіемъ національнаго украинскаго движенія. До 80-хъ годовъ существовали два изданія москвофильскаго направленія—«Буковинская Зоря» (1870 г.) и «Родимый Листокъ» (1879—1882 г.). Только въ 1885 г. возникъ органъ народниковъ «Буковина», при участіи проф. Смаль-Стоцкаго и поэта Федьковича, просуществовавшій 25 лѣтъ. Въ послѣдніе годы буковинскіе украинцы располагали слѣдующими изданіями: «Борба»—соціалъ-демократическій рабочій органъ; «Громадянин»—радикальная газета; «Народний Голос»—органъ національно-демократической партіи, замѣнившій «Буковину»;«Народне богатство»—органъ союза сельскохозяйственныхъ товариществъ «Селянська касса»; «Хлібороб»—земледѣльческая газета; «Каменярі»—органъ учительской организаціи; «Ранок»—органъ церковнослужителей (дьячковъ). Изъ москвофильскихъ изданій выходили профессіональныя «Дяківські відомости» и народная газета «Русская Правда». Наконецъ,

отмѣтимъ офиціальный «Вістник законів краєвих». Ежедневныхъ украинскихъ газетъ въ Буковинѣ нѣтъ ни одной.

Угорская Русь въ своей культурной исторіи насчитываетъ нѣсколько періодическихъ изданій, начавшихъ появляться еще съ 50-хъ годовъ, но къ органамъ общественной мысли эти изданія отнесены быть не могутъ; по своему языку и содержанію они слишкомъ далеко стояли отъ народныхъ массъ и не могли оказать на нихъ никакого положительнаго вліянія. Таковы: «Церковныя Вѣдомости» (1856—1858), «Церковный Вѣстникъ» (1858), «Свѣтъ» (1867—1871), «Новый Свѣтъ» (1871—1887 г.), «Карпатъ» (1873—1876), «Листокъ» (1885—1899). Въ настоящее время на Угорщинѣ выходятъ только два изданія того же типа: «Наука»—религіозно-просвѣтительно-общественная газета для народа (въ Унгварѣ) и «Неділя»—популярно-научная и сельско-хозяйственная газета для народа, издаваемая венгерскимъ правительствомъ въ Будапештѣ.

При самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ украинскою прессою Галичины, Буковины и Угорщины, объективному изслѣдователю бросится въ глаза рѣзкая разница въ тонѣ и содержаніи органовъ народнаго направленія, издаваемыхъ на живомъ украинскомъ языкѣ, и органовъ москвофильской партіи, бесѣдующихъ со своими немногочисленными читателями смѣшаннымъ языкомъ, съ болѣе или менѣе значительной примѣсью великорусскихъ словъ къ народной основѣ. Въ то время какъ украинскія періодическія изданія ведутся живо и ярко, широко пользуясь всѣмъ богатствомъ разговорнаго языка и всѣмъ, выработаннымъ мѣстною культурою, лексическимъ матеріаломъ, москвофильскія народныя газеты производятъ впечатлѣніе косноязычныхъ, медленно нанизывающихъ цвѣтистыя фразы, дышащія церковнымъ архаизмомъ или чуждою народу литературщиной. Невольно ощущается сожалѣніе о напрасно затрачиваемыхъ силахъ и досада на людей, занимающихся вмѣсто живого дѣла составленіемъ какихъ-то упражненій для чтенія, которыя въ лучшемъ случаѣ прочтутся съ такимъ же уваженіемъ и непониманіемъ, съ какимъ въ деревенской церкви выслушиваются схоластическія проповѣди на славянскіе тексты.

Искусство.

Искусство Галиціи представляетъ интересную отрасль общей украинской, или, какъ говорятъ въ Галиціи, «руськой» культуры,

отрасль, составляющую одинъ изъ главнѣйшихъ нервовъ этой культуры, особенно въ жизни нашего времени.

Для выясненія историческихъ судебъ этого искусства въ прошломъ и для установленія связей его минувшаго съ современностью имѣется богатый матеріалъ въ галицкихъ музеяхъ и небольшая литература о немъ на украинскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, правда, не всегда объективная, но сходящаяся на одномъ—на единствѣ галицкой художественной культуры съ искусствомъ Украины.

Изъ Львовскихъ музеевъ первое мѣсто принадлежитъ, несомнѣнно, «Національному музею», являющемуся неисчерпаемой сокровищницей старой галицкой культуры, гдѣ собрано все, начиная отъ археологическихъ предметовъ и кончая иконами и картинами европейскихъ и украинскихъ художниковъ послѣдняго времени. Далѣе значительными коллекціями галицкой старины и художественныхъ произведеній современности обладаютъ: музей «Наукового Товариства ім. Шевченка», музей Ставропигійскаго братства, «Просьвіты», Народнаго дома, «музей промысловый» и, наконецъ, частные львовскіе музеи Дѣдушицкихъ и кн. Любоміроскихъ. Не мало также продуктовъ галицкой культуры собрано въ Вѣнѣ (Volkskunde) и въ Краковѣ (въ университетѣ, въ «музеѣ народовомъ»—Чапскихъ и Чарторыйскихъ). Есть въ этихъ собраніяхъ и памятники искусства русской Украины, которые съ рѣшительной убѣдительностью говорятъ о томъ, что Галиція съ ними едина во всѣхъ отношеніяхъ.

О томъ, какъ началось художественное развитіе древней Руси, кое-что разсказываетъ начальная лѣтопись, повѣствуя объ изваяніяхъ языческихъ боговъ, культъ которыхъ смѣнило въ X—XI ст. принятое изъ Византіи христіанство. На долю Галиціи, именно, выпадаетъ находка изваяній, такъ называемаго, бога Свѣтовита, относительно которыхъ идетъ споръ, склоняющійся нынѣ, благодаря находкѣ одной аналогичной имъ статуэтки, къ признанію автентичности этихъ памятниковъ. Достойно вниманія то, что воспоминаніе объ этихъ изваяніяхъ-монолитахъ до сихъ поръ живетъ въ Галиціи въ формѣ надгробныхъ памятниковъ и придорожныхъ крестовъ. Кромѣ «Свѣтовитовъ», отъ древнѣйшаго искусства въ Галиціи ничего не осталось, но зато имѣются письменныя свидѣтельства, говорящія о томъ, что искусство здѣсь процвѣтало и въ христіанскую эпоху, о чемъ можно

догадываться изъ находокъ ремесленныхъ глиняныхъ образковъ, воспроизводящихъ извѣстныя, популярныя въ свое время, иконы, а также изъ нѣсколькихъ высокаго художественнаго достоинства золотыхъ кладовъ (Крылосскій кладъ 1908 г., Млотковскій и др.), напоминающихъ Кіево-Византійскія издѣлія,—извѣстныя діадемы, колты, кресты, гривны. Достойно вниманія, что древнерусскія діадемы до сихъ поръ удержались въ горахъ Галиціи въ женскомъ головномъ уборѣ, называющемся «чільце».

Памятники Галиціи интересны также въ связи съ вопросомъ объ иноземныхъ вліяніяхъ на искусство древней Руси. Извѣстно, что галицкіе князья, построившіе городъ Холмъ, призывали для этой цѣли «нѣмцевъ и иноязычниковъ и ляховъ». Древнія части церкви св. Пантелеимона въ Галичѣ ясно свидѣтельствуютъ о развитіи здѣсь связей съ Холмомъ и Западомъ. Извѣстно также, какъ была украшена церковь Іоанна Златоустаго въ Холмѣ. Сюжеты этихъ украшеній, будучи описаны Ипатьевской лѣтописью, указываютъ, что источникомъ ихъ было романское искусство, отразившееся, надо сказать, и въ украшеніяхъ рукописей того времени, такъ называемымъ, тератологическимъ орнаментомъ. Даніилъ Галицкій и Ярославъ, какъ извѣстно, поручали иностраннымъ художникамъ украшеніе своихъ личныхъ молитвенниковъ и сооруженіе драгоцѣнныхъ ризъ для иконъ. Корона кн. Льва была, несомнѣнно, западнаго происхожденія, такъ же какъ и его титулъ. На территоріи древней Галиціи находятся французскія лиможскія эмали и колокола съ латинскими надписями XII—XIV ст.

До нашего времени дошла, кажется, и подлинная икона Богородицы, для украшенія которой Даніилъ Галицкій приглашалъ нѣмецкихъ мастеровъ; это чудотворный образъ Холмской Божіей Матери. Знаменитая Ченстоховская икона Богородицы—тоже памятникъ галицкаго искусства до-татарской эпохи; до XIV ст. она находилась въ Белзѣ, гдѣ пережила татарское нашествіе. Кромѣ того, въ Галиціи до татаръ еще существовала монументальная живопись; такова, напр., роспись церкви въ Вроцлавѣ (XII в.), правда, уничтоженная, но извѣстная по рисункамъ 1529 г.

Послѣ татарскаго погрома, съ упадкомъ Кіева, Галиція была главной носительницей кіевской культуры: здѣсь появляется сильная княжеская власть, боярство, основывается новая сто-

лица—Львовъ и завязываются непосредственныя связи съ Римомъ, Уграми и Нѣмцами. Нѣмцы до XIV ст. составляли значительный процентъ городского галицкаго населенія въ томъ числѣ и гор. Львова, который даже въ русскихъ актахъ извѣстенъ, какъ Люмбургъ. Съ XIII ст. Галиція становится объектомъ воздѣйствія на нее готическаго искусства: кресты, печати и т. п. предметы украшаются въ это время фигурами рыцарей, готическими щитами, тронами и надписями готическимъ шрифтомъ («Ілюстрована історія України» М. Грушевскаго, р. 113—118); рыцарство проникаетъ въ обычаи мѣстнаго населенія и выражается здѣсь въ созданіи маленькихъ владѣтельныхъ дворовъ и замковъ; мѣщанство создаетъ торговлю и независимость городскихъ общинъ, получившихъ въ XIII—XIV ст. Магдебургское право. Русская галицкая молодежь воспитывалась въ заграничныхъ школахъ и для этой цѣли въ XIV ст. были основаны русскіе интернаты при университетахъ Краковскомъ и Пражскомъ. Это обстоятельство открываетъ доступъ въ Галицію не только нѣмецкимъ вліяніямъ, но также итальянскимъ, что въ XIV ст. вноситъ значительное оживленіе и въ галицкую живопись; извѣстно, напримѣръ, что двѣ иконы, принадлежащія кисти митрополита Московскаго Петра (уроженца Галиціи) и вывезенныя имъ изъ Галиціи въ Москву, отражаютъ въ себѣ вліянія возрождающагося отъ средневѣковья искусства Италіи.

Всѣ эти художественныя вліянія вообще должны были въ значительной мѣрѣ измѣнить стиль иконописи, державшійся еще въ православныхъ Византійскихъ канонахъ, но отъ этого времени, кромѣ упомянутыхъ иконъ въ Москвѣ, мы ничего не имѣемъ: художественные памятники въ Галиціи были разрушены (въ наступившее черезъ два столѣтія польско-шляхетское лихолѣтье) даже въ католическихъ храмахъ, гдѣ онѣ имѣлись въ значительномъ количествѣ. Такъ, имѣются свѣдѣнія, что галицкіе художники расписывали въ XIV ст. Вислицкій костелъ, церковь на горѣ Лисьцѣ, королевскія палаты въ Краковѣ и рядъ капеллъ въ краковскомъ соборѣ, при чемъ при дворѣ королей обращались съ ними съ большой предупредительностью.

Одной изъ послѣднихъ работъ, заканчивающихъ этотъ блестящій періодъ искусства въ Галиціи, можетъ служить роспись часовни св. Духа въ Краковѣ, уцѣлѣвшая чудомъ отъ 1470 года, о чемъ имѣется на стѣнахъ капеллы обстоятельная запись на

языкѣ,не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній въ томъ,что авторами записи были украинцы. Въ живописи этой капеллы бросается въ глаза особая щеголеватость фигуръ, а также сильный, правильный рисунокъ, внутренняя одухотворенность лицъ и весьма любопытныя отступленія отъ византійской традиціи въ подробностяхъ композиціи (Христосъ распятъ въ терновомъ вѣнцѣ и совершенно обнаженъ, предстоящіе переживаютъ тяжелую драму, въ «Благовѣщеніи» вмѣсто св. Духа къ Богородицѣ несется маленькая

Фреска 15 вѣка въ Бадовцахъ близъ Сучавы (Буковина). Сюжетъ— мученія св. Прокопія.

фигурка Христа и т. д.). Искусство, создавшее эти фрески, изъ которыхъ могъ черпать свое вдохновеніе такой мастеръ, какъ Матейко, несомнѣнно связано съ Италіей, вліяніе которой въ Галиціи легче всего прослѣдить въ XV ст. черезъ фрески Буковины, гдѣ сохранилось ихъ большее количество, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Молдавія и населенная украинцами Буковина, какъ извѣстно, была всегда связана съ Кіевомъ и Галиціей, пользовалась ихъ богослужебнымъ языкомъ и культурой. Здѣсь особенно

интересна роспись XV ст. въ Бадовцахъ, недалеко отъ Сучавы, гдѣ съ 1412 года лежатъ мощи св. Іоанна Новаго, столь чтимаго въ Галиціи. Въ храмѣ въ Бадовцахъ встрѣчаемъ почти итальянскія композиціи—особенно близкія къ венеціанскому искусству XIV—XV ст. (мученія св. Прокопія напоминаютъ итальянскія мартиріи св. Себастіана).

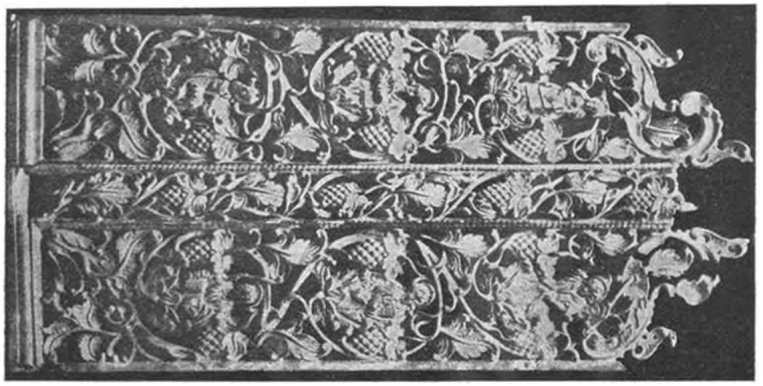
Вообще, искусство Буковины и Молдавіи проливаетъ свѣтъ на многія темныя стороны галицкой художественной жизни. Въ XV ст. съ нимъ связаны также галицкія иллюминированныя рукописи и художественныя вышивки. Нѣсколько рукописныхъ Евангелій XV ст. хранится нынѣ въ Львовскомъ ставропигійскомъ музеѣ (№№ 1, 2, 3, 24), а прекрасные образцы шитья этого времени можно видѣть въ Жолквѣ, Перемышлѣ, Городенкѣ и Львовѣ; они отчасти опубликованы въ изданіи «Вистава археольогична руско-польска у Львові 1885 р.». Особенно замѣчательны здѣсь таблицы X и XII, воспроизводящія фелони—въ одномъ случаѣ съ вышитымъ, а въ другомъ съ тканымъ — изображеніями Іисуса Христа и Благовѣщенія. Отъ XV ст. остались также необыкновенно интересные памятники рѣзьбы, напр. крестъ 1487 г. (въ Перемышльскомъ соборѣ) съ нѣсколькими десятками выполненныхъ полукруглой техникой изображеній на евангельскія и символическія темы. Кромѣ того, сохранилось нѣсколько иконъ въ Національномъ и Ставропигійскомъ музеяхъ, хотя и далеко не характерныхъ для всей Галиціи, такъ какъ онѣ происходятъ изъ глухихъ горныхъ мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ еще искусство живетъ византійскими идеалами, питавшими его и въ XV ст. Здѣсь видимъ условныя композиціи, золотую раздѣлку линій одежды, сходство лицъ, бѣлыя оживки, строгость красокъ, хотя на нѣкоторыхъ образцахъ («Преображеніе» Національнаго музея) уже замѣтенъ большой шагъ впередъ.

Совсѣмъ иную картину наблюдаемъ на иконахъ, найденныхъ въ открытыхъ низменныхъ мѣстностяхъ Галиціи, правда, относящихся уже къ XVI ст. Въ нихъ итальяно-нѣмецкія черты проглядываютъ во всемъ—въ лицахъ, одеждахъ, краскахъ. И это неудивительно, такъ какъ «Магдебурія» къ XVI-му ст. успѣла уже пустить корни; при томъ это столѣтіе принесло Украинѣ религіозную унію, съ одной стороны, открывшую широкую дорогу иноземнымъ вліяніямъ, а съ другой,—вызвавшую усиленную

культурную работу со стороны ея религіозныхъ противниковъ, т.-е. православныхъ братствъ и духовенства; правительственная власть этому, на первыхъ порахъ, не только не препятствовала, но даже, наоборотъ, сами поляки, получивъ право селиться на Украинѣ, въ цѣляхъ успѣшной колонизаціи края, строили за свой счетъ православные храмы. Къ этому, именно, времени относится возникновеніе громаднаго количества церквей въ Галиціи и, вѣроятно, именно теперь развился и окончательно сформировался тотъ типъ украинскихъ храмовъ, который, съ незначительными отступленіями въ варіаціяхъ, мы видимъ на всемъ громадномъ пространствѣ Украины отъ Венгріи до Кавказа. Лучшіе и наиболѣе ранніе образцы украинской церковной архитектуры удержались именно въ Галиціи; такова церковь въ Ровдолѣ и Дорогобычѣ (3-хъ купольная св. Юрія), въ Княжворѣ (5-ти купольная) и храмы на Бойковщинѣ. Православные, въ лицѣ своей іерархіи, находившейся въ положеніи шляхты, управлявшей Рѣчью Посполитой, имѣли полную возможность не только строить храмы, но и заботиться о защитѣ своего исповѣданія и о своемъ развитіи культурномъ, что дѣйствительно замѣтно въ XVI—XVII ст. въ устройствѣ братскихъ школъ, типографій и т. п. Главная дѣятельность братствъ, объединявшихъ населеніе подъ знаменемъ религіи, заключалась и въ заботахъ о благолѣпіи храмовъ.

Соотвѣтственно этимъ потребностямъ выросло сословіе мѣстныхъ художниковъ, которые организуются въ цехи. Попасть въ цехъ было очень трудно; нужно было предварительно пробыть нѣкоторое время за границей, а потомъ выдержать тяжелое испытаніе (правила львовскаго и перемышльскаго цеховъ). Такимъ образомъ, обученіе у иностранцевъ было обязательно, и это очень важно для характеристики искусства Галиціи въ это время. Должно имѣть въ виду и то, однако, что въ эту самую пору многіе иностранные мастера проживали въ самомъ Львовѣ. Имъ принадлежитъ большинство уцѣлѣвшихъ отъ XVI—XVII ст. львовскихъ зданій— въ томъ числѣ дома «руськихъ» мѣщанъ Красовскихъ, Корняктовъ, Изоровичей, Анчовскихъ (изданы у Ловинскаго: «Sztuka Lwowska») и важнѣйшій памятникъ этой эпохи—Успенская церковь, ставшая потомъ ставропигіальной. Зодчій ея Pietro Romano—итальянецъ, но онъ считался съ мѣстными вкусами и придалъ ей въ планѣ видъ корабля съ тремя куполами по-украински (первоначальный видъ церкви былъ не тотъ, что нынѣ); для декораціи стѣнъ онъ примѣ-

нилъ мотивы Ренессанса, выполненные въ мѣстномъ духѣ львовскими мастерами (Ѳеодоромъ?). Среди этихъ декоративныхъ украшеній наиболѣе интересною подробностью является триглифный фризъ съ скульптурными метопами. Черты Ренессанса сохранены архитекторомъ также въ куполахъ примѣненіемъ двойной системы арокъ и кессончатыхъ сводовъ. Гражданскія зданія, которыя упомянуты выше, тоже—памятники итальянскаго Ренессанса, имѣющіе много общаго съ дворцами Венеціи XVI ст.



Рѣзныя царскія врата (XVIII в.) (Музей Промысловой во Львовѣ).

Въ XVI—XVII ст. Львовъ, можно сказать, былъ главнымъ центромъ украинской культуры: здѣсь было учреждено первое братство и первая типографія. Но онъ дѣйствовалъ не самостоятельно, а въ связи съ Кіевомъ. Кіевскій митрополитъ имѣлъ во Львовѣ свое подворье; сюда, когда нужно было, присылались Печерскіе иноки, а иногда и художественныя произведенія; напримѣръ, знаменитый скитъ Манявскій, твердыня православія въ Галиціи, былъ построенъ по планамъ, присланнымъ изъ Кіево-Межигорскаго монастыря. Кіевъ со своими святынями попрежнему былъ связующимъ звеномъ между обоими концами Украины и «изъ него шелъ законъ съ просвѣщеніемъ всѣхъ». (Акты Ю. З. и З. Р. X № 16. VI).

Такимъ образомъ, общій духъ культуры былъ одинъ и во Львовѣ, и въ Кіевѣ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что иконопись XVI—XVII ст. и тамъ и здѣсь одинакова. «Страшные Суды»

Національнаго музея и Наукового т-ва ім. Шевченка такіе же, какъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ (нынѣ въ Кіевской духовной академіи) и какъ на Буковинскихъ фрескахъ; тамъ и здѣсь однѣ и тѣ же иконы Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, Деисусы, иконы Покрова Богородицы и т. п. Сходство это не только въ сюжетахъ, но и въ стилѣ, въ краскахъ, рисункѣ, богатомъ бытовымъ содержаніемъ, ведущимъ эту иконопись къ Западу,—почти навѣрное можно сказать, — къ Тосканѣ. Но рядомъ съ этимъ живетъ архаистическое направленіе, очень неохотно отступающее отъ византійскихъ преданій, что болѣе всего замѣтно въ фрескахъ скита Манявскаго и дома Красовскихъ во Львовѣ.

Христосъ-Виноградарь. (Икона XVII в. изъ Рогатина).

Но изъ того же скита Манявскаго дошелъ до насъ знаменитый иконостасъ (въ Богородчанахъ), относительно котораго идетъ споръ, къ какому искусству его причислить—западному или восточному. Извѣстны и авторы этого иконостаса—Никопольчицкій и Кондзелевичъ. Они оба подписались на нѣкоторыхъ образахъ иконостаса, не постѣснившись похвастать своимъ именемъ, чего не рѣшались дѣлать на своихъ произведеніяхъ другіе мастера, связанные цеховыми обязательствами. Подписей, вообще, находимъ на произведеніяхъ стараго украинскаго, и въ томъ числѣ галицкаго искусства, очень немного, но тѣ имена, которыя сохранились въ подписяхъ, или извѣстны изъ иныхъ источниковъ, весьма интересны. Назовемъ, напримѣръ, автора перваго Ставропигійскаго иконостаса Петрахновича, который за одну только живопись получилъ 3000 золотыхъ,—также исполнителей Краснопущанскаго иконостаса—нѣкоего Василя и Елев-

ѳерія Семигоновскаго, состоявшихъ придворными живописцами короля Яна III. Извѣстенъ еще цѣлый рядъ другихъ именъ, которыхъ здѣсь не упоминаемъ.

Среди типовъ и мотивовъ иконографіи, созданной этими художниками, встрѣчаемъ Іисуса Христа, Богоматерь, святыхъ въ особой трактовкѣ одеждъ, лицъ и позъ, отступающихъ отъ византійскихъ образцовъ и выдающихся своей подвижностью, мягкостью, особой задушевностью. Фоны въ этихъ иконахъ даютъ дань византійской традиціи—они ровные, золотые или серебряные; золотые узоры раскиданы также и по одеждамъ, но это уже не византійская черта, а великолѣпіе Царства Небеснаго, придуманное сѣверными итальянцами. Лица украинскихъ изображеній—

Портретъ Николая Красовскаго (XVIII в.) на гробницѣ (въ Ставропигійскомъ музеѣ).

благостныя; вездѣ умиленныя позы, сравнительная короткофигурность, сильныя надбровья глазъ,—все та же черта Италіи XIV—XVI в., особенно Сіенны, гдѣ до XVII ст. существовала школа архаиковъ, весьма близкихъ къ украинскимъ мастерамъ. Это были люди христіанской культуры, насквозь пропитанные глубокимъ религіознымъ чувствомъ, откуда иконы ихъ, несмотря на натурализмъ, полны мистической умиленности. Несомнѣнныя натуралистическія черты мы замѣчаемъ и въ иконахъ Галиціи. Святые часто изображены здѣсь въ мѣстныхъ простонародныхъ

типахъ; часто Божія Матерь и Христосъ бываютъ даже одѣты по-украински (Ставроп. муз. №№ 45, 46, 49, 48, 15); въ сценахъ Рождества Христова, Распятія и т. д. присутствуютъ галицкіе поселяне, мѣщане, шляхтичи, что ведетъ уже къ реалистическимъ представленіямъ въ искусствѣ, такимъ цѣннымъ въ нашей современности. Какъ на одну изъ главнѣйшихъ сторонъ этой иконописи, слѣдуетъ указать на то, что въ XVII ст. она проникалась символикой; въ ней изобиловали такія изображенія, какъ Христосъ съ крыльями, Христосъ-Виноградарь, птица Пеликанъ, Недреманное Око и т. д. Все это продуктъ западной богословской науки, питавшей также украинское богословіе и проповѣдь XVII—XVIII ст. Символическія и реалистическія подробности попали, между прочимъ, въ изображенія Страшнаго Суда, чѣмъ внесли особое оживленіе въ эту композицію, ставшую любимой въ народѣ и потому весьма распространенной.

Разъ элементы свѣтской жизни находятся на иконахъ, то, конечно, они существовали въ искусствѣ и сами по себѣ. И, дѣйствительно, въ музеяхъ сохранилось не мало свѣтскихъ картинъ, на которыхъ имѣются также подписи мастеровъ (Ставропиг. музей). Особенно интересны изображенія изъ быта «опришковъ» (муз. Хадлубинскаго), а также портреты. Послѣдніе прекрасно представлены на гробовыхъ доскахъ изъ склеповъ ставропигійской церкви. Это барочные портреты работы XVII в., прекрасной техники и полные жизни. Изъ болѣе раннихъ работъ упомянемъ портретъ султанши Роксоланы, происходившей изъ Рогатына, находящійся во Флоренціи въ галлереѣ Уффиці. Слѣдуетъ замѣтить, что портретное искусство въ Галиціи и на Украинѣ было связано въ старину съ погребальнымъ обрядомъ, а потому на большинствѣ такихъ портретовъ имѣются эпитафіи, перешедшія потомъ и въ живописныя и гравировальныя копіи съ этихъ портретовъ.

На ряду съ живописью, во Львовѣ развивалась также гравюра. Первыя галицко-русскія гравюры источникомъ своимъ имѣли Германію, а Швайпольтъ Фіоль—первый галицкій печатникъ—былъ нѣмецъ. Далѣе, Скорина иллюстрировалъ свои изданія гравюрами Март. Цагеля; въ Львовскомъ Апостолѣ 1579 г. и въ другихъ изданіяхъ тоже были помѣщены воспроизведенія нѣмецкихъ оригиналовъ. На ряду съ этимъ, галицкіе мастера работали за границей. Таковъ, напр., граверъ Зярнко, иллюстрировавшій нѣкоторыя французскія изданія. Въ Львовѣ собственно работали

тѣ самые граверы, что и въ Кіевѣ: Андроникъ Невѣжа, Ильи, Георгій, Ивановичъ, Филиппъ, Ушаковичъ, Зубрицкій, Завадовскій, Лука Скитскій, Тарасевичъ. Наиболѣе знаменитый изъ нихъ Леонтій Тарасевичъ (Александръ, его братъ, работалъ въ Аугсбургѣ) — ученикъ школы Киліановъ. Общеніе между кіевскими и львовскими граверами не прекращалось и послѣ присоединенія Кіева къ Россіи; наоборотъ, когда на Украинѣ запрещено было издавать свѣтскія книги, печатаніе ихъ было перенесено во Львовъ (напр. въ 1752 г. тамъ была издана граверомъ Гр. Левицкимъ «Политика» Аристотеля, посвященная гетману Кириллу

Тарелка гуцульской работы (Миколы Шкрибляка).

Разумовскому). Такимъ образомъ, уже въ это время (средина XVIII ст.) намѣчается то исключительное значеніе Львова для Украины, которое онъ займетъ въ XIX стол.

Мы не упомянули еще о состояніи рѣзьбы и скульптурнаго искусства въ старой Галиціи; скульптура была развита довольно слабо,—она считалась противной православному сознанію галичанъ, и уцѣлѣвшіе до насъ памятники имѣютъ характеръ заимствованныхъ съ Запада барочныхъ изваяній. Что же касается

рѣзьбы, то она нашла свое приложеніе въ иконостасахъ храмовъ и создала настоящіе шедевры—хотя бы иконостасъ въ Богородчанахъ или въ Рогатынѣ (XVII в.). Какъ и на Украинѣ, любимый мотивъ этой рѣзьбы—виноградная лоза, намекающая на совершаемое въ храмѣ таинство. Въ царскихъ вратахъ нерѣдко попадается древо Іессея.

Упомянемъ также старинныя вышивки, ткани и керамику. Если въ тканяхъ, на ряду съ западными чертами, видимъ элементъ восточныхъ стилей (львовскія издѣлія мастерскойИв.Марковича, а также уневскія и корткорскія, имѣющія очень много общаго съ украинскими слуцкими тканями), то въ керамикѣ замѣчаются, главнымъ образомъ, отраженія Запада. Впрочемъ, керамика эта уже принадлежитъ новому времени—XIX ст., которое выдвинуло въ Галиціи такихъ мастеровъ-керамистовъ, какъ Шестопальскій и Бахметюкъ, изъ коихъ послѣдній положилъ основаніе отдѣльному галицкому стилю «бахминщинѣ». Повидимому, эта керамика питалась завѣтами прошлаго, какъ и всѣ другія отрасли искусства, такъ какъ XIX в. не принесъ для галицкой художественной культуры ничего добраго. Наоборотъ, когда Галиція отдана была во власть поляковъ, здѣсь наступилъ форменный упадокъ искусства, при которомъ единственнымъ отраднымъ и цѣннымъ явленіемъ было сохраненіе, если не старой иконописи, то стараго самобытнаго народнаго искусства, проявившагося характернѣе всего въ такъ-называемой гуцульской рѣзьбѣ.

Названіе «рѣзьба» дано этому искусству, такъ сказать, исторически,—это скорѣе интарсіи и инкрустаціи деревомъ, костью и цвѣтными стеклянными бусами, чѣмъ рѣзныя произведенія. Но все же начало свое эти издѣлія ведутъ отъ рѣзьбы, сначала углубленной въ поверхность и монохромной, потомъ выпуклой и полихромной. Современная гуцульская рѣзьба обязана своимъ высокимъ развитіемъ двумъ необыкновеннымъ талантамъ—Юрію и Василю Шкриблякамъ. Юрій ввелъ выпуклую рѣзьбу, а Василь присоединилъ къ ней инкрустаціи. Въ этомъ своемъ видѣ рѣзьба развивается далѣе; послѣдніе представители ея—Мегеденюкъ, Девдюкъ и другіе—нашли еще новые пути ея развитія путемъ привнесенія въ нее стиля «бахминщины» (кружки, розетки, симметричныя растенія) и т. п. Главный орнаментальный мотивъ гуцульской рѣзьбы—это крестъ въ разныхъ комбинаціяхъ и формахъ. Къ сожалѣнію, польская интеллигенція присваиваетъ

произведенія гуцульскаго искусства себѣ и на основѣ мотивовъ этого художества строитъ созданіе своихъ новыхъ польскихъ стилей, въ родѣ «закопаньскаго».

Какъ болѣе сильное духовно и экономически, искусство польскихъ художниковъ, обратившееся также къ живописанію галицкаго украинскаго быта, захватило въ свои руки въ Галиціи декорированіе уніатскихъ храмовъ и всѣ художественные рынки, что не могло не препятствовать развитію новаго украинскаго искусства. Чтобы имѣть сбытъ своихъ картинъ, украинскіе мастера должны были выступать въ Галиціи подъ флагомъ польскаго искусства и въ теченіе всего почти XIX ст. несли, такимъ образомъ, свои силы на созданіе польской культуры. Только въ 1898 г. нѣсколько отважныхъ людей основали «Товариство для розвою штуки руської», въ которомъ постепенно объединились всѣ украинскіе живописцы, скульпторы, зодчіе и золотыхъ дѣлъ мастера на началахъ моральной и матеріальной взаимопомощи. Это начинаніе дало прекрасные результаты, и нынѣ въ Галиціи рядомъ съ польскими художниками существуютъ украинскіе мастера, рядомъ съ выставками польскихъ мастеровъ устраиваются выставки украинцевъ, издаются украинскія картины, журналы и книги, посвященныя своему родному искусству, а въ 1905 г. основано еще новое общество—«Товариство прихильників української штуки».

Душой обоихъ обществъ является лучшій изъ современныхъ художниковъ Галиціи, большой мастеръ кисти, Ив. Трушъ, а также его товарищъ Юл. Панкевичъ, также представляющій собою крупную величину въ Галиціи. Творчество Труша обращено, главнымъ образомъ, на поэзію украинской природы—Днѣпра, могилъ, степи, моря; есть также прекрасные жанры (очень извѣстные «Гагілки») и портреты.

Большинство художниковъ Галиціи работаютъ надъ церковными картинами. Таковы: Томашевичъ, Сенюта, Монастырскій, Куриласъ и Новаковскій. Послѣдніе два—необыкновенно интеллигентные таланты—источникъ вдохновенія своего нашли въ старой украинской иконописи, воспроизводя въ своихъ твореніяхъ народные типы и родную обстановку. Новаковскій въ церковномъ стилѣ пишетъ также портреты (митр. А. Шептыцького). Вообще же мотивъ народнаго орнамента и подражаніе старинѣ можно было встрѣтить въ Галиціи и раньше, напр., въ работахъ проф. Ковача

и Корн. Устіяновича—(художника очень плодовитаго и энергичнаго, но убитаго классицизмомъ).

Однако больше всего интересны тѣ галицкіе мастера, которые работаютъ надъ украинскимъ національнымъ пробужденіемъ Галиціи. Это историческіе художники—Пилиховскій, Турбацкій, Монастырскій, Липинскій, Куриласъ, Романчукъ и Ивасюкъ. Остановимся изъ нихъ на одномъ Ивасюкѣ, картины котораго «Хмельницкій по Зборівській битві» и «В'їзд Хмельницького в Київ», изображая апоѳеозъ украинскаго героическаго прошлаго, непреодолимо вліяютъ на душу и умъ зрителей. Картины эти громадной величины и довольно значительнаго художественнаго размаха.

Въ послѣднее время краковская, вѣнская и мюнхенская академіи выпустили рядъ молодыхъ силъ, изъ которыхъ успѣли уже проявить себя живописцы: Струхманчукъ, Бойчукъ, Сосенко, Демчукъ, Новаковскій, Северинъ и скульпторы Паращукъ, Лыслкъ и Гаврилко. Нѣкоторые изъ нихъ происходятъ изъ русской Украины, но живутъ и работаютъ въ Галиціи, какъ бы продолжая тотъ творческій процессъ созиданія украинской культуры, который создавалъ здѣсь одну и ту же художественную жизнь въ прошломъ.

Просвѣтительныя организаціи.

Изъ того, что научная работа въ Галиціи организовалась безъ участія правительственной власти и даже скорѣе вопреки ей, ясно, до какого высокаго уровня дошла въ этомъ краю организація общественныхъ силъ. Еще ярче характеризуется напряженіе общественной энергіи галицкихъ украинцевъ удивительнымъ развитіемъ разнообразныхъ коллективовъ, съ просвѣтительными, экономическими, благотворительными, профессіональными и иными задачами.

Начало организованной общественной работы въ Галиціи относится, въ сущности, еще къ XVI вѣку, когда, въ періодъ религіозной борьбы, при Львовской Успенской церкви образовалось «братство», обычнаго въ то время типа (1551 г.). Въ 1593 г. Львовское братство получило отъ іерусалимскаго патріарха титулъ «Патріаршей Ставропигіи» и рядъ особыхъ правъ и привилегій, ставившихъ его въ независимое положеніе отъ мѣстныхъ враждебныхъ—національныхъ и религіозныхъ—вліяній. По присоединеніи Галиціи къ Австріи, императоръ Іосифъ II подтвердилъ

всѣ права Ставропигіи, переименовалъ ее въ «Ставропигійскій институтъ» и придалъ этой организаціи преимущественно гуманитарно-просвѣтительный характеръ. Въ первые вѣка своего существованія Ставропигія служила средоточіемъ національно-религіозной жизни украинскаго населенія Галиціи и въ этомъ смыслѣ имѣетъ за собою значительныя заслуги: при Ставропигіи, какъ и при другихъ юго-западныхъ братствахъ, была больница, страннопріимный домъ, греко-славянская школа, а сверхъ того работала и типографія, основанная въ 1573 г. извѣстнымъ «первопечатникомъ» Иваномъ Ѳедоровымъ. Но съ конца XVIII в., когда передъ Ставропигійскимъ институтомъ стали иныя, болѣе широкія задачи, тѣ общественные элементы консервативно-клерикальнаго направленія, въ рукахъ которыхъ по вѣковой традиціи продолжалъ оставаться институтъ, оказались не на высотѣ пониманія народныхъ нуждъ и требованій времени; культурныя и филантропическія учрежденія института—типографія, книжный складъ, музей, архивъ и пансіонъ для юношей продолжали функціонировать, но такъ какъ въ основѣ ихъ дѣятельности лежали устарѣлыя религіозно-политическія традиціи, то практически работа института сократилась до минимума и не оставляетъ никакихъ положительныхъ слѣдовъ въ культурной жизни украинскаго населенія Галиціи, для котораго институтъ, при его крупныхъ, вѣками накопленныхъ, средствахъ, могъ бы сдѣлать много.

Общественныя учрежденія, возникавшія въ первой половинѣ XIX в., также исходили изъ клерикальной среды, которая въ то время являлась единственнымъ интеллигентнымъ слоемъ украинской Галиціи. Этимъ, въ значительной степени, обусловливалась и дальнѣйшая судьба этихъ организацій, работа которыхъ шла внѣ и мимо реальныхъ условій мѣстной жизни, какъ и все то общественное теченіе («москвофильство»), съ которымъ учрежденія эти были тѣсно связаны своими политическими симпатіями и консервативными тенденціями. Таковы были два, въ идеѣ весьма полезныя, учрежденія, созданныя въ 1849—50 гг. политическою организаціею «Руська Рада». Первое изъ нихъ—«Народный домъ»—устроенъ на весьма широкихъ началахъ,—на собранныя съ украинскаго населенія пожертвованія и на пожертвованной землѣ. Располагая милліоннымъ имуществомъ, Народный домъ въ самой незначительной мѣрѣ служитъ культурнымъ потребностямъ населенія и то въ формахъ, враждебныхъ его національному развитію.

Другое учрежденіе того же типа—«Галицко-русская матиця», организованная по образцу юго-славянскихъ «Матицъ», съ популярно-просвѣтительными цѣлями. Начавъ съ изданія популярныхъ книжекъ на народномъ языкѣ, львовская «Матиця» постепенно приближала языкъ своихъ изданій къ литературному русскому и одновременно теряла читателей, а въ концѣ-концовъ фактически пріостановила свою дѣятельность.

Изъ позднѣйшихъ москвофильскихъ организацій аналогичный характеръ имѣетъ «Общество имени Михаила Качковскаго», учрежденное въ 1874 г. съ цѣлью «розширяти межь русскимъ народомъ въ Австріи науку, любовь къ прадѣдному церковному св. обряду, религійность по правильному своему св. обряду, обычайность, трудолюбіе, тверезость и ощадность, гражданское сознаніе и всякіи честноты». Это общество, первымъ предсѣдателемъ котораго былъ извѣстный священникъ Иванъ Наумовичъ, работало въ области популярнаго издательства, а также устраивало въ селахъ библіотеки, читальни, потребительныя лавки, сельско-хозяйственныя выставки и пр. Благодаря болѣе ярко выраженному демократизму своихъ организаторовъ, общество Качковскаго въ первое время не сходило съ мѣстной національной почвы, но вскорѣ и въ его дѣятельности реальныя народныя нужды уступили свое мѣсто объединительнымъ тенденціямъ, парализовавшимъ ту пользу, какую общество могло принести народу своими довольно многочисленными развѣтвленіями. Общее число членовъ «Общества имени Качковскаго» превышаетъ 8000, отдѣленій оно имѣетъ около 20, читаленъ около 600, книжекъ различнаго содержанія выпустило свыше 2 милл. экземпляровъ. Все это, какъ видимъ, довольно крупныя цифры, но широкому культурному вліянію общества мѣшала та тенденція, иллюстраціей которой можетъ служить странное «язычіе» приведенной выше цитаты изъ устава [1]).

---

[1]) Приведемъ еще нѣкоторые образцы «русскаго» языка, на которомъ москвофилы просвѣщаютъ народныя массы Галичины:

...Помня лавры, что хоробро
Сплело собѣ воинство,
За Цѣсаря, кровь и добро
Несѣмъ за отечество!
Плодъ усилій гражданина
Вѣрно воинъ защититъ;
Искуство, наукъ збруя мирна
Въ побѣдѣ ея да славитъ!

Профессіональныхъ и экономическихъ организацій москвофильское теченіе создало мало; если не считать такой, чисто сословной организаціи, какъ вдовій и сиротскій фондъ для помощи семьямъ духовенства, то заслуживаетъ упоминанія лишь «Общее рôльничо-кредитное заведеніе для Галичины и Буковины» (крестьянскій банкъ), получившій печальную извѣстность крупными растратами, на покрытіе которыхъ впослѣдствіи москвофиламъ пришлось собирать пожертвованія въ Россіи.

Съ постепеннымъ ростомъ народной партіи, видѣвшей источникъ и орудіе національнаго возрожденія въ духовныхъ силахъ самого народа, стали возникать и украинскія общественныя организаціи. Прежде всего народовцы обратили вниманіе, конечно, на просвѣщеніе народныхъ массъ и, послѣ тщетныхъ попытокъ оживить захирѣвшую «Матицю», учредили, по мысли извѣстнаго галицкаго патріота С. Качалы—особое общество «Просвіту». Несмотря на неблагопріятный отзывъ мѣстной администраціи, центральное правительство въ Вѣнѣ не нашло возможнымъ отказать въ утвержденіи устава «Просвіты», и въ концѣ 1868 г. новое просвѣтительное общество открыло свои дѣйствія. Начавъ съ изданія украинскаго букваря, «Просвіта» во главу угла своей работы положила заботу о народной школѣ и о созданіи матеріала для внѣшкольнаго образованія. Благодаря энергіи

Счастье на край да сплывае.
Зъ ровною му славою,
Миромъ солнце да сіяе
На счастливу Австрію!...

(«Имнъ народный» изъ Славяно-русскаго букваря «Общества имени Качковскаго», Львовъ 1899 г.).

А вотъ помѣщенные въ томъ же букварѣ стихи Пушкина, которыхъ Общество Качковскаго, вопреки идеѣ единства русскаго языка и народа, не считаетъ возможнымъ предлагать своимъ читателямъ безъ спеціальной препарировки:

Що ты ржешь, мой коню сивый,
Що ты шію опустилъ,
Не потряхиваешь гривы,
Не грызешь своихъ удилъ?
— Отъ того я ржу, що въ полѣ
Вже не долго мнѣ гуляти
Проживати въ доброй волѣ,
Свѣтловъ збрусею сіяти;
Що вже вскорѣ врагъ суровый
Збрую всю мою возьме,
И серебряны подковы
Зъ легкихъ ногъ моихъ здере!

«Просвіты», народно-школьная литература была очищена отъ уродливаго «язычія»; была выработана въ спеціальныхъ комиссіяхъ научная номенклатура и терминологія для среднихъ школъ и составлены необходимые учебники на живомъ народномъ языкѣ; при наличности доброкачественнаго учебнаго матеріала, живой украинскій языкъ легко могъ занять прочное положеніе въ галицкой школѣ, какъ основа раціональнаго преподаванія. Съ 80-хъ годовъ «Просвіта» обратила особое вниманіе на устройство по селамъ и мѣстечкамъ читаленъ и библіотекъ, вела широкую агитацію за права украинскаго языка, за открытіе новыхъ украинскихъ гимназій; еще черезъ 10 лѣтъ въ программу «Просвіты» вошло содѣйствіе развитію среди народа экономическихъ организацій разнаго рода. Параллельно съ этою работою «Просвіта» продолжала вести популярное книгоиздательство, дополненіемъ къ которому служило изданіе произведеній изящной литературы для интеллигенціи. Свыше 45 лѣтъ работала львовская «Просвіта»; къ концу 1912 г. внѣшніе итоги ея работы характеризовались слѣдующими цифрами: членовъ общества насчитывалось до 35.000, филіальныхъ отдѣленій 74, читаленъ 2.611, популярныхъ брошюръ по разнымъ отраслямъ знаній было издано около 450 названій, въ количествѣ свыше 3 милліоновъ экземпляровъ. Но каждая читальня «Просвіты» живетъ особою жизнью и сама по себѣ представляетъ маленькую «Просвіту», съ особою организаціею членскихъ взносовъ, экономическими учрежденіями, собственнымъ имуществомъ. Общее число членовъ читаленъ «Просвіты» превышало 130.000; при нихъ насчитывалось около 400 собственныхъ помѣщеній, свыше 540 потребительныхъ лавокъ, 339 кредитныхъ кассъ, 121 зернохранилище, а въ библіотекахъ свыше 100.000 книгъ. При тѣхъ же читальняхъ организовались сценическіе любительскіе кружки (около 300), хоры (около 200), оркестры, устраивались спектакли, концерты, рефераты, лекціи, курсы для неграмотныхъ, подготовительные курсы, высшіе курсы разнаго рода, культурныя торжества, связанныя съ чествованіемъ памятныхъ именъ, какъ Шевченко, Шашкевичъ и т. п.

Стефанъ Качала.
† 1885 г.
(Основатель «Просвіты»).

Изъ трудовъ «Просвіты» для болѣе образованныхъ круговъ украинскаго общества отмѣтимъ прекрасное изданіе «Руська письменність»,—серію тщательно обработанныхъ полныхъ собраній сочиненій украинскихъ авторовъ; до сихъ поръ вышло 20 томовъ съ произведеніями Котляревскаго, Гулака, Гребинки, Квитки, Маркіяна Шашкевича, Головацкаго, Устіяновича, Могильницкаго, Метлинскаго, Костомарова, Шевченка, Глѣбова, Кулиша, Климковича, Владиміра Шашкевича, Стороженка, Руданскаго, Воробкевича. Эти и другія изданія «Просвіты», вмѣстѣ со всею разностороннею ея дѣятельностью, проникавшею во всѣ сферы народной жизни, пріобрѣли этому обществу глубокія симпатіи и среди интеллигенціи и въ народныхъ массахъ украинской Галичины. Въ распоряженіе «Просвіты» шли крупныя и малыя пожертвованія, передавались фонды спеціальнаго назначенія, въ ея трудахъ принимали участіе широкіе круги украинской интеллигенціи. Имущество «Просвіты», созданное трудомъ и денежными пожертвованіями ея членовъ, превышаетъ своею стоимостью милліонъ кронъ, въ томъ числѣ имѣется большой каменный домъ въ центрѣ Львова. Денежные фонды, переданные въ распоряженіе «Просвіты», въ общей сложности превышаютъ 400.000 кронъ. Для своихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій «Просвіта» имѣетъ земельные участки. Филіальныя отдѣленія «Просвіты», въ свою очередь, владѣютъ имуществомъ на сумму не менѣе милліона кронъ; многія изъ нихъ содержатъ бурсы (общежитія) для учениковъ народныхъ и ремесленныхъ школъ, народныя школы и др. учрежденія. Общій годовой бюджетъ «Просвіты» достигалъ въ послѣдніе годы суммы 700.000 кронъ, которая почти цѣликомъ покрывается доходами общества; незначительную субсидію отъ областного сейма общество получаетъ только на свои агрономическія школы и экономическую дѣятельность.

Эта послѣдняя сторона жизни «Просвіты» заслуживаетъ нѣсколько болѣе детальныхъ поясненій. Если не считать изданія популярныхъ книжекъ агрономическаго содержанія, то работа «Просвіты» въ экономической области началась лишь съ 1896 г. приглашеніемъ на службу общества инструктора-агронома, на обязанности котораго лежатъ разъѣзды по селамъ для чтенія лекцій на сельско-хозяйственныя темы, совѣтовъ и указаній членамъ общества, устройства опытныхъ полей, организаціи экономическихъ союзовъ и пр. Такимъ образомъ, при участіи

агронома «Просвіты» и при ея матеріальной поддержкѣ, народились въ Галичинѣ молочные кооперативы; опытныхъ полей при крестьянскихъ хозяйствахъ организовано «Просвітою» около 1800 въ 425 сельскихъ обществахъ. Тѣмъ же способомъ «Просвіта» организовала въ широкихъ размѣрахъ покупку посѣвнаго зерна, коллективную покупку крестьянами сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, вела посредническія операціи по закупкѣ удобреній, сѣмянъ и орудій, основала нѣсколько питомниковъ плодовыхъ деревьевъ, раздавала крестьянамъ породистыхъ производителей для улучшенія породъ мелкихъ домашнихъ животныхъ и птицы. Въ 1910 г. «Просвіта» прекратила свою дѣятельность въ области агрономической помощи населенію, такъ какъ эту задачу взяла на себя возникшая въ этомъ году спеціальная организація «Сільский Господарь». Не прекратилось лишь изданіе агрономической литературы, изъ которой особенное значеніе имѣетъ популярное руководство «Взірцевий Господарь» («Образцовый хозяинъ»).

Въ области экономической коопераціи «Просвіта» начала работу еще съ 1891 г. учрежденіемъ при своихъ читальняхъ потребительныхъ лавокъ, кредитныхъ кассъ и другихъ подобныхъ учрежденій. Для контроля надъ дѣятельностью лавокъ и кассъ имѣется особый инструкторъ, который также читаетъ лекціи на кооперативныя темы, организуетъ курсы. Нѣкоторое время общество выполняло посредническія операціи по поставкѣ товаровъ для лавокъ, но впослѣдствіи передало эту работу инымъ организаціямъ, возникшимъ спеціально для посредническихъ функцій. Въ школахъ, содержимыхъ «Просвітою», кооперація составляетъ особый предметъ преподаванія.

Содержаніе трехъ спеціальныхъ школъ является одною изъ самыхъ важныхъ задачъ «Просвіты» въ послѣдніе годы. Въ 1909 г. общество основало въ Толмачскомъ повѣтѣ (уѣздѣ) зимнюю мужскую одноклассную агрономическую школу, снабдивъ ее крупнымъ земельнымъ участкомъ (100 морговъ), собственнымъ домомъ, цѣною около 80.000 кронъ, и большимъ питомникомъ. Въ 1911 г. «Просвіта» основала торговую школу во Львовѣ съ двухгодичнымъ курсомъ; въ содержаніи этой школы принимаютъ участіе, кромѣ «Просвіты», и нѣкоторыя кооперативныя организаціи, представители которыхъ входятъ въ составъ завѣдывающаго школою попечительнаго совѣта. Въ 1912 г. въ Рудецкомъ повѣтѣ «Про-

світою» открыта одноклассная школа женскаго хозяйства. Нѣтъ надобности говорить, что во всѣхъ трехъ школахъ преподаваніе идетъ по-украински.

Какъ видимъ, «Просвіта» въ теченіе 45 лѣтъ своей дѣятельности совершила просвѣтительную и организаціонную работу неизмѣримаго и неоцѣнимаго значенія. Съ увѣренностью можно сказать, что именно этою работою была подготовлена почва для послѣдовавшаго расцвѣта кооперативнаго движенія въ украинской Галичинѣ. Въ этомъ отношеніи любопытна та чуткость, съ какою «Просвіта» улавливала назрѣвающія потребности въ экономической жизни народа, спѣшила создать для ихъ удовлетворенія соотвѣтствующую организацію и затѣмъ, когда новое начинаніе прививалось и вызывало къ жизни,—нерѣдко по иниціативѣ той же «Просвіты»,—новые, спеціальные типы кооперативовъ, «Просвіта» передавала въ ихъ вѣдѣніе свой опытъ, матеріалъ и готовую организацію. Такъ, на начинаніяхъ «Просвіты» возникъ уже отмѣченный выше союзъ «Сільский Господарь»—для улучшенія въ селахъ агрономической техники; организація покупки и продажи сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ перешла въ руки «Союза спілок господарсько-торговельных»; оптовые склады для потребительскихъ кооперацій соединены со складами «Народной торговли». Дальнѣйшимъ шагомъ въ томъ же направленіи было бы обособленіе отъ «Просвіты» ея агрономическихъ школъ и кооперативныхъ курсовъ. Это безпрерывное броженіе, возникновеніе въ организаціи «Просвіты» новыхъ формъ и развитіе ихъ въ самостоятельные организмы свидѣтельствуетъ о глубокой жизненности началъ, лежащихъ въ основѣ дѣятельности «Просвіты» и вполнѣ отвѣчающихъ реальнымъ нуждамъ украинскаго населенія Галиціи; результаты работы «Просвіты» указываютъ, что только этими нуждами, а не партійными тенденціями и не личными интересами кружковыхъ дѣятелей направлялась работа «Просвіты» и опредѣлялись избираемые ею пути и способы помощи народнымъ массамъ.

Мы подробно остановились на дѣятельности «Просвіты» въ виду того, что она, охватывая собою самыя разнообразныя задачи, различныя формы единенія, а также различные типы кооперативовъ, является наиболѣе поучительнымъ образцомъ высокаго уровня общественности галицкихъ украинцевъ. Изъ иныхъ общественныхъ организацій особеннаго вниманія заслуживаетъ ра-

бота экономическихъ кооперативовъ всякаго рода, среди которыхъ успѣли народиться учрежденія болѣе совершенныхъ типовъ, занимающія весьма видное мѣсто въ экономической жизни украинскаго населенія Галичины. Но этого рода организаціи уже подробно охарактеризованы выше, въ главѣ, посвященной хозяйственнымъ отношеніямъ Галиціи, и возвращаться къ этой темѣ мы не будемъ. Отмѣтимъ лишь, что статистика кооперативныхъ организацій Галиціи насчитываетъ, въ общей сложности, не менѣе 7000 украинскихъ кооперативовъ разныхъ типовъ и что въ этихъ кооперативахъ объединено не менѣе полумилліона лицъ, преимущественно изъ крестьянской среды. Эти цифры сами по себѣ характеризуютъ крупный ростъ кооперативнаго движенія въ восточной Галиціи и его значеніе въ быту мѣстнаго украинскаго населенія; если же принять во вниманіе, что вся эта огромная сѣть кооперативовъ раскинута на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ губерній, то придется воздать дань справедливаго удивленія энергіи галицко-украинской интеллигенціи, въ короткое время столь успѣшно использовавшей свои конституціонныя права для экономическаго подъема народныхъ массъ.

Профессіональныя, филантропическія, клубныя и иныя организаціи.

То же напряженіе общественной энергіи, какое проявилось въ ростѣ экономическихъ организацій украинской Галиціи, отмѣчается и во всѣхъ иныхъ формахъ общественной жизни; всюду мы находимъ интенсивную организаторскую работу на національной почвѣ, приводящую къ подъему національнаго самосознанія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ повышенію культурнаго уровня различныхъ слоевъ украинскаго населенія.

Профессіональныя организаціи всего больше распространены въ школьно-педагогическихъ кругахъ. Не останавливаясь на подробностяхъ устройства этихъ организацій, мы ограничимся перечисленіемъ главнѣйшихъ изъ нихъ, съ указаніемъ взятыхъ ими на себя задачъ. «Руське товариство педагогичне» во Львовѣ существуетъ съ 1883 г., содержитъ нѣсколько учебныхъ заведеній и интернатовъ, издаетъ два педагогическихъ журнала, имѣетъ 12 филіальныхъ отдѣленій. Общество «Руслан» во Львовѣ помогаетъ бѣднымъ ученикамъ гимназіи деньгами, одеждою, книгами, лѣкарствами и т. п. Рядъ обществъ аналогичнаго типа

существуетъ въ разныхъ городахъ, подъ названіемъ «Шкільна поміч». Имѣется нѣсколько обществъ, содержащихъ такъ называемыя «бурсы», т.-е. интернаты для школьниковъ; изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ «Руська бурса реміснича і промислова» во Львовѣ.

Изъ профессіональныхъ организацій отмѣтимъ «Товариство руських ремісників—Зоря» во Львовѣ, съ обычными филантропическими задачами. Задачу развитія національнаго искусства въ пѣніи и музыкѣ преслѣдуетъ общество «Руський Боян» и рядъ другихъ музыкальныхъ обществъ, объединенныхъ въ «Союзъ співацьких і музичних товариств», который, между прочимъ, содержитъ во Львовѣ «Висший інститут музичний»—частную консерваторію.

Изъ организацій клубнаго характера заслуживаетъ упоминанія: общество «Руська Бесіда», основанное во Львовѣ еще въ 1861 г.; крупную заслугу этого общества составляетъ учрежденіе по его иниціативѣ въ 1864 году украинскаго театра. По образцу «Руськой Бесіди» организованъ рядъ аналогичныхъ обществъ въ другихъ городахъ украинской Галиціи.

Особое мѣсто среди филантропическихъ организацій занимаетъ общество «Народна лічниця» во Львовѣ, учрежденію которой много содѣйствовалъ личными матеріальными средствами митрополитъ гр. Шептыцькій; содержимая обществомъ лѣчебница замѣчательна своимъ образцовымъ устройствомъ и прекраснымъ мѣстоположеніемъ.

Существуютъ организаціи съ исключительно женскимъ составомъ участниковъ, какъ напр., педагогическій «Клюб русинок», «Кружок українських дівчат», «Руська захоронка» (ясли)—всѣ три во Львовѣ.

Далѣе, имѣется рядъ организацій учащейся молодежи, изъ которыхъ старѣйшая «Академична Громада» при львовскомъ университетѣ, поддерживаемая «Науковим товариством імени Шевченка»; кромѣ нея, заслуживаютъ упоминанія—общество «Основа» для студентовъ львовскаго политехникума и общество «Січ» во Львовѣ, объединяющее молодежь обоего пола.

Остается отмѣтить многочисленныя спортивныя организаціи, занимающія видное мѣсто въ жизни интеллигентскихъ круговъ Галичины и, пожалуй, еще болѣе значительное въ быту галицкой украинской деревни. Старѣйшая и самая обширная изъ нихъ—

Общество «Сокіл» во Львовѣ, организованное по типу чешскихъ и польскихъ сокольскихъ обществъ. Главною задачею сокольской организаціи является содѣйствіе всему, что облагораживаетъ фивическія и моральныя силы человѣка» или, другими словами, воспитаніе новыхъ поколѣній по принципу «здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ». Кромѣ гимнастическихъ и всякаго рода спортивныхъ упражненій и развлеченій, общество основываетъ въ селахъ пожарныя дружины («сторожі пожарні»), имѣющія, кромѣ спеціальной, еще и общую задачу объединенія народныхъ массъ на почвѣ національной солидарности и спортивной дисциплины. Вообще, украинскій «Сокіл» является, въ отличіе отъ другихъ славянскихъ «соколовъ», преимущественно сельскою, крестьянскою организаціею и, благодаря широкому распространенію своихъ отдѣловъ, сыгралъ замѣтную роль въ ростѣ національнаго самосознанія среди украинскаго крестьянства Галиціи. Число открытыхъ «Соколом» отдѣленій и пожарныхъ дружинъ считается сотнями, а число ихъ членовъ—десятками тысячъ.

Вполнѣ аналогична «Соколу» по своимъ задачамъ организація «Січей», возникшая въ Коломыѣ и распространившаяся оттуда въ селахъ горной Галичины и Буковины. Отличіе «Січей» отъ «Соколовъ» чисто внѣшнее, — въ нѣкоторыхъ заимствованіяхъ по части костюма и іерархической терминологіи изъ исторіи стараго Запорожья. Отдѣльныхъ «січей» насчитывается до 600, а членовъ ихъ — «січовиків» — до 30.000. Въ послѣднее время намѣтилось стремленіе сокольской и сѣчевой организацій къ сліянію въ одинъ союзъ украинскихъ спортивныхъ обществъ.

Въ маленькой Буковинѣ украинская интеллигенція создала, по своему масштабу, относительно меньше общественныхъ организацій, чѣмъ въ Галичинѣ, но и здѣсь общественная жизнь развилась съ значительною полнотою и разнообразіемъ формъ общенія и самодѣятельности. Старѣйшимъ буковинскимъ обществомъ является «Руська Бесіда» въ Черновцахъ, основанная въ 1869 г. Роль этой организаціи въ Буковинѣ аналогична роли львовской «Просвіты»; «Руська Бесіда» дала толчокъ національному движенію среди украинскаго населенія и явилась первымъ его культурнымъ учрежденіемъ. Общество имѣетъ 8 филіальныхъ отдѣленій, до 125 читаленъ. Членовъ насчитывалось въ 1910 г. свыше 700. Популярныхъ изданій выпущено обществомъ 205.

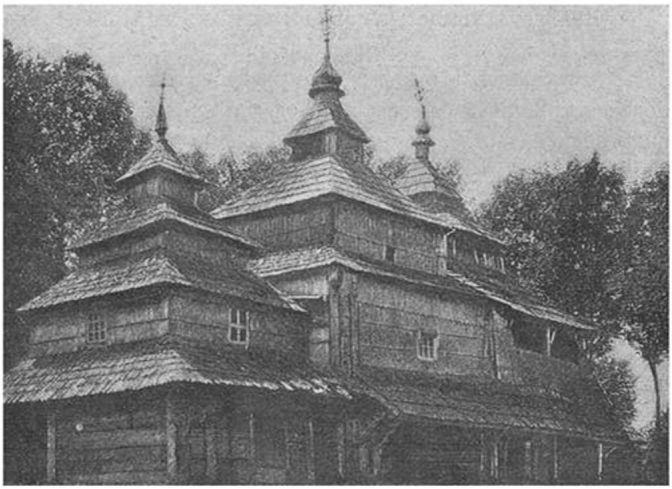
Позднѣйшею (съ 1909 г.) и уже чисто политическою организаціею является общество «Руська Рада», поставившее своею задачею развитіе національнаго самосознанія и просвѣщенія среди буковинскаго крестьянства и его политическое воспитаніе. Канцелярія «Руської Ради» даетъ всякаго рода совѣты своимъ членамъ, письменные и устные, выступаетъ передъ властями въ защиту крестьянскихъ интересовъ, беретъ на себя веденіе всякаго рода дѣлъ и пр. Общество имѣетъ свой органъ—«Народний Голос»; съ 1910 г. обществомъ организованъ народный университетъ («курсы висшої народної освіти»).

Особое общество существуетъ для содержанія въ Черновцахъ «Народнаго дома», въ которомъ сосредоточивается рядъ украинскихъ культурныхъ учрежденій: читальня, типографія, театральный залъ, залъ для народныхъ собраній, школьныя общежитія (бурсы). Членовъ въ обществѣ свыше 400. Одна изъ бурсъ, содержимыхъ обществомъ, носитъ имя буковинскаго поэта Осипа Федьковича.

Изъ экономическихъ организацій крупное значеніе имѣетъ товарищество «Буковинська Торговля», насчитывающее около 200 членовъ; открывшись только въ 1910 г. «Торговля» еще не успѣла развить свои обороты до значительныхъ цифръ, но она имѣетъ всѣ данныя стать ядромъ кооперативнаго движенія среди буковинскаго крестьянства. Далѣе отмѣтимъ ссудо-сберегательное товарищество въ Черновцахъ («Руска каса для ощадности і позичок»), имѣющее свыше 1500 членовъ; въ селахъ имѣется много сберегательныхъ кассъ райфейзеновскаго типа, объединяемыхъ въ одинъ союзъ—«Селянська каса». Преимущественно профессіональный характеръ имѣетъ общество «Поміч»,—для моральной и матеріальной помощи ремесленникамъ и промышленникамъ: общество выдаетъ стипендіи ученикамъ спеціальныхъ школъ, имѣетъ читальни, фабрику ткацкихъ издѣлій, устраиваетъ молодыхъ людей на практику въ мѣстныхъ промышленныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Чисто профессіональнымъ является общество «Українська школа», учрежденное для поддержки буковинскихъ школъ и учительскаго персонала въ Буковинѣ; имѣетъ свыше 10 филіальныхъ отдѣленій.

Наконецъ, имѣются общества артистическія, какъ «Буковинський Боян», нѣсколько студенческихъ организацій («Союз», «Православна академія», «Запороже», «Січ»), гимнастическія

и пожарныя общества—«Січ»,—того же типа, какъ и галиційскія «Січи», при чемъ всѣ буковинскія «Січи» объединяются въ общій «Союз Січий». Рядъ перечисляемыхъ ниже черновецкихъ обществъ характеризуется уже самими названіями: «Українське касино», «Історичне товариство», «Жіноча громада», «Кружок Жіночої громади», «Товариство православних русинок», «Міщанський хор», «Міщанська читальня», «Українська Громада» и т. п.



Церковь въ с. Черныця (построена въ 1709 г.).

На Угорщинѣ общественная самодѣятельность развита среди украинскаго населенія крайне слабо. Въ 50—60-хъ годахъ возникли литературныя общества въ Пряшевѣ и Унгварѣ, но, оказавшись въ рукахъ москвофиловъ, общества эти вскорѣ замерли и затѣмъ закрылись. Въ дальнѣйшемъ, если и возникали организаціи, имѣвшія въ виду интересы угро-руссовъ, то фактически онѣ носили мадьярскій характеръ, пользовались мадьярскимъ языкомъ и считаться національными украинскими не могутъ.

На поворотѣ.

Текущій годъ является поворотнымъ въ исторіи Прикарпатской Украины. Старое историческое прошлое, пережитое этимъ краемъ, отъ княжескаго періода до раздѣла Польши, позднѣйшій періодъ австрійскаго владычества, охарактеризованный въ предыдущихъ очеркахъ, и вчерашнее «настоящее» русинъ,—совсѣмъ еще недавніе годы ихъ національнаго возрожденія и культурнаго подъема, весь этотъ долгій путь, повидимому, нужно считать законченнымъ, отошедшимъ въ исторію. Сегодня—русины живутъ въ періодѣ переходномъ, на зыбкой почвѣ, съ выдернутыми изъ нея обнаженными корнями, безъ ясныхъ законодательныхъ нормъ, безъ правильныхъ экономическихъ и соціальныхъ правоотношеній. Нахлынувшая ураганомъ стихія великой европейской войны залила собою украинское Прикарпатье, пріостановила жизнь его національнаго организма, его общественнаго аппарата, внесла руину въ его экономическія отправленія и изъ дымящихся развалинъ прошлаго воздвигла высокую стѣну, загораживающую ближайшее будущее края...

Пока наступитъ завтрашній день и откроетъ эти новыя перспективы, русскому обществу слѣдуетъ подвести итоги пережитаго галичанами періода по вчерашній день, оцѣнить ихъ національно-культурное достояніе и вообще установить опредѣленное отношеніе къ новому, территоріальному пріобрѣтенію Россіи и къ его дальнѣйшей судьбѣ въ новыхъ условіяхъ. Много накопилось недоразумѣній и путаницы понятій около галицко-русскаго вопроса. Огромное большинство русскихъ людей искренно думаетъ, что съ завоеваніемъ Галиціи Россія получаетъ въ свои руки обыкновенную русскую «Львовскую губернію», населеніе которой, оторванное отъ своего природнаго отечества, стремилось слиться съ единокровными братьями губерній Московской, Тульской, Орловской и т. д.

Матеріалъ, приведенный нами въ предыдущихъ очеркахъ, рисуетъ, однако, нѣсколько иную картину. Историческая связь «возсоединяемаго» края съ Россіей оказывается теряющейся въ дали вѣковъ. Если Русь кіевская, дѣйствительно, близко знала Галицкое княжество; если козацкая Украина также считала Червоную Русь «по Сянъ» своей землей; то Русь Ивана Калиты и Россія Петра Великаго были для Червоной Руси далекимъ Московскимъ царствомъ. Послѣ 400 лѣтъ, прошедшихъ надъ Галиціей подъ польскимъ владычествомъ, и послѣ дальнѣйшихъ 140 лѣтъ, протекшихъ при австрійскомъ господствѣ, Галиція съ нынѣшнею Россіею имѣетъ лишь тѣ общія условія, какія создала на всемъ русскомъ югѣ украино-русская народность: пятисотлѣтнюю украинскую культуру, украинскій языкъ, богатое народное творчество на этомъ языкѣ и значительную литературу. Но даже и по отношенію къ россійской Украинѣ, Галиція представляетъ собою край, за послѣднія 50 лѣтъ далеко ушедшій впередъ въ культурномъ отношеніи, благодаря своимъ условіямъ политической жизни, свободѣ національнаго развитія и закалившейся въ политической борьбѣ энергіи своего населенія.

Издавна лишенный интеллигенціи, перешедшей на службу господствовавшей польской культурѣ, поставленный въ тяжелыя экономическія условія и придавленный національнымъ и политическимъ гнетомъ, галицкій народъ обреченъ былъ на безпросвѣтное прозябаніе и постепенную денаціонализацію на пользу болѣе сильной польской народности. Спасла его для исторіи открывшаяся на почвѣ австрійскаго конституціоннаго строя возможность культурной работы на національной украинской почвѣ; національная идея постепенно создала кадры новой интеллигенціи и объединила ее съ народными массами въ общей работѣ для національнаго возрожденія. И вотъ на протяженіи всего только 50 лѣтъ, съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Галиціи наблюдается расцвѣтъ украинской національной жизни, яркое выявленіе заложенныхъ въ украинскомъ народѣ духовныхъ цѣнностей, быстрое повышеніе культурнаго уровня, политическаго самосознанія и общественной самодѣятельности народныхъ массъ. Результаты этой напряженной работы и борьбы не во всѣхъ отношеніяхъ одинаково успѣшны, но въ главномъ ихъ можно признать блестящими: галицкій народъ отвоевалъ свою національную особность, добился признанія за нимъ поли-

тическихъ правъ, изъ народа мужиковъ и пастуховъ достигъ ранга культурнаго славянскаго племени, сталъ жить своею культурною жизнью, наравнѣ съ другими славянами Западной Европы.

Мы видѣли, какой тяжелый и упорный трудъ былъ положенъ галичанами для достиженія этихъ успѣховъ. Въ трудѣ этомъ приняло участіе нѣсколько поколѣній, постепенно выработывавшихъ въ себѣ необходимую въ условіяхъ западно-европейской политической жизни выдержку и работоспособность. Еще не близокъ былъ идеалъ галичанъ—политическое раздѣленіе Галичины на двѣ отдѣльныхъ автономныхъ области—восточную—украинскую и западную—польскую, но уже на пути къ этому идеалу были поставлены прочныя вѣхи постепеннымъ ростомъ вліянія украинцевъ въ областномъ сеймѣ и центральномъ парламентѣ. Это же усиленіе политическаго вѣса украинской народности обѣщало въ недалекомъ будущемъ удовлетворить національныя нужды въ области школы—низшей, средней и высшей. Въ сферѣ духовной культуры украинцы уже не испытывали со стороны мѣстной администраціи никакихъ стѣсненій, пользуясь полною религіозною свободою (если, конечно, къ религіознымъ интересамъ не примѣшивались соображенія внутренней и внѣшней политики), свободно развивая свою литературу, прессу, искусство. Очень многаго еще оставалось украинцамъ достичь въ области экономическихъ отношеній: вѣковые дефекты соціальнаго строя и общіе недостатки административной системы служили очень серьезными препятствіями къ экономическому подъему народныхъ массъ. Но и въ этомъ отношеніи систематическая и настойчивая работа украинской интеллигенціи, какъ мы видимъ, дала необычайно важные результаты; та же національная идея, національное самосознаніе—помогли украинскому народу въ Галиціи сплотиться въ тысячи экономическихъ организацій, противопоставившихъ экономическому и соціальному гнету силу организованнаго труда, частной иниціативы и идейнаго увлеченія. И въ дальнѣйшемъ, при взаимодѣйствіи общественной самопомощи съ парламентскою работою, начавшійся, благодаря кооперативному движенію, экономическій подъемъ въ краѣ, несомнѣнно прогрессировалъ бы все болѣе быстрымъ темпомъ.

Мы указали выше, что интенсивнымъ ростомъ своей національной культуры галицкіе украинцы обязаны не только собственнымъ силамъ, но и конституціонному строю государства,

открывшему возможность организованной общественной борьбы съ мѣстными тяжелыми политическими условіями. Безъ конституціонныхъ свободъ, стоящихъ выше мѣстнаго областного строя управленія, украинскія общественныя силы не нашли бы почвы для работы въ національномъ духѣ; Галицію постигла бы тогда судьба Угорщины, обезсиленной и еле дышащей подъ гнетомъ мадьярскаго націонализма, или участь русской Холмщины, утратившей національное самосознаніе въ тискахъ экономическаго и культурнаго вліянія поляковъ. Въ этомъ и слѣдуетъ искать объясненія, что галичане, вынужденные въ своей національной борьбѣ прибѣгать подъ защиту государственнаго строя, проникались по отношенію къ своему государству чувствомъ большой лойяльности. Трудно удивляться и тому, что при наступленіи грозныхъ для государства событій галицкіе украинцы съ тою же лойяльностью встали въ оборону австрійской государственности, въ рамкахъ которой нашли удовлетвореніе важнѣйшіе культурные интересы ихъ народа. Вспомнимъ, что еще съ большею активностью выступили за Австрію галицкіе поляки, которые вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивали и свою власть надъ Галиціей; а въ то же время познанскіе поляки, для которыхъ прусская система управленія не представляется особенно цѣннымъ благомъ, уклонились отъ предложенной Вильгельмомъ чести агитировать среди земляковъ въ защиту Германіи...

Если теперь, послѣ побѣдъ въ Галиціи, Россія получаетъ свое «наслѣдіе» не въ видѣ совершенно полонизованнаго края, то она обязана этимъ только украинскому національному движенію, отбившему натискъ польскаго націонализма. Романтики общерусскаго единства—галицкіе москвофилы—оказались безсильными въ борьбѣ съ польскою культурою, ибо отказались отъ единственно дѣйствительнаго въ такой борьбѣ орудія—родного языка и основаннаго на немъ національнаго самосознанія. Въ результатѣ Галичина сохранила свою «русскость» въ свойственныхъ ея населенію украинскихъ формахъ,—и въ этомъ видѣ, съ этими формами, со всѣми условіями, благодаря которымъ Галичина выросла до нынѣшняго культурнаго уровня, она должна бы быть принята Россіею безъ предубѣжденія и недоброжелательства.

И вотъ возникаетъ жгучій и больной вопросъ: что же въ самомъ дѣлѣ, ожидаетъ «возсоединенную Галицію» въ предѣлахъ

новаго отечества? Возобновится ли послѣ войны интенсивная общественная жизнь галицкаго населенія, направленная къ его культурному и экономическому подъему? Получатъ ли вновь силу тѣ формы политической жизни, въ которыхъ галицкіе русины выросли и выростили свои культурныя пріобрѣтенія, все разностороннее богатство своей духовной жизни, весь высокій уровень своей общественности? Русскому обществу слѣдуетъ знать, что отъ того или иного характера отвѣта на поставленные вопросы зависитъ будущая судьба цѣлаго народа,—того самаго народа, кровная связь съ которымъ считалась оправданіемъ давнишнихъ стремленій вернуть галицкое «наслѣдіе». Нынѣшняя война Россіи съ Австріей и Германіей считается освободительной войной, и потому возсоединенный народъ въ правѣ разсчитывать, что его освободятъ отъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, съ которыми онъ боролся, но сохранятъ за нимъ тѣ выработанныя имъ средства, съ помощью которыхъ онъ самъ пріобрѣталъ познанія и повышалъ свою культуру.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Стр.

Географическій очеркъ 1
Этнографическій очеркъ 11
I. Русины Галицкой равнины.
II. Гуцулы
III. Бойки.
IV. Лемки.
V. Угрорусы или угорскіе русины.
Историческій очеркъ 38
Національное и литературное движеніе въ XIX ст. 47
Административный строй. 81
Національныя отношенія. 87
Политическая жизнь 119
Церковныя отношенія 136
Хозяйственныя отношенія 148
Культурная жизнь. 170
Просвѣщеніе.
Наука.
Литература.
Пресса.
Искусство.
Просвѣтительныя организаціи.
Профессіональныя, филантропическія, клубныя и иныя организаціи.
На поворотѣ 226

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“

(четвертый годъ изданія)

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.—Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденіе печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія.—Украинское искусство.—Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

„Украинская Жизнь“ въ 1915 году будетъ выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ.

Въ теченіе 1915 г. въ „Украинской Жизни“ будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ исторіи Галиціи и Буковины, національно-политическимъ отношеніямъ въ нихъ, характеристикѣ культурно-просвѣтительныхъ организацій, характеристикѣ украинско-галицкихъ писателей и экономической политикѣ края.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой и пересылкой. Въ Россіи	6 р.	3 р. — к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	— р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	1 р. 50 к.	— р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ **5** руб., на 6 мѣс. **2** руб. **50** к. и на 3 мѣс. **1** р. **25** к. съ доставкою и пересылкою.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ **60** коп.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

Москва, Бол. Полянка, 32.—Тел. № 3-44-48.

1915 3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго,

1915 3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО"

Журналъ иллюстрируется картинами изъ прошлаго и портретами.

Журналъ посвященъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей и имѣетъ въ виду интересы широкихъ круговъ интеллигентныхъ читателей, обращая вниманіе въ ближайшее время на **темы, способствующія историческому пониманію текущей европейской войны.**

Между прочимъ будутъ напечатаны статьи по исторіи **СЛАВЯНСТВА** (**Галиція, Угорская Русь, Польша, Сербія** и др.), по исторіи культурныхъ и политическихъ отношеній **Россіи, Англіи, Франціи, Германіи, Австріи** и **Турціи** за послѣднія 50 лѣтъ и рядъ біографій (**Вильгельмъ II, Францъ-Іосифъ, Косцюшко, Гамбетта, Эдуардъ VII, Мицкевичъ, Бисмаркъ**).

Въ 1915 году будетъ печататься

Историческій романъ изъ прошлаго Бельгіи.

Въ литературномъ отдѣлѣ будетъ помѣщена переписка **ген. А. П. Ермолова, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Софьи Коваленской, кн. Д. М. Волконскаго, гр. А. А. Аракчеева, Г. И. Успенскаго, Н. И. Костомарова,** декабристовъ: **Розенъ, Якушкина, Пущина, фонъ-Визина;** дѣятелей освоб. крестьянъ и земцевъ 70 гг., сенатора **Шульца, И. А. Кошелева съ И. С. Аксаковымъ** и др.

Кромѣ того предположены **статьи и воспоминанія** *Д. Н. Анучина, К. К. Арсеньева, В. Я. Богучарскаго, И. П. Бѣлоконскаго, Е. Н. Водовозовой, Ч. Вѣтринскаго, Н. В. Давыдова, С. А. Ефремова, И. Н. Игнатова, А. А. Кизеветтера, П. С. Когана, Л. С. Козловскаго, П. А Кропоткина, Е. Д. Кусковой, Н. А. Морозова, Л. Ѳ. Пантелѣева, М. Н. Покровскаго, Г. В. Плеханова, С. Н. Прокоповича, А. С. Пругавина, Н. И. Романова, И. Е. Рѣпина, В. И. Семевскаго, Е. В. Тарле, В. Г. Тана, В. Н. Фигнеръ, В. М. Фриче, Р. М. Хинъ* и др.

Обозрѣніе текущихъ **иностранныхъ журналовъ** ведется: *А. М. Васютинскимъ, В. Н. Перцевымъ, В. Керженцевымъ* (Лондонъ), *И. М. Херасковымъ* (Парижъ), *Г. И. Шрейдеромъ* (Римъ).

Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи** въ 1914 году приняло участіе **болѣе 80 авторовъ.**

Подписчики на 1915 годъ имѣютъ право пріобрѣсти въ конторѣ журнала на льготныхъ условіяхъ историческія книги изданія „ЗАДРУГА".

Подробный проспектъ высылается безплатно.

Условія подписки: съ доставк. и пересылк. въ Россіи на годъ—**10** руб.; на 6 мѣс.—**6** руб.; для народн. учителей разсрочка.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, д. 29.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА".